

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1977

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. СИБАГАТОВ

ПРОБЛЕМА ПРЕДИКАТИВНОСТИ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ РЕШЕНИЮ

Теория предикативности начала развиваться с постановки вопроса о том, что именно делает предложение предложением, то есть в силу каких факторов предложение несет в себе сообщение и становится средством коммуникации. Ответ на этот вопрос, естественно, искали в самой структуре предложения, а точнее, во взаимодействии его структурных механизмов. Свойство «делать предложение предложением» (названное впоследствии предикативностью) лингвисты стали усматривать в сфере отношений между главными структурными частями или членами предложения. Однако следует заметить, что члены предложения при этом выделялись не по одному и тому же принципу. С одной стороны, противопоставляя две части предложения, исследователи непосредственно исходили из их соответствия субъекту и предикату суждения. Такое членение предложения было характерно для логического направления в языкознании. С другой стороны, предложение расчленялось так, что выделенные части, вольно или невольно, соотносились (или могли быть соотнесены) с компонентами суждения — психологическое, формально-грамматическое и актуальное (или логико-грамматическое) членения предложения.

В конечном итоге понятие предикативности в лингвистике оказалось идентичным такому логическому понятию, как отношение между субъектом и предикатом суждения. И не случайно самое общее и традиционное определение категории предикативности (или предикативного отношения) сводится к отношению между частями или членами предложения, соотносительными с логическим субъектом и предикатом¹.

Некоторые исследователи, признавая все недостатки формально-логического подхода к изучению синтаксической структуры языка, тем не менее проявляют определенную двойственность; в частности, рассматривая предикативность как отношение между подлежащим и сказуемым или как свойство сказуемого, характеризуют их (структурно-грамматические подлежащее и сказуемое) как категории с вещественно-логическим содержанием. Так, например, в учебнике «Современный русский язык» под редакцией Е. М. Галкиной-Федорук говорится, что двусоставными называются такие предложения, «которые соотносятся с

¹ Относительно определения категории предикативности, в частности. М. И. Стеблин-Каменский пишет, что «это по содержанию несомненно и есть то, что в логике называется отношением между субъектом и предикатом». (См.: М. И. Стеблин-Каменский. О предикативности. — «Вестник ЛГУ», 1956, № 20, стр. 135.).

суждением (S — P)»². Сказуемое в этой грамматике определяется, прежде всего, как «слово, поясняющее, предизирующее подлежащее»³, затем уже перечисляются его грамматические признаки.

Подобные определения характерны также для работ по синтаксису тюркских языков. Это, несомненно, результат прямого влияния русского языкознания. Приведем только один пример. В учебнике по грамматике татарского языка В. Хангильдина⁴ отмечаются моменты, которые, по мнению автора, «должны учитываться» при определении подлежащего и сказуемого. Их всего два: 1) смысловые отношения подлежащего и сказуемого, 2) виды синтаксической связи и средства их выражения. На основании этого дается следующее определение сказуемого: «Сказуемое — главный член предложения, который объясняет, уточняет, характеризует подлежащее с какой-либо стороны (со стороны действия, состояния, свойства, связи с предметом)»⁵. И еще: «Сказуемым называется главный член, который оформляется или может быть оформлен по отношению к подлежащему по сказуемостным категориям лица и числа и в то же время служит для характеристики подлежащего с какой-либо стороны, утверждения чего-либо о нем»⁶.

Традиционное определение предикативности, таким образом, опирается на две известные теоретические концепции: а) подлежащее и сказуемое наделяются вещественно-логическим содержанием, как это делалось в приведенных выше определениях; б) главные члены предложения признаются теми структурными элементами, с помощью которых выражается предикативность. Обе эти концепции неизбежно ведут к тому, что главные члены предложения, вольно или невольно, отождествляются с субъектом и предикатом суждения.

В результате возникло своеобразное раздвоение понятия предикативности. В лингвистической литературе стали выделять, с одной стороны, предикативность, так сказать, в собственном смысле слова, а, с другой стороны, сказуемость — понятие структурно-грамматического порядка. Такое решение проблемы было предложено в статье В. Г. Адмони «Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности». Автор считает, что необходимо различать, с одной стороны, «грамматическое предикативное связывание двух компонентов» (отношение подлежащего и сказуемого, или, по-другому, сказуемость); с другой стороны, «коммуникативно-индивидуальную предикативную связь» (отношение компонентов двучленной фразы в понимании Л. В. Щербы, — предикативность в собственном смысле слова)⁷.

При этом учитываются: в первом случае — направление морфологической зависимости (от подлежащего к сказуемому); во втором — направление коммуникативной зависимости (от сказуемого к подлежащему). Эти два типа связи В. Г. Адмони относит к двум аспектам предложения.

Разграничение предикативности и сказуемости было уточнено В. З. Панфиловым. По его мнению, «сказуемость, как самое сказуемое, не является конституирующим признаком предложения»⁸. Она имеет место только в тех предложениях, где есть сказуемое. Предложение

² «Современный русский язык. Часть II. (Морфология и синтаксис)». М., 1964, стр. 309.

³ Там же, стр. 309.

⁴ В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.

⁵ Там же, стр. 383.

⁶ Там же, стр. 387.

⁷ «Филологические науки», 1960, № 1.

⁸ В. З. Панфилов. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971, стр. 170.

делает предложением именно предикативность, «которая характеризует отнесенность содержания предложения к действительности»⁹.

Предикативность в таком понимании, хотя и расценивалась как необходимая характеристика всех предложений, на деле интерпретировалась на материале коммуникативно расчленяемых предложений. В исследованиях данного направления ставился знак равенства между компонентами предикативного отношения и компонентами актуального членения, а термины «предикативность», «предикативное» использовались прежде всего для описания отношений между «данным» и «новым»¹⁰.

Можно сказать, что в развитии теории предикативности в его традиционном (логическом) понимании круг замкнулся. Это нашло выражение, например, в характере членения предложения на отдельные части, отношения между которыми трактовались как предикативность. Развитие этой теории, как известно, началось с членения предложения на две части, прямо и непосредственно соответствовавшие логическому субъекту и предикату. Затем, выделив главные компоненты предикативной связи, исследователи обратили внимание на то, что в предложении имеются члены, не участвующие в выражении предикативности, — второстепенные члены. Тогда предикативность стали усматривать только в отношениях между подлежащим и сказуемым. И, наконец, как бы возвращаясь к исходной позиции, стали определять предикативность на основе расчленения всего состава предложения только на две части («данное» и «новое»).

Несмотря на существенные различия между принципами, лежащими в основе членений, общим являлось то, что все членения производились в рамках синтагматики. Обязательным условием для таких членений всегда считалось наличие сочетания двух главных, относительно самостоятельных, противопоставленных друг другу, словесно выраженных частей.

При этом такие категории, как наклонение, время, лицо, субъективная модальность и т. д., вовлекались в сферу теоретических построений постольку, поскольку они могли дать возможность показать «грамматическое оформление» (или «собственно грамматический аспект») предикативного (логического) отношения частей. Говоря о предикативности как об отношении подлежащего и сказуемого, обычно обращали (и обращают) внимание на грамматические категории, обнаруживаемые в составе самого сказуемого (наклонение, время, лицо, число, иногда и отрицание), называемые сказуемостными категориями. Когда же предикативность преподносится как отношение между компонентами актуального (коммуникативного) членения, то в этом случае его «оформление» связывают прежде всего с интонацией, порядком слов, а также модальностью в ее особом (логико-грамматическом) понимании.

Таким образом, способы собственно грамматического оформления предикативности определялись по-разному, в зависимости от характера синтагматического деления предложения. Иными словами, при стабильности основного логического содержания категории предикативности ее грамматический аспект оказался непостоянным.

Логическая сторона проблемы, можно сказать, всегда находилась в противоречии с грамматической. В их взаимоотношении трудно было обнаружить желаемую гармонию.

⁹ В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 169.

¹⁰ Это, в частности, нашло выражение в работах И. П. Распопова; см.: И. П. Распопов. К вопросу о предикативности. — «Вопросы языкознания», 1958, № 5.

Явно противоречивым в рассмотренном выше подходе к проблеме предикативности было то, что оставался необъясненным немаловажный вопрос о выражении предикативности в тех предложениях, где невозможно произвести упомянутое деление из-за наличия только одного члена.

Поиски решения этого вопроса сложились чуть ли не в самостоятельное направление в развитии теории предикативности.

Известны попытки «восстановить» отсутствующий в наличном составе предложения второй член. Эти попытки приводили зачастую к различного рода искусственным теоретическим построениям. К их числу можно отнести, в частности, распространенную концепцию, согласно которой отсутствующий член якобы можно «восстановить» по контексту (ситуации). Допускалось также, что этот второй член скрыто существует в грамматической структуре предложения, например, в виде форманта лица. При этом исходили из того положения, что односоставные предложения исторически восходят к двусоставным, и эти нерасчленяемые на данном этапе предложения образовались в результате переосмысления предикативных отношений между словами.

Однако решение проблемы о характере выражения предикативности в нерасчленяемых на части предложениях не было связано с окончательным решением вопроса о «втором члене».

Поиски велись и в принципиально ином направлении.

Особый интерес представляет теоретическое положение о выражении предикативности, выдвинутое В. В. Виноградовым в академической «Грамматике русского языка». В. В. Виноградов писал, что «предикативность не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения», что она «может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения»¹¹.

Это означало, что характеристика сущности категории предикативности вообще не основана ни на формально-логическом членении предложения на субъект и предикат, ни на структурно-грамматическом членении на подлежащее и сказуемое, ни на логико-грамматическом, или коммуникативном, членении на «данное» и «новое».

Положение о том, что «предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения», имело большое значение как методическая предпосылка. С этого времени в лингвистических исследованиях все яснее стало подчеркиваться, что категорию предикативности, или предикативное отношение, нельзя отождествлять с отношением частей предложения, в частности, подлежащего и сказуемого. Так, например, в журнале «Филологические науки» утверждалось, что «наличие подлежащего и сказуемого всегда создает предложение. Это верно, однако такое возражение ничего не доказывает. Во-первых, существуют высказывания без сказуемого, являющиеся тем не менее предложениями, например, номинативные, а, во-вторых, есть предложения, возникающие не как результат взаимного „приписывания“, предципирования этих двух формально-грамматических компонентов, а как результат отнесения всего содержания высказывания к действительности в целом без выделения тех или иных ее сторон»¹².

Положение о «нерасчленном выражении предикативности» получило дальнейшее развитие в академической грамматике русского языка, изданной в 1970 году. В главе «Простое предложение», написанной

¹¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., 1954, стр. 87.

¹² О. А. Крылова-Самойленко. О предикативности. — «Филологические науки», 1965, № 1, стр. 137.

Н. Ю. Шведовой, говорится, что предикативность «присутствует в каждом предложении и является его грамматическим значением», предикативность выявляется «в системе форм, противопоставленных по значениям объективной модальности, т. е. реальности — ирреальности и, внутри значения реальности, временных значений настоящего, прошедшего и будущего»¹³.

Важно подчеркнуть, что, по мнению Н. Ю. Шведовой, предикативность — это нерасчленяемое грамматическое (объективно-модальное) значение, заложенное в системе форм предложения. Оно выражает характер отношения сообщаемого к действительности.

Таким образом, особенность эволюции понятия предикативности в лингвистике состоит в том, что, с одной стороны, основное логическое содержание понятия оставалось неизменным, варьировалась лишь трактовка структурно-грамматического оформления, хотя в целом его всегда относили к сфере синтагматических явлений; с другой стороны, имелась тенденция к выделению особой категории под традиционным названием «предикативность», но с языковыми критериями определения, четко выраженным грамматическим содержанием. Можно сказать, что это было одним из результатов изменения общего направления грамматических исследований, которые стали характеризоваться углубленным вниманием к семантической структуре языка. При семантическом подходе к синтаксису ставилась цель преодолеть противоречие (несоответствия) логических и языковых структур, выделяемых соответственно в результате логического и формально-грамматического подходов. Основная единица «глубинного синтаксиса» — синтаксическое значение — оказалась прямо и непосредственно связанным как с логическим, так и с грамматическим аспектами предложения.

Отличие нового (грамматического) понимания предикативности от традиционного (логического) понимания ее можно показать на следующем примере. В предложении: тат. *Кояш чыкты* 'Солнце взошло' предикативность в грамматическом смысле выражается не отношением между двумя лексическими частями *кояш* и *чыкты*. Такое понимание предикативности совпало бы с ее традиционным, логическим, пониманием. В данном предложении предикативность в особом, грамматическом, смысле выражается с помощью грамматических категорий, а именно изъявительного наклонения, прошедшего времени, третьего лица. Реализация (актуализация) мысли, выражаемой предложением, связана прежде всего с наличием в нем указанных грамматических значений, именно они способствуют переносу содержания предложения в реальный план, соотносению его с моментом речи и участниками коммуникации.

Важно отметить, что в данном понимании предикативность выводится за рамки чистой синтагматики¹⁴.

Есть основание утверждать, что в настоящее время в теории предикативности под одним и тем же термином «предикативность» подразумеваются два различных явления: одно, относящееся к сфере синтагматики, и другое, выходящее за ее рамки. Назовем первое из них условно «логической предикативностью», а второе — «грамматической предикативностью». Сущность и механизм логической предикативности описаны довольно подробно. Однако природу грамматической предика-

¹³ «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 542, 546.

¹⁴ По этому поводу имеется интересное замечание Н. Д. Арутюновой. См.: «Общее языкознание». М., 1972, стр. 277.

тивности (в ее особом понимании) нельзя считать вполне раскрытой. Не претендуя на окончательное решение задачи, мы попытаемся обосновать реальность существования и правомерность выделения данного явления как специфической категории, противопоставленной традиционному (логическому) пониманию предикативности.

Представляется, что оформление мысли в качестве информации, основанное на синтезе логико-семантических единиц¹⁵, происходит не как единый, однообразный процесс, создающий такую же единую, однообразную структуру. Этот процесс имеет как бы двоякую направленность: одну из них можно представить в виде движения по горизонтали, а другую — по вертикали.

Два направления синтеза опираются на два типа логико-семантических отношений. Один из них обычно называют линейным (или синтагматическим). При этом имеются в виду отношения между элементами языка, сочетающимися в предложении в линейной (точнее: временной) последовательности. Другой тип отношений специально не изучен. Он фактически представляет собой отношение между двумя ярусами логико-семантических единиц, существующих в рамках предложения.

Два типа отношений составляют двуединую логико-семантическую структурную основу предложения.

Выделение, с одной стороны, линейной, или синтагматической, а, с другой стороны, вертикальной или межъярусной, структур в рамках предложения — ключ к определению сущности категории предикативности вообще и к разграничению двух пониманий ее в частности. Разные описания предикативности в лингвистике обусловлены различным отношением к реализации указанных структур.

Описание структуры предложения, противопоставляющее две лексико-грамматические части его, оказывается далеко не исчерпывающим. В действительности структура предложения вообще и его линейная структура в особенности обретает более сложный вид: во-первых, она оказывается необязательно двучленной, элементов структуры предложения может быть выделено гораздо больше; во-вторых, обнаруживается, что не все элементы линейного ряда участвуют в образовании линейной структуры предложения.

Глубинный подход к линейной структуре предложения прежде всего предполагает (или допускает) теоретическое вычленение из предложения таких логико-семантических единиц, которые, хотя и обнаруживаются в линейном ряду, в сущности не могут быть признаны отдельными звеньями этого ряда и, конечно, никак не могут быть промежу-

¹⁵ Следует уточнить, что вопрос об оформлении мысли в качестве информации допускает как логическую, так и лингвистическую интерпретации. При чисто логическом подходе, естественно, придется иметь дело с синтезом понятий в собственном смысле слова. А лингвистический, точнее, структурно-семантический подход, предполагает синтез единиц несколько иного характера — а именно синтез языковых значений.

Понятия и языковые значения нельзя ни отождествлять, ни резко противопоставлять. Они так или иначе соотносятся. Мы исходим из того, что языковые значения (не только лексические, но и грамматические) представляют собой познанные объективные содержания, то есть понятия, проникшие в систему языка и преобразованные в ней.

Специфика рассматриваемой нами проблемы, имеющей отношение и к логике, и к лингвистике, дает основание говорить здесь обобщенно — о логико-семантических единицах, не обособляя их.

О соотношении логических и языковых единиц, в частности, см.: *К. Г. Крушельницкая*. Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления; *В. И. Кодухов*. Мышление и языковые значения и функции. — В кн.: «Язык и мышление». М., 1967; *Л. М. Васильев*. Компоненты сознания в их отношении к единицам языка и речи. — В кн.: «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований». Уфа, 1966.

точным звеном. Это единицы, содержащие объективно-модальные и субъективно-модальные характеристики (наклонение, время, вводное слово и т. д.). В лингвистике их относят к актуализирующему плану предложения. Эти единицы реализуют свои функции, находясь в отношении связи не с каким-либо отдельным звеном линейной цепочки, а со всей этой цепочкой, взятой как единое целое. Например, в предложении: тат. *Ахры, маңге оныта алмамын* 'Наверно, никогда не забуду' модальное значение неуверенности, выраженное вводным словом, и значение будущего времени, выраженное формой глагола, распространяются на содержание всего высказывания. Эти единицы тем самым как бы выпадают из линейного ряда, образуют особый ярус предложения, противопоставленный всей остальной части его.

Вычленив названные единицы, мы отнимаем у предложения то, что в первую очередь делает его предложением; получаемое в результате образование не обладает коммуникативной автономностью. Но при всем этом линейный ряд не нарушается; освобожденный от всего, что функционально выходит за его пределы, он обнаруживает свою глубинную сущность.

Эта глубинная структура в лингвистике иначе называется пропозицией или пропозиитивной номинацией, что определяется как «вневременной набор отношений между глаголами и именами, отделенный от модального конституента»¹⁶.

Линейная структура в глубинном описании в конечном счете представляет собой сложный комплекс связей и отношений, существующих между словами и словосочетаниями и составляющих номинативную основу предложения.

Таким образом, сопоставляя два подхода к линейной структуре предложения, можно видеть, что в одном случае противопоставляются логико-семантические единицы, выделяемые на коммуникативной основе, а в другом — противопоставляются логико-семантические единицы, выделяемые на номинативной основе.

Линейная структура в коммуникативном описании охватывает предложение в целом. Номинативное описание же строится на части единиц, в совокупности образующих предложение; при этом единицы объективно-модального и субъективно-модального содержания оказываются отделенными. Но нельзя не заметить, что описание, сделанное на коммуникативной основе и имеющее глобальный характер, дает несколько упрощенную картину отношений. Во-первых, предложение, как правило, разбивается на два, каждый выделенный состав рассматривается как единое целое, хотя в действительности каждый из этих составов, в свою очередь, может быть расчленен на более мелкие, относительно самостоятельные логико-семантические единицы, связанные определенными отношениями. Эти отношения в коммуникативной структуре оказываются завуалированными. Иными словами, когда внимание сосредоточивается на одном, хотя и очень важном (определяющем коммуникативное задание) типе отношений, игнорируются все остальные отношения. Во-вторых, коммуникативное описание исходит из признания только линейных (синтагматических) отношений. При этом «детали» предложения, составляющие по сути два яруса, оказываются расположенными в одной плоскости. И, естественно, механизм их взаимодействия остается нераскрытым. А глубинное (номинативное) описание линейного ряда характеризуется большим преимуществом. Оно заключа-

¹⁶ Ch. Fillmore. The case for case. — «Universals in linguistic theory». N.-1., 1968, стр. 23.

ется не только в том, что глубинное описание относится к более сложному комплексу связей и отношений, существующих в линейном ряду, но, пожалуй, и в том, что данное описание строится на принципиально важной основе: выделяя свой предмет (набор отношений между лексическими единицами, отделенный от модальных характеристик), оно уже противопоставляет два яруса предложения (то, что образует линейную структуру, и то, что остается вне ее) и в конечном счете допускает не только линейные, но и межъярусные отношения одновременно.

Выделение межъярусной структуры, как уже было сказано, основывается на том, что логико-семантические единицы, содержащие объективно-модальные и субъективно-модальные характеристики, выпадая из линейного ряда, образуют особый ярус. В рамках предложения, таким образом, противопоставляются два яруса, находящиеся в определенных отношениях между собой.

Межъярусной структурой мы называем схему отношений, устанавливаемую между интуитивно выделяемыми логико-семантическими единицами, составляющими два яруса предложения. В этом случае противопоставление ярусов носит скрытый характер, поскольку эти ярусы изолированно не существуют.

Понятно, что ярусы, образующие особую структуру, неравноценны. В качестве одного из них выступает целостное логико-семантическое образование, относящееся к номинативному плану предложения. Этот ярус мы рассматриваем как ярус-основу. Второй ярус в совокупности составляющих его единиц, относящихся к актуализирующему плану предложения, предстает как ярус-признак.

Ярус-основа представляет собой часть предложения, остающуюся постоянной при всех изменениях его объективно-модальной и субъективно-модальной характеристики. Ярус-признак, обладая способностью каждый раз меняться, оказывается в положении переменной величины при основе. Это можно проиллюстрировать, сравнив различные формы парадигмы одного и того же предложения, например: тат. 1) *Бала елый* 'Ребенок плачет'; *Бала елады* 'Ребенок плакал'; *Бала елаячак* 'Ребенок будет плакать'; 2) *Бала еласын* 'Пусть ребенок плачет'; *Бала еласа икэн* 'Ребенок бы плакал'; 3) *Бала, элбэтга, елар* 'Ребенок, конечно, будет плакать'; *Бала, мөгаен, елар* 'Ребенок, наверно, будет плакать' и т. д. При общности основного номинативного состава, выраженного сочетанием слов *бала* и *елау*, каждое отдельное предложение, как видим, обладает индивидуальными модальными признаками.

Представляется, что ярус-признак, как и ярус-основа, — это внутренне организованная система, а, точнее, система двух взаимосвязанных, взаимопроникающих систем объективно-модальных и субъективно-модальных значений.

Основой системы (яруса-признака), пожалуй, является значение реальности — ирреальности. Значение реальности, как правило, в каждом отдельном случае предполагает одно из трех временных значений (настоящее, прошедшее, будущее). Значение ирреальности включает также более частные значения («возможное», «желаемое», «должное», «требуемое» и т. д.). Значение реальности — ирреальности сочетается со значением субъективной оценки и т. д.

Понятия «ярус-основа» и «ярус-признак» ассоциируются с известными в языкознании понятиями «диктум» и «модус», определения которых даны Ш. Балли. По его мнению, предложение состоит из двух частей. Одна из них «коррелятивна процессу, образующему представление (например, „дождь“, „выздоровливание“)». Эту часть предложения Ш. Балли называет «диктумом». Вторая часть предложения, по мнению

Ш. Балли, «содержит выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом». Эта часть предложения образует «модус», дополняющий «диктум»¹⁷.

В общем определении диктума и модуса, пожалуй, больше того, что их сближает с понятиями «ярус-основа» и «ярус-признак»; в обоих случаях, в конечном итоге, речь идет о выделении и противопоставлении модального и немодального составов предложения. Однако понятия «ярус-основа» и «ярус-признак» не совпадают с понятиями «диктум» и «модус». Ш. Балли, выделяя диктум и модус, прежде всего исходит из синтагматического деления предложения. Согласно его методике в предложениях типа: «Я полагаю, что этот обвиняемый невиновен» все главное предложение («я полагаю») относится к модусу, а придаточное предложение — к диктуму. В такой трактовке, когда выражение диктума и модуса связывается с определенными лексико-грамматическими частями или составами, предложения и их отношение вольно или невольно сводятся к сфере синтагматических отношений, сопоставляемые нами диктум и модус, с одной стороны, ярус-основа и ярус-признак, с другой стороны, никак не могут быть отождествлены. Однако эти понятия в одном-единственном случае максимально сближаются. Это происходит тогда, когда Ш. Балли говорит о предложениях, модус которых выражается имплицитно. При этом все словесно (эксплицитно) выраженное содержание предложения относится к диктуму, а выраЗИТЕЛЯМИ модуса считаются такие средства, как мимика, жесты, интонация, а также наклонение. В тех случаях, когда модус выражается нелексическими средствами, отношение между ним (модусом) и диктумом действительно выходит за пределы синтагматических отношений и может быть отождествлено с отношением, существующим между ярусом-основой и ярусом-признаком.

Что касается степени совершенства двух разных членений предложения вообще, то, видимо, следует отметить, что такие членения неизбежно связаны с определенными издержками. Выделяя модальные и немодальные составы, исследователь исходит из того, что в структуре предложения обусловлено объективным фактором (действительностью, независимой от человека) и субъективным фактором (отношением, позицией говорящего). И в конечном счете такие членения в своей основе оказываются условными, так как объективное и субъективное в языке образуют диалектическое единство.

Уточним: модус, выраженный, например, сочетанием «Я полагаю...» закономерно может иметь двойственную характеристику: с одной стороны, в нем действительно выражается субъективное отношение говорящего к остальной части высказывания, а, с другой стороны, это выражение одновременно имеет объективное содержание, обозначает действие, происходящее реально.

Двойственность диктума отмечена самим Ш. Балли. Он пишет, что в предложении, кроме модальности, выраженной сочетаниями типа «Я полагаю...» может иметь место модальность в глаголе диктума (выражение этой модальности связывается с наклонением).

Выделение яруса-основы и яруса-признака, производимое в общем на основе противопоставления объективного и субъективного, также не лишено условности. Относя ярус-основу к номинативному плану, мы усматриваем в нем прежде всего объективное содержание. Ярус-признак, содержащий объективно-модальные и субъективно-модальные характеристики предложения, соответственно рассматриваем как выра-

¹⁷ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 44.

жение отношения, позиции говорящего. Однако, если учесть, что и ярус-основа, и ярус-признак — это системы значений, то неизбежно напрашивается вывод: эти значения в любом случае (относим ли мы их к ярусу-основе или к ярусу-признаку) оказываются соотношенными с понятиями, то есть отражениями объективного. Это — с одной стороны. С другой стороны, известно, что языковые значения не являются простыми отражениями объективного, они всегда несут в себе элемент субъективного отношения.

Таким образом, расчленяя предложение на части, относимые к объективному и субъективному планам, нельзя говорить о возможности выделения таких составов, один из которых имел бы исключительно объективные, а другой — исключительно субъективные характеристики. Правоммерно лишь относительное противопоставление частей, в большей или меньшей степени обладающих упомянутыми характеристиками.

Все это, в свою очередь, говорит о том, что при логико-семантическом моделировании предложения трудно опираться только лишь на соотношение объективного и субъективного.

Противопоставление объективного и субъективного в общем-то может быть обнаружено в совершенно различных структурах, которые нельзя подводить под одну и ту же модель. Как было замечено, в описании Ш. Балли отношение между диктумом и модусом в одном случае относится к сфере синтагматических отношений, а в другом случае — выходит за ее пределы, то есть сводится к тому, что мы называем межъярусным отношением. Обнаруживается, что под одну и ту же модель (диктум-модус) подводятся не единые по языковой структуре явления. Что касается модели предложения, представленной в виде двух ярусов (яруса-основы и яруса-признака), то следует отметить, что эта модель не только характеризуется тем, что в ней воплощается относительное противопоставление объективного и субъективного, но она в то же время действительно является обобщенным отражением явлений языка, обладающих общностью структурных признаков.

Положение о том, что предложение имеет двуслойную структуру, в советской лингвистике находит все более широкую поддержку¹⁸. Однако выдвигаются и серьезные возражения. Они возникают в результате того, что некоторые исследователи, признавая двуслойное (двуплановое, двуярусное) строение предложения, допускают поэтапное формирование их в процессе речи. Нам представляется вполне обоснованным мнение Г. В. Колшанского, утверждающего, что ни поэтапное формирование, ни раздельное существование названных структурных компонентов предложения невозможно¹⁹. Однако реальность их существования в рамках предложения и возможность теоретического выделения их не вызывает сомнений.

Итак, рассматривая предложение с точки зрения логико-семантических характеристик, мы выделили две взаимосвязанные структуры: линейную и межъярусную. Как нам представляется, именно эти две структуры (иными словами, схема отношений между двумя последовательно сочетающимися составами предложения и схема отношений между двумя ярусами предложения) легли в основу двух пониманий предикативности.

¹⁸ См.: Б. А. Абрамов. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972; В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955; К. Г. Крушельницкая. Проблемы взаимоотношения языка и мышления. — «Общее языкознание». М., 1970.

¹⁹ Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 108—109.

Наконец, мы вплотную подошли к вопросу о специфике каждого из двух проявлений предикативности, обозначенных нами условными терминами «логическая предикативность» и «грамматическая предикативность».

В обоих случаях дело касается структур, имеющих однопорядковое назначение — соединение (синтез) логико-семантических единиц (логических — с точки зрения логики; семантических — с точки зрения лингвистики). Но в то же время эти два проявления предикативности имеют существенные различия, вытекающие из различий синтезируемых единиц и самого характера синтеза.

Логическая предикативность — явление синтагматического, или линейного, характера. Другими словами, это — отношение двух частей предложения, следующих одна за другой.

А грамматическая предикативность — явление, выходящее за пределы синтагматики. В этом случае подразумевается взаимоотношение единиц, образующих два яруса предложения. Грамматическую предикативность иначе можно было бы рассматривать как вертикальную предикацию, то есть предикацию, осуществляемую в вертикальном направлении. Так, например, в предложении тат. *Мин язам* 'Я пишу' логическая предикативность выражается отношением между логико-семантическими единицами *мин* и *язам*. Языковые знаки, обозначающие их, сочетаются в линейной последовательности. В этом предложении грамматическая предикативность осуществляется иначе. Вступающие в связь логико-семантические единицы оказываются на двух ярусах предложения: на одном ярусе — система единиц, в целом выражающих мысль о субъекте и его действии без отношения к реальности (ирреальности), на другом ярусе — система единиц, имеющих модальные характеристики (время, лицо, наклонение). Одну из этих систем относят к номинативному плану предложения, а другую — к актуализирующему. Их отношение можно представить именно как отношение между двумя ярусами предложения, а не как синтагматическое (или линейное). Система единиц, имеющих модальные характеристики, относится ко всему высказыванию, тем самым эти единицы как бы образуют особый ярус.

Следует отметить, что логическая предикативность обнаруживается только в предложениях, расчленяющихся на две относительно самостоятельные лексико-грамматические части в линейной последовательности. Грамматическая же предикативность является свойством любого предложения, включая слова-предложения.

На первый взгляд, вопрос о двух проявлениях предикативности, поставленный таким образом, представляется необычным. Однако, бесспорно то, что поскольку при этом подразумеваются два реальных различных явления, их разграничение не только правомерно, но и необходимо. Это, в свою очередь, требует уточнения их содержания. Общим для рассматриваемых проявлений предикативности является, безусловно, то, что они оба относятся к способам актуализации, что определяется как «перевод языка в речь». Грамматическая предикативность — это такой способ актуализации, который относит содержание высказывания к действительности. То, что вообще рассматривается как определяющее значение предикативности в ее современной трактовке, мы целиком и полностью относим к одной из выделенных категорий — грамматической предикативности. Логическая предикативность как способ актуализации в конечном счете сводится к тому, что называется соотношением «нового» с «данным».

Отнесение к действительности (грамматическая предикативность) осуществляется независимо от того, имеет ли место в предложении соот-

несение «нового» с «данным» (логическая предикативность). А соотношение «нового» с «данным» не может происходить, если отсутствует отношение содержания предложения в целом к действительности.

Грамматическая предикативность является более общим и определяющим свойством предложения, нежели логическая предикативность.

Таким образом, предикативность представляет собой одну из сложных, многоаспектных категорий, определение сущности которой тесно соприкасается с проблемой взаимоотношения языка и мышления.

Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Определенное будущее время с формантами -*žaq/-žek* (-*ažaq/-ežek*) широко распространено в языках огузской группы и составляет одну из отличительных особенностей системы глагольных форм этих языков. Данная временная форма, хотя и не столь часто, встречается также в нойгайском, кумыкском, каракалпакском, узбекском, башкирском, татарском и некоторых других языках. Последнее обстоятельство находит выражение, во-первых, в том, что аффикс времени в огузских языках обладает двухвариантностью, возникшей под воздействием гармонии гласных по месту образования, тогда как в узбекском, каракалпакском языках данный аффикс встречается только в одном варианте -*ažaq*¹; во-вторых, в огузских языках форма определенного будущего времени является общей для всех основных диалектов и говоров, тогда как в других тюркских языках она характерна лишь для одного или двух диалектов. Так, в узбекском языке эта форма встречается только в хорезмских говорах², в казахском языке — лишь в отдельных говорах Мангышлакской, Западно-Казахстанской и Гурьевской областей³. Примерно такое же положение наблюдается и в татарском языке и т. д.

В каждом из огузских языков показатель определенного будущего времени в зависимости от качества гласного в составе глагольной основы имеет различный фонетический облик. В азербайджанском языке к глаголам с основой на согласный прибавляется -*ažag/-äžäk* (*baħažag, gäläžäk*), с основой на гласный — -*jažag/-jäžäk* (*saxlajažag, istäjäžäk*). В турецком языке к глаголам, оканчивающимся на согласный, прибавляется -*ažaq/-ežek* (*alažaq, verežek*), на гласный — -*jažaq/-ježek* (*oĵnujažaq, istiježek*). В гагаузском языке глаголы с основой на согласный принимают вариант -*ažek/-ežek* (*alažek, biležek*), на гласный — -*j(a)žek/-j(e)žek* (*bašlej(a)žek, išlej(e)žek*). В туркменском языке, независимо от качества конечного звука основы, ко всем глаголам присоединяется -*žaq/-žek* (*alžaq, g'eļžek*).

Как видно из примеров, по форме и фонетическому составу показателя определенного будущего времени азербайджанский, турецкий и га-

¹ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — «Исследования по сравнительной прагматике тюркских языков. II. Морфология». М., 1956, стр. 290.

² Необходимо отметить, что решением Узбекской орфографической комиссии в 1929 году данная форма была признана нормативной для узбекского литературного языка. См.: В. В. Решетов. Узбекский язык. Ташкент, 1946, стр. 87.

³ С. Омарбеков. Мангышлакский говор казахского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 18.

гаузский языки объединяются в одну группу, а туркменский язык в этом отношении стоит несколько особняком.

В туркменском языке аффикс неопределенного будущего времени имеет более устойчивый характер; он состоит из трех звуков и в таком виде присоединяется ко всем глагольным основам, не приводя при этом к фонетическим изменениям. Однако следует отметить, что в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX веков встречается форма -азаq/-ежек:

... Hala:l-hara:m her ne tarṭaṭaṭ,
Gödüň jumur juvdaṣaṣaṣ

(Махтумкули)

‘Все, что ни найдешь,
Не глядя (букв.: закрыв глаза) ты готов проглотить’.

... G’elṭe aṣal ba:dy, bolar nä:äla:ṣ,
G’ideṣekdir, jaṣy-jaṣany bolmaṣ

(Махтумкули)

‘Повеет ветер смерти, не найти исхода,
Уйдет (все) и хорошее, и плохое’.

Таким образом, в письменных памятниках зафиксированы две формы аффикса определенного будущего времени: 1) -ṣaq/-ṣek, 2) -aṣaq/-eṣek. По нашему мнению, значение этих форм дифференцировано. Последняя выражает большую категоричность, то есть придает оттенок обязательности совершения действия в будущем. Это наблюдается и в нохурском диалекте туркменского языка: «В диалекте нохурли существуют обе формы, например: „геччэх” и „гедежэх”, причем они семантически дифференцированы: форма „гедежэх” служит для обозначения неперенности действия: „обязательно или непременно пойду”»⁴.

Вопрос о происхождении аффикса определенного будущего времени -(j) aṣaq/-(j) eṣek в тюркологической литературе остается пока спорным. Этот формант, по сравнению с другими временными аффиксами, представляет собой более позднее образование, на что указывает отсутствие данного аффикса в древних письменных памятниках, в которых будущее время выражалось при помощи других аффиксов (-daṣy/-deṣi, -gaṣ/-g’ej, -sar/-ser, -a/-e, -aṣy/-eṣi и т. д.), а также, как отмечалось выше, ограниченное его распространение в тюркских языках. Видимо, с указанными фактами связано то обстоятельство, что вопрос о происхождении данной временной формы начал привлекать внимание языковедов сравнительно недавно. Первые соображения относительно генезиса форманта -(j) aṣaq, -(j) eṣek относятся к двадцатым годам нашего столетия. Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Как подчеркивает А. Н. Кононов, имеются два мнения о происхождении аффикса -(й) ажак. Одно из них принадлежит В. Бангу, допускавшему, что -ажак состоит из двух частей: первая — а является формантом, образующим деепричастия или имена действия, а вторая -жак < -чанг, чан — словообразовательным аффиксом. По другому предположению В. Банга, первая часть этого аффикса — а могла относиться и к основе глагола. Он считает, что наряду с глаголами типа тут-, существовал глагол тута-, от которого образовались такие слова, как тутаган⁵.

Вторая точка зрения в этом вопросе, как отмечает А. Н. Кононов, принадлежит Ж. Дени, также считавшему, что -(й) ажак состоит из двух частей. Ж. Дени возводит первую -(й) а к аффиксу -кай, а -жак — к слову чаг (‘время’) и сравнивает последнее со словом чанг, как это делал

⁴ А. П. Поцелуевский. Диалекты туркменского языка. Ашхабад, 1936, стр. 55.

⁵ А. Н. Кононов. Тюркские этимологии. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Серия востоковедческих наук», № 179, вып. 4. Л., 1954, стр. 273.

В. Банг. По утверждению Ж. Дени, *-кай*, *-гай* в тюркских языках употребляется в различных значениях (оптатив, неопределенное будущее время и т. д.) и в различной форме, например, *-ка*, *-га*, *-ку*, *-гу*, а в турецком языке и в форме *-(й)а*, *-(й)е*. Соглашаясь с мнением Ж. Дени, А. Н. Кононов приходит к выводу, что «аффикс *-(й)ажак* состоит из двух элементов: первый из них, синтаксический, является атрибутом к слову *чаб* 'время': *йаз-ба йаз-а-чаб*, *оку-ба оку-йа-чаб*; затем начальный согласный слова *чаб* в позиции между гласными озвончился: *ч > ж*»⁶.

К. М. Любимов также разделяет точку зрения Ж. Дени и пишет, что его предположение достаточно ясно показывает истинное значение данной временной формы⁷.

Исследуя сложную форму *-аджакъ/-еджакъ*, употребляемую в каракалпакском языке, Н. А. Баскаков пишет, что «... форма $\frac{-а}{-е}$, *-й + -джакъ* является сложной формой и образуется по типу формы на $\frac{-а}{-е}$, *-й + тугъын*, т. е. состоит из деепричастия на $\frac{-а}{-е}$, *-й* исторически восходящего к форме на $\frac{-гъай}{-гей}$, и аффикса *-джакъ*, который состоит в генетической связи с аффиксом $\frac{-шакъ}{-шек}$ (ср. факультативная форма *келеджакъ* || *келешек заман* 'будущее время')⁸.

Б. Аталай высказал свое предположение по поводу второй части аффикса *-жақ/-жек*. Он также возводит данный аффикс к слову *сағ* ('время'), ссылаясь при этом на тот факт, что в некоторых турецких говорах слово *сағ* и в настоящее время используется в качестве аффикса и не подчиняется закону гармонии гласных⁹.

А. Ахундов не соглашается с мнением о том, что *-жақ/-жек* исторически восходит к слову *сағ*. Он считает, что в значении последнего слова нет никакой связи с выражением будущего времени, кроме того, употребление самостоятельных слов в функции глагольных аффиксов не является характерным для тюркских языков. По мнению А. Ахундова, *-ажағ/-әжәк* первоначально имел форму *-а/-ә*, затем со временем к ней присоединился *j*: *-ај/-әј*. Чередование звуков *j||ž||ž* дало *-аž/-әž*, а затем прибавился аффикс причастия *-ағ/-әк* (как в словах *gogx-ag*, *ügk-äk*), и получилась ныне употребляемая в азербайджанском языке форма *-ажағ/-әжәк*¹⁰.

Как видно из вышеизложенного, анализируя генезис форманта определенного будущего времени, все исследователи, кроме А. Ахундова, *-жақ/-жәк* возводят к слову *сағ*, а первый элемент сложного аффикса *-а/-е* — к форме *-гај/-г'еј*.

О происхождении туркменского варианта *-жақ/-жек* можно высказать два предположения. Во-первых, следует согласиться с мнениями тех языковедов, которые считают, что аффикс *-жақ/-жек* восходит к слову *сағ*. Так в туркменском языке наряду со словом *сағ* существует и синони-

⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 274.

⁷ К. М. Любимов. Образование, значения и употребление времен в турецком языке. Канд. дисс. М., 1948, стр. 89.

⁸ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II. Фонетика, морфология. Часть первая. М., 1952, стр. 433.

⁹ В. Аталай. Türkçede (gelecek zaman) edatı (Türk dili, Seri: II, Sayı: 3—4. Ankara, 1940, стр. 30); его же. Türk dilinde ekler ve kökler üzerine bir deneme. İstanbul, 1942, стр. 335.

¹⁰ А. Ахундов. Фе'лин заманлары. Баку, 1961, стр. 70.

мичное ему слово *çaq* с конечным глухим звуком. Например: *bu ça:ylar-da* || *bu çaqlarda* 'в это время', *g'elen ça:yuŋda* || *g'elen çaquŋda* 'в то время, когда ты пришел' и т. д. При словах с временными значениями в основном употребляется слово *çaγ*: *aγşam ça:yu* 'вечернее время, вечер', *θāher ça:yu* 'раннее утро, рассвет'; *ja:šlyq ça:yu* 'пора молодости, молодость'. С причастиями прошедшего и настоящего времени одинаково сочетаются и *çaγ*, и *çaq*: *oqaja:p ça:yuŋuθ* || *oqaja:p çaquŋuθ* 'когда мы учимся', 'когда мы читаем'; *g'ögen ça:yuŋ* || *g'ögen çaquŋ* 'когда ты увидел'. Однако в последнем случае более употребителен вариант с конечным глухим звуком. Гласный в слове с конечным звонким звуком произносится долго (*ça:γ*), а в слове с конечным глухим — (*çaq*) кратко. Слово *çaq* — по фонетическому составу почти идентично аффиксу *-žaq*, характерному для туркменских глаголов. Можно допустить, что первоначально в значении аффикса выступало слово *çaq*, а затем в соответствии с законом гармонии гласных появился его вариант с гласным переднего ряда — *ček*. Начальный согласный *č*, как это наблюдается в современных тюркских языках юго-западной группы, оказываясь в интервокальном положении, озвончается: *alažaq*, *g'eležek*. Что касается туркменского языка, то к основам, оканчивающимся на гласный или звонкий согласный звуки, прибавляется фонетический вариант *-žaq/-žek*, а к основам, оканчивающимся на глухие согласные, — *-çaq/-ček*, хотя последнее в современной орфографии не отражается. Такое произношение особенно ярко выступает в отдельных диалектах и говорах туркменского языка. Учитывая все это и руководствуясь известным положением о том, что многие аффиксы исторически восходят к самостоятельным словам, можно присоединиться к мнению о происхождении аффикса *-žaq/-žek* от слова с временным значением *ça:γ/çaq*.

Представляет интерес и другое предположение относительно происхождения аффикса определенного будущего времени. Ж. Дени отметил, что формы *-(й) ыжы/- (й) ижи/- (й) ужу/- (й) үжү* в Анатолии употребляются в значении глагольных форм на *-(й) ежек*¹¹. А. У. Элове, уточняя эту мысль Ж. Дени, писал, что также применяются они и в других турецких говорах¹². И в современном туркменском языке глаголы, принявшие аффиксы *-узу/-ізі/-узу/-ізі*, широко употребляются в значениях имени существительного и причастия: *alužu* 'покупатель, берущий', *eđiži* 'угнетатель, угнетающий', *düdüži* 'составитель, составляющий', *jopižu* 'строгальщик, строгающий' и др. Аффиксы определенного будущего времени *-ыч||-ычыj* || *-ыж||-ич||-ичи||-чиj||-уч||-учиj*, употребляемые в нухинском диалекте азербайджанского языка¹³, по форме почти совпадают с вышеуказанными причастными формами. Все это свидетельствует о том, что аффиксы *-узу(j)/-ізі(j)*, некогда образовавшие определенное будущее время, до сих пор сохранились в некоторых диалектах тюркских языков. Ж. Дени отметил, что аффиксы *-(й) ажак/- (й) ежек* и *-(й) ыжы/- (й) ижи* имеют одинаковое происхождение¹⁴. Если так, то аффиксы определенного будущего времени *-(j) азақ/- (j) ежек/-žaq/-žek* и аффиксы, образовавшие причастие, *-(j) узу/- (j) ізі/- (j) узу/- (j) үзі* исторически восходят к одной форме. К тому же нельзя не учитывать мнения ряда видных ученых о том, что в тюркских языках многие временные формы изъявительного наклонения произошли от причастных

¹¹ J. Denny. Türk dili grameri (Osmanlı lehçesi). İstanbul, 1941, стр. 502.

¹² См.: Там же, стр. 502.

¹³ Р. Рустамов. Азәрбајжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бақы, 1965, стр. 234.

¹⁴ Ж. Дени. Указ. раб., стр. 502.

форм. Следовательно, происхождение аффикса определенного будущего времени исторически также связано с причастными формами.

И все же вопрос о происхождении аффикса определенного будущего времени -*zacaq/-zek* нельзя считать окончательно решенным.

По характеру спряжения и образования временной формы глаголов определенного будущего времени турецкий, азербайджанский и гагаузский языки объединяются в одну группу, а туркменский язык существенно отличается от них в этом отношении. Для выявления специфических особенностей каждого из тюркских языков юго-западной группы, а также установления общности между ними в этом вопросе считаем целесообразным привести ниже парадигму спряжения глагола в форме определенного будущего времени.

Языки	Единственное число	Множественное число
Турецкий	1. <i>bakacağım</i> <i>geleceğim</i> 2. <i>bakacaksın</i> <i>geleceksin</i> 3. <i>bakacak (tır)</i> <i>gelecek (tır)</i>	<i>bakacağız</i> <i>geleceğiz</i> <i>bakacaksınız</i> <i>geleceksiniz</i> <i>bakacaklar (dır)</i> <i>gelecekler (dir)</i>
Азербайджанский	1. <i>бахачағам</i> <i>билэчэкәм</i> 2. <i>бахачагсан</i> <i>билэчэксэн</i> 3. <i>бахачаг (дыр)</i> <i>билэчэк (дир)</i>	<i>бахачағыз</i> <i>билэчэкик</i> <i>бахачагсыныз</i> <i>билэчэксиниз</i> <i>бахачаг(дыр)лар</i> <i>билэчэк(дир)ләр</i>
Гагаузский	1. <i>алажам</i> <i>гележам</i> 2. <i>алажан</i> <i>гележан</i> 3. <i>алажэк</i> <i>гележек</i>	<i>алажэз</i> <i>гележэз</i> <i>алажэныз</i> <i>гележениз</i> <i>алажэклар</i> <i>гележеклар</i>
Туркменский	1. <i>мен алжак</i> <i>мен гелжек</i> 2. <i>сен алжак</i> <i>сен гелжек</i> 3. <i>ол алжак</i> <i>ол гелжек</i>	<i>биз алжак</i> <i>биз гелжек</i> <i>сиз алжак</i> <i>сиз гелжек</i> <i>олар алжак</i> <i>олар гелжек</i>

Как видно из приведенной таблицы, в турецком, азербайджанском и гагаузском языках глаголы в форме определенного будущего времени изменяются по лицам, к ним присоединяются личные окончания первой категории. В туркменском же языке глаголы, стоящие в определенном

будущем времени, не принимают личных аффиксов, и лицо указывают личные местоимения.

В тех языках, в которых глаголы в форме определенного будущего времени изменяются по лицам, также наблюдаются некоторые отличительные особенности. Например, в азербайджанском и турецком языках в глаголах в 1-м лице конечный звук показателя времени в интервокальном положении озвончается: *bakasağım, geleceğim, bakasağız, geleceğiz, бахацагам, билэчэкам, бахацагыг, билэчэкик*, переходя в азербайджанском языке в некоторых фонетических позициях в *j*. В гагаузском же языке в форме глагола 1-го и 2-го лица конечный *k* временной формы выпадает. Кроме того, во 2-м лице начальный *s* личного окончания также выпадает, в результате чего гласный временной формы и личного окончания сливаются в один звук: 1) *алажам, гележам; алажээ, гележээ; 2) алажан, гележан; алажэныз, гележэниз*.

В туркменском языке глаголы определенного будущего времени внешне не отличаются от соответствующей формы причастия. Их можно различать только в контексте по синтаксическим функциям: глаголы, стоящие в определенном будущем времени, выступают в функции сказуемого, а причастия — в функции определения.

Следует заметить, что в диалектах и говорах встречается много различных форм временного аффикса. Как справедливо писал Р. Рустамов, фонетический состав аффикса определенного будущего времени меняется даже в зависимости от того лица, в каком употребляется, и поэтому в диалектах азербайджанского языка он имеет десятки разновидностей¹⁵.

В настоящей статье мы ограничимся лишь определением некоторых характерных признаков изменения по лицам глаголов определенного будущего времени в туркменских диалектах и говорах, не останавливаясь на особенностях образования и спряжения их в диалектах всех языков огузской группы.

Формы спряжения глаголов данного времени во многих диалектах туркменского языка от аналогичных форм в литературном языке существенно не отличаются, хотя в отдельных диалектах и наблюдаются некоторые специфические особенности. Например, в диалекте анаули глаголы в форме определенного будущего времени, как и в азербайджанском и турецком языках, принимают личные окончания, о чем в свое время писал А. П. Поцелуевский: «Вполне оформлено это время глагола только в диалекте анаули:

1. *гележағман, 2. гележағсан, 3. алажағде*
1. *охыйажағмыз, 2. йатажағсыз, 3. йе:йэжағде*¹⁶.

Човдурский диалект в этом отношении противопоставляется остальным диалектам и литературным языкам юго-западной группы тюркских языков, так как в нем вместо личных аффиксов в 1-м и 2-м лицах к глаголу присоединяются показатели принадлежности; кроме того, во 2-м лице множественного числа происходит регрессивная ассимиляция (*к ← ң — ңң*):

1. <i>Ал-жағ-ым</i>	<i>эк-жэг-им</i>
2. <i>Ал-жағ-ың</i>	<i>эк-жэг-иң</i>
1. <i>Ал-жағ-ымыз</i>	<i>эк-жэг-имиз</i>
2. <i>Ал-жаң-ңыз</i>	<i>эк-жең-ңиз</i> ¹⁷ .

¹⁵ Р. Рустамов. Указ. раб., стр. 234.

¹⁶ А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 55.

¹⁷ Х. Машаков. Човдурский диалект туркменского языка. Канд. дисс. Ашхабад, 1949, стр. 50.

По способу выражения отрицательной формы определенного будущего времени туркменский язык также отличается от других языков юго-западной группы. Эта форма в турецком, азербайджанском и гагаузском языках образуется по общей схеме: основа глагола+аффикс отрицания -ма/-ме+аффикс времени+личное окончание. В турецком языке под влиянием начального *j* временного аффикса конечные широкие гласные *a*, *e* аффикса отрицания переходят соответственно в узкие гласные *u*, *i*: *çağırtıyasağıt*, *kalmıyacak*sın, *bilmiyecesiz*, *vermiyecesiniz*, *anlatıyacaklardır*. В азербайджанском и гагаузском языках фонетических изменений не наблюдается: *данышмајачағам*, *вермәјәчәксән*, *сахламајачағыг*, *ешитмәјәчәксиниз*, *демәјәчәкдир*; *алмай(а)жам*, *гөрмей(е)жан*, *гелмей(е)жез*, *билмей(е)жениз*, *окумай(а)жәклар...* В туркменском языке отрицание выражается при помощи слова *дәл*: *мен алжак дәл*, *сен гелжәк дәл*, *ол окажак дәл...* Иногда для образования отрицательной формы присоединяются аффикс -ма/-ме. Например: *Ёк, сениң Кетжал адыңы айрып болмажак* (Х. Исмаилов) 'Нет, не избавиться тебе от прозвища Упрямец'. *Олар инди дек ятмажаклар* (А. Ниязов) 'Они теперь не будут сидеть сложа руки'.

Однако следует отметить, что последняя форма характерна для причастия будущего времени. Выражение отрицательной формы с помощью слова *дәл*, которое в основном употребляется и при именных частях речи (*адам дәл* 'не является человеком', *окувчы дәл* 'не ученик', *ягыш дәл* 'нехорошо', *мен дәл* 'не я', *секиз дәл* 'не восемь'...), также говорит о том, что определенное будущее время и причастная форма в морфологическом отношении еще полностью не дифференцировались. Слово *değil* участвует в образовании отрицательной формы определенного будущего времени в турецком языке. Отмечая специфичность этого явления для турецкого глагола, А. Н. Кононов пишет: «...отрицание при спрягаемых глагольных формах выражается словом *değil* в тех случаях, когда на отрицание падает сильное логическое ударение. Так, форма *yaztıysağıt* существенно отличается от формы *yazacak değilim...*»¹⁸. В туркменском языке указанные формы отрицания семантически не дифференцированы.

В туркменском языке еще встречается своеобразная сложная форма выражения отрицания, состоящая из следующих элементов: глагол в форме определенного будущего времени+слово *гуман* 'сомнение' с аффиксом принадлежности+слово *ёк* 'нет' (или употребляемая в этом значении словоформа *бармы* 'есть ли, имеется ли'): *тапжак гуманлары ёк* 'никогда не найдут', *гөржәк гуманың ёк* 'ни за что не увидишь', *алжак гуманы бармы?* 'он (определенно) не возьмет', *тапжак гуманыңыз бармы?* 'вы никогда не найдете'. Этот способ выражения отрицания отличается от других средств (*дәл*, -ма/-ме) большей категоричностью. Говорящий не сомневается, что указанное действие никогда, ни при каких обстоятельствах не будет совершено. Категоричность подчеркивается еще и интонационными средствами.

В образовании вопросительной формы определенного будущего времени в исследуемых языках также наблюдаются некоторые различия, проявляющиеся главным образом в позиции вопросительной частицы. Например, в турецком языке указанная частица стоит после аффикса времени перед личным окончанием: *alacak mıyım?* *korkacak mısın?* *alacak mıyız?* *verecek misiniz?* *verecek mi(dir)?* В этом отношении азербайджанский и гагаузский языки занимают одинаковое положение — вопросительная частица стоит после личных окончаний: азерб. *бахачағаммы?*

¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 497.

биләчәксизми? бахачагыгмы? биләчәксинизми? гагауз. алажам мы? гележән ми? алажэз мы? гележениз ми? В туркменском языке, как известно, глаголы в форме определенного будущего времени личных окончаний не имеют, поэтому частица *-мы/-ми* присоединяется после аффикса времени: *сен окажакмы? сиз окажакмы? сен (сиз, ол, олар) гитжекми?..*

Что касается диалектных особенностей употребления этой формы, то следует отметить, что в тех туркменских диалектах, где вместо личных окончаний употребляются аффиксы принадлежности, вопросительная частица прибавляется после них: *гелмижегимизми? алжагыңмы? бержегиңизми? баржагыңызмы?*

Другая особенность употребления вопросительной частицы относится к орфографии данных форм в конкретных языках: в турецком и гагаузском языках эта частица пишется отдельно от глагола в форме определенного будущего времени, а в азербайджанском и туркменском языках принято их слитное написание.

По семантике определенное будущее время не имеет принципиальных отличий от значений неопределенного будущего времени на *-аг/-ег*, выражающего действие, которое совершится после момента речи. В этом отношении между значениями определенной и неопределенной форм будущего времени много общего. Но вместе с тем каждая из этих временных форм обладает семантическими особенностями, обнаруживаемыми только в контексте.

Рассматривая значение определенного будущего времени, Н. А. Баскаков пишет, что «значение указанной формы является общим для всех языков, имеющих данное причастие будущего времени»¹⁹. Из конкретных значений глаголов в форме определенного будущего времени, проявляющихся в контексте, можно выделить нижеследующие оттенки:

1. Действие, которое, по мнению говорящего, непременно совершится. Исполнение действия не связано с каким-либо условием, обстоятельством. Данная глагольная форма, употребляемая в официальных документах, выступает в этом значении:

Чэнаб Тағыјевин театрында, ки дәрја кәнарында вагедир, гурбан бајрамы күнү мөвгел-тамашаја гојулачагдыр (Рахман) 'В театре господина Тагиева, что находится у берега моря, в день курбан-байрама состоится представление'.

Нобатдакы йыгнанышыкда яш шахыр М. Сытдыховын гошгулары диңленжек («Яш коммунист») 'На очередном заседании будут обсуждаться стихи молодого поэта М. Сытдыхова'.

2. Действие, которое намеревается совершить сам говорящий:

Ахшам саат једдидә клубдакы ичласа кәл. Сәни орада көзләјәчәјәм (Рахман) 'В семь часов вечера приходи на заседание в клуб. Я там буду тебя ждать'.

— *Ахмет! Мен саңа үч-дөрт агыз сөз айтжак* (Кербабаев) '— Ахмед! Я хочу сказать тебе несколько слов'.

3. Действие, совершающееся как объективная реальность. Оно обязательно произойдет, потому что его совершение не зависит от желания говорящего или других обстоятельств:

Бу күнәш инди батыр, сабаһ сәһәрдән јенә доғачаг, амма атасы исә һеч бир заман, һеч бир заман гајытмајачагдыр (Рахман) 'Это солнце сейчас заходит, завтра с утра снова взойдет, но отец его никогда, никогда не вернется'.

...*Магтымгулы, унутмагыл,*

Гидежек сен, гидежек сен (Махтумкули)

¹⁹ Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам., стр. 291.

‘Махтумкули, не забудь,
Уйдешь ты, уйдешь ты (из жизни)’.

4. Действие, которое произойдет в ближайшее время после момента речи:

Biz şimdi geleceğiz (Татиф) ‘Мы сейчас придем’.

Эмма иң гызгалаңлы ярыш хэзир башланжак, бу болса шу гүнки тоюң иң соңкы тапгыр чапышыгыды (Говшудов) ‘Но самое интересное в состязании начнется сейчас, это последняя скачка на сегодняшнем празднестве’.

5. Значение повелительного наклонения. Употребление глаголов определенного будущего времени в этом значении характерно главным образом для турецкого и азербайджанского языков:

Әли киши деди:

— *Сан төвләдә һәр тај үчүн ғырх көзли бир ахур гајырачагсан. Атарын ғырх күнлүк арпасыны, саманыны һәмчин бу ахурлара долдурачагсан* («Кёроглу»).

‘Али-киши сказал:

— Ты должен сделать в конюшне для каждого жеребенка стойло с сорока ячейками и наполнить их ячменем и соломой для корма коней на сорок дней’.

Bir haksızlık gördün mü, korkmıyacaksın, yılmıyacaksın, direneceksin. karşı geleceksin (Татиф) ‘Увидев несправедливость, ты не должен робеть и трусить, ты должен оказать сопротивление, выступить против’.

В туркменском языке глаголы будущего времени указанного семантического оттенка не имеют. Для выражения данного значения глагол с вопросительной частицей повторяется дважды — сначала в положительном, а затем в отрицательном аспектах:

— *Мавы, сен дүйәни шейләк совжакмы, совжак дәлми?* (Кербабаев) ‘Мавы, ты повернешь верблюда сюда или нет?’

6. Значение долженствовательного наклонения:

Гулаг ас! Идарәдә ишин ондан ибарәт олачаг ки, мәним тапшырыгларымы јеринә јетирәчәксән, бу бир. Өзүни елә апарачагсан ки, жүја көрдүкләрини көрмәмисән... (Рахман). ‘Послушай-ка! Твоя работа в учреждении будет состоять в том, что будешь выполнять все мои поручения. Это — одно. Ты должен вести себя так, будто увиденного тобой ты не видел’.

Энтек ёлдаш Батманов гутулып гелсин бакалы, мен сен хакда ёлдаш Батманов билен гүрлешмесем болжак дәл (Таганов) ‘Как только товарищ Батманов поправится и выйдет на работу, я обязательно поговорю с товарищем Батмановым о тебе’.

7. Действие, совершение которого зависит от определенного условия. Глаголы в форме определенного будущего времени употребляются в роли сказуемого главного предложения в составе условного сложно-подчиненного предложения:

Senin bu seyahate ihtiyacın var... Eğer gitmezsen çok üzüleceğim (Надир) ‘Тебе нужно попутешествовать, если не поедешь, я буду очень огорчен’.

Сиз эгер өз пәлиңизден гайтмасаңыз, биз Гайгысыза арз этмәге гитјек (Кербабаев) ‘Если вы не передумаете, мы пойдем к Кайгысызу жаловаться’.

8. Значение настоящего времени:

Куйбышев сизи кабул эдип билерми, ёкмы, оны мен айдып билјек дәл (Сейтаков) ‘Сможет ли Куйбышев вас принять или нет, я это сказать не могу’.

С. А. СОКОЛОВ

КОНЬЮНКЦИОНАЛИЗАЦИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В определенной части тюркологической литературы довольно четко прослеживается тезис, согласно которому союзы и союзные конструкции в тюркских языках — явление чужеродное, привнесенное из языков других систем¹. Распространению этого тезиса способствовал тот факт, что большинство союзов, в частности в турецком языке, по крайней мере до недавнего прошлого, представляли собой слова персидского и арабского происхождения. Вместе с тем существует и другая точка зрения, шире охватывающая факты языка, согласно которой в тюркских языках наряду с заимствованными союзами существовал и собственный союзный потенциал, опирающийся, в частности, на частицы². Н. З. Гаджиева справедливо отмечает, что существование в тюркских языках сложных предложений союзного типа нельзя объяснить одним лишь влиянием иносистемных языков: «Уже в недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения»³. Н. З. Гаджиева указывает два непосредственных источника развития союзных сложных предложений в тюркских языках: а) на собственной почве тюркских языков под влиянием союзной функции усилительно-выделительных частиц⁴; б) путем использования иноязычных союзов в конструкции союзного сложного предложения⁵. Нельзя не согласиться также с мнением Ф. Р. Зейналова о том, что если даже первоначально в тюркских языках союзы и союзные конструкции были представлены в незначительном количестве, то в ряде современных тюркских языков, например, в азербайджанском, картина заметно изменилась⁶. Это утверждение справедливо, по нашему мнению, и в отношении современного турецкого языка. В исследованиях по конкретным тюркским языкам авторами показаны история становления и развития категории союза, степень развитости союзов и союзных конструкций в различные периоды истории языка, соотношение союзов собственно тюркского происхождения и сою-

¹ K. Grönbech. Der Türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, стр. 51—55; Mecdut Mansuroğlu. Türkçede cümle çeşitleri ve bağlayıcıları. Türk dili araştırmaları yılığı. — Belleten. Ankara, 1955, стр. 59—71.

² Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 366. Ср.: C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. 1—7 Lief. Leiden, 1951—1954, стр. 194—197.

³ Н. З. Гаджиева. О двух источниках развития союзных сложных предложений в тюркских языках. — «Советская тюркология», № 2, 1973, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 36.

⁶ Ф. Зейналов. Мүасир түрк дилләриндә көмәкчи нитг һиссәләри. Бақы, 1971, стр. 263.

зов, заимствованных из других языков в процессе культурно-исторических контактов, положение категории союза и системы сложных предложений союзного типа в современном состоянии⁷. Об этом свидетельствуют и обширные перечни турецких союзов, приводимые современными турецкими лингвистами⁸.

Союз не является изолированной и неизменной категорией. Многочисленные и разносторонние связи сближают и переплетают его с наречиями, частицами, междометиями и т. д. Это явление можно наблюдать во многих языках. Так, В. В. Виноградов отмечал наличие в русском языке большого количества «гибридных слов, в которых союзные функции являются как бы придатками к их основной грамматической роли наречий, модальных слов или присоединительных частиц»⁹.

В связи со сказанным выше не лишено интереса рассмотрение довольно значительного числа слов, принадлежавших ранее к другим частям речи и функционирующих сейчас в качестве союзов, то есть слов, подвергнувшихся конъюнкционализации. Некоторые из них уже вытеснили или продолжают вытеснять соответствующие заимствованные персидские и арабские союзы, переходящие в разряд архаизмов.

Рассмотрим, главным образом в сложных предложениях турецкого языка, основные разряды слов, являющиеся продуктом конъюнкционализации и выступающие в современном турецком языке в качестве союзных средств связи.

1. Парадигматически изолированные финитные глагольные формы в союзной функции:

а) форма третьего лица единственного числа настоящего-будущего времени от глагола *iste* 'хотеть', 'желать', 'требовать' выступает в качестве повторяющегося сочинительного союза: *Ister gitsin, ister kalsın* (Т. S. 4., стр. 375)¹⁰ 'Пусть или уходит, или остается';

б) формы третьего лица единственного числа повелительного наклонения от глаголов: *ol* 'быть', 'становиться', *gel* 'приходить' используются также в качестве повторяющихся сочинительных союзов: *Kendi olsun, kardeşi olsun aynı şeyi söylüyorlar* (А. С. Emre. Türk dilbilgisi, İstanbul, 1945, стр. 519.) 'И сам он, и его брат говорят одно и то же'; *Bütün gün gelsin gazete, gelsin roman* (или: *gelsin gazete, gitsin roman*) *işe baktığı yok ki* (Т. S. 4., стр. 281) 'Целый день то газета, то роман, — а делом он совсем не занимается';

в) морфологически изолированная глагольная форма *gel gelelim* — своеобразное парное сочетание второго лица единственного числа повелительного наклонения и первого лица множественного числа желательного наклонения в функции адверсативного союза: *Sen böyle dolaplara girecek adam mıydın, gel gelelim şu kör olası hastalık insana göz açtırmıyor* (Sabahattin Ali. Böbrek) 'Разве ты был человеком, которого можно было провести, но эта проклятая болезнь лишает человека осмотрительности';

⁷ М. Ш. Ширалиев. Сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 1; Н. З. Гаджиева. Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке (в историческом освещении). М., 1963; Г. А. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960; *его же*. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967; Ф. Зейналов. Указ. раб.

⁸ См., например: Оуа Каунак. Türkçede bağlaçlar. Türk dili, sayı 209, Şubat, 1969.

⁹ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 721.

¹⁰ Т. S. 4. — «Türkçe sözlük», 4 baskı. Ankara, 1966; Т. S. 6. — «Türkçe sözlük», 6 baskı. Ankara, 1974

Союзное образование *gel gelelim* может употребляться и в начале второй части двухкомпонентного сверхфразового единства: *Ben de tekaüt maaşımı ortaya koyup geçime medar oluyorum. Gel gelelim elimizde avucumuzda bir şey kalmıyor.* (S. Kocagöz. Bir garip kişi) 'Я тоже свою пенсию трачу на ежедневные расходы. Однако (только вот) в кармане у нас ничего не остается'.

2. Деепричастия в союзной функции:

а) деепричастие *diye*¹¹;

б) деепричастие *derken* в уступительной или адверсативной функции: *Akşamdan önce varacağız derken ancak gece yarısı varabildik* (T. S. 4., стр. 189) 'Хотя мы думали добраться до вечера, мы прибыли только к полнучи';

в) деепричастие на *-(y)ır, -(y)ip, -(y)ur, -(y)ür*. В некоторых случаях деепричастие на *-ır* (и особенно деепричастие от глагола *ol — olup*) полностью или почти полностью лишено значения деепричастия образа действия и служит исключительно для синтаксического соединения двух глагольных форм: *Şimdiden vücudum sıhhatta olup, evde başıboş oturmakta'yım* (газ.) 'Теперь я физически здоров и сижу дома без дела' (или: 'Теперь, будучи физически здоров, я сижу дома без дела'); *Kadıların hizmet müddetleri derecelerine göre başka başka olup bu müddeti bitirince mâzûl sayılarak yerine sıra bekleyen kıdemlisi tayin edildirdi* (I. H. Usunçarşılı, Osmanlı tarihi, II. cilt) 'Сроки службы кадиев были различными в зависимости от их ранга, и когда этот срок истекал, кадий увольнялся в отставку, а вместо него назначался другой в соответствии с его стажем'. А. Казем-Бек, рассматривая «сочетание предложений или общую систему конструкции фраз», говорит о «взаимном соединении фраз или предложений посредством некоторых частей речи»¹², то есть подчеркивает, что в тюркских языках в функции связи предложений используются различные части речи: «Турки., — пишет А. Казем-Бек, — прибегают в книжном языке к частому употреблению союзов, деепричастий, причастий и других частей речи, которые служат у них к соединению фраз и предложений, составляющих одно целое, нередко чрезвычайно длинное...»¹³ Н. А. Баскаков указывает, что деепричастие на *-(y)ır, -(y)ip, -(y)ur, -(y)ür* приобретает часто преимущественно соединительное значение и в этом случае, если оно имеет самостоятельное подлежащее, образует конструкции, близкие сложносочиненным предложениям с соединительными союзами¹⁴. Это положение может быть полностью отнесено и к деепричастию на *-ır* в турецком языке, где в наибольшей степени проявляется его способность выступать в функции средства связи компонентов предложения.

По данному вопросу тюркологами высказываются и другие мнения. Так, например, Л. Йохансон считает, что в конструкции с деепричастием на *-ır* при наличии при нем самостоятельного подлежащего характер связи невозможно интерпретировать как паратактический¹⁵.

С нашей точки зрения, деепричастие на *-ır*, для которого вообще характерна специфическая функция «замены» последующей глагольной

¹¹ Употребление деепричастной формы *diye* в союзной функции подробно описано в работе: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 1081—1088; *его же*. О союзном слове *diye* в турецком языке. — В сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 134—144.

¹² А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 437.

¹³ Там же, стр. 437.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 69—70.

¹⁵ Lars Johanson. Some remarks on Turkic «Hypotaxis». — «Ural-Altaische Jahrbücher». Band 47. Wiesbaden, 1975, стр. 113.

формы при соединении глагольных форм, выражающих последовательные или одновременные действия, утрачивая непосредственное значение процесса, может превращаться в своего рода служебное слово, служащее для синтаксической связи частей предложения (сравните, например, русское «благодаря» и т. п.)¹⁶.

3. Наречия в союзной функции (союзные наречия):

а) *ancak, yalnız*: *Gideriz, yalnız daha önce oturup anlaşılmamız gerekli* (Оя Капнак. *Türkçede bağlaçlar*) 'Мы пойдем, но сначала нам нужно сесть и договориться'; *Gelirim ancak beni gelmem gerektiğine inandırmalı* (ibid.) 'Я приду, но ты должен меня убедить в том, что мне нужно прийти';

б) *gene (yine), hele* и другие: *Kendisine tenbih ettim, gene de gelmedi* (Т. S. 4., стр. 282) — 'Я его предупредил, но он все-таки не пришел'; *Hele çalışmasın, fena halde darılırım* (Т. S. 4., стр. 331) 'Пусть только попробует (если только попробует) не работать, я страшно обижусь'.

4. Частицы в союзной функции:

а) *da, de; dahi; bile*. Частица *da, de* особенно употребительна для выражения союзных отношений: она имеет исключительно широкую многозначность, принимающую иногда характер амбивалентности. Синтаксические функции союза — частицы *da, de* подробно освещены в тюркологической литературе¹⁷. Подчас трудно даже строго очертить круг значений *da, de*, и эта союзная частица выступает как бы в функции «сигнала подчинения» вообще, конкретные проявления которого уточняются лишь в контексте;

б) можно с некоторой долей проблематичности говорить об использовании частицы *mi, mi, mi* в составе конструкции *-dı mi* в функции союзного средства связи придаточного и главного предложений. Подтверждением такого вывода может служить то обстоятельство, что в указанной конструкции частица *mi* полностью утрачивает свое вопросительное значение: *İnsan çalıştı mı her şeyi başarır* (Т. S. 6., стр. 571) 'Коль скоро человек трудится, он справится с любой работой'; *Ben mühlet verdim mi sonu ne olur bilirsin...* (Haldun Taner. *Keşanlı Ali destanı*) 'Когда я дам отсрочку, ты сам знаешь, чем это кончится'.

5. Послелог в союзной функции:

а) *gibi* в сочетании с рядом глагольных форм (*-mış, -ır, -acak* и др.) является связующим звеном придаточных сравнительных с главным предложением: *Zavallı Müjgân, bir karışlık suyun üstünde bir uçurumdan geçiyormuşuz gibi, gözlerini kapıyor, kucağında kumldamağa cesaret edemiyordu* (R. Nuri. *Çalıkuşu*) 'Бедная Мужгян закрывала глаза и боялась шевельнуться в моих объятиях, словно мы переходили не через небольшую лужицу, а через пропасть'; *Oğlu Şevket de vaktiyle birkaç defa açılacak gibi olmuş ve susmuştu* (R. Nuri. *Yaprak dökümü*) 'Его сын Шевкет тоже как-то несколько раз собирался было начать откровенный разговор, но промолчал'; *Doktorun zayıf yüzünün hafif bir gülümseme ile*

¹⁶ Ср.: А. Дилчар. Заметки о синтаксисе и грамматических функциях в турецком языке. — «*Turkologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 67.

¹⁷ А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 93; В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 156; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 733, 1078; J. Deny. *Türk dili grameri* (Osmanlı lencesi). Tercüme eden Ali Ulvi Elöve. İstanbul, 1941, §§ 960—966; *Ahmet Cevat Emre. Türk dilbilgisi*. İstanbul, 1945, стр. 587; *Muhammed Ergin. Türk dilbilgisi*. İstanbul, 1962, стр. 624; *Haydar Edisün. Yeni Türk dilbilgisi*. İstanbul, 1963, стр. 300—302; *Tahir Nejat Gencan. Dilbilgisi*. İstanbul, 1966, стр. 384; G. L. Lewis. *Turkish grammar*. Oxford, 1967, стр. 206—207; *Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri*. İstanbul, 1974, стр. 551, 555.

buruştuğunu hayal meyal farketti ve uğuldiyan kulakları onun yumuşak, cana yakın sesini uzaklardan gelir gibi işitti (S. Ali, Böbrek) 'Он смутно разглядел, что худощавое лицо доктора сморщилось в легкой усмешке, и до его ушей, в которых еще стоял гул, донесся, словно издалека, мягкий, вкрадчивый голос доктора';

б) употребление послелога *ile* в союзной функции с соответствующей интерпозицией по отношению к соединяемым членам предложения достаточно хорошо известно. Дополнительно можно отметить характерную типизированную конструкцию с союзом *ile*: *-masıyla, -ması bir oldu: Gelmesi ile gitmesi bir oldu* 'Он пришел и тотчас же ушел', а также употребление особенно в староосманском языке сочетание *ile* с арабскими масдарами.

6. Вопросительно-относительные местоимения и их производные в союзной функции¹⁸:

а) повторяющийся союз *kimi... kimi... (kimisi... kimisi...)*: *Kimi gelir, kimi gider* (Т. S. 4., стр. 445) 'Некоторые приходят, а некоторые уходят'; *Çocukların kimisi çalışkan, kimisi tembel* (Т. S. 4., стр. 445) 'Некоторые из детей трудолюбивые, а некоторые ленивые'. Ср.: *Kimi susarım, kimi söylenirim* (Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, İstanbul, 1974, стр. 557) 'Иногда я молчу, иногда ворчу';

б) производная форма *nitekim (nite-kim)*: *O her zaman böyle yapar, nitekim şimdi de bu işleri becerdi* (A. C. Emre. Türk dilbilgisi, § 228) 'Он всегда так делает, вот и теперь он справился с этой работой'. Слово *nitekim* может выступать также в качестве вводящего элемента второй части двухкомпонентного сверхфразового единства: «*Ve*» *siz yazı yazılabılır. Nitekim bu yazımda hesabıma bir tek «ve» yoktur* (Refik Halid Karay. «*Ve*» israfını önlemeli — Ettore Rossi. Manuale di lingua turca, vol. II, Roma, 1964, стр. 141) 'Можно писать и без «*ve*». Вот, например, в этой моей статье нет ни одного «*ve*», принадлежащего мне'.

7. Словоформы с условным аффиксом *-sa, -se* в союзной функции:

а) *oysa*: *Ben telâş ettim, oysa pek mühim değilmiş* (Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, стр. 559) 'Я проявил беспокойство, но, оказывается, это не так важно';

б) *yoksa*: *Ciddiyete avdet edecek misiniz, yoksa bahsi keselim mi?* (Cenap Şahabettin. Körebe) 'Вы вновь будете говорить серьезным тоном или мы прекратим разговор?'; *Inat etme, yoksa açıkta kalırsın* (Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, стр. 562) 'Не упрямясь, а то останешься не у дел';

в) *öyleyse (öyle ise)*: *Dekart dedi ki, mademki düşünüyorum öyle ise varım* (Nâzım Hikmet. Kafa taşı) 'Декарт сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую»'.

8. Предикативные слова *gerek, yok* в союзной функции: *Gerek sefer olsun, gerek olmasın üç-dört ayda bir ocağın büyük zabıtları de talimhaneye gelerek atışlara nezaret ederlerdi* (Ismail Hakkı Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi, II. cilt) 'Как в военное, так и в мирное время, раз в три-четыре месяца высшие офицеры янычарского корпуса приходили на стрельбище и наблюдали за стрельбой'; *Yok kâğıdı kalmamış, yok mürekkebi iyi değilmiş, hasılı bir alay bahaneler* (Т. S. 4., стр. 787) 'То (дескать) бумаги у него нет, то (дескать) чернила у него плохие, словом, одна отговорка за другой'.

¹⁸ В староосманском языке относительное местоимение *kim* в союзной функции в течение продолжительного времени конкурировало с союзом *ki*, со временем уступив свое место последнему. В современном турецком языке *kim* непосредственно в союзной функции не употребляется.

9. Отглагольные имена в союзной функции:

а) *demek (demek ki, demek oluyor ki)*. *Düşünüyorum, demek varım* (Т. S. 4., стр. 189) 'Я мыслю, следовательно, я существую'; *Bu işe girişmişler, demek oluyor ki (demek ki) kuvvetlerine güveniyorlar* (Т. S. 4., стр. 189) 'Они взялись за это дело, значит, надеются на свои силы'.

10. Слово *bir* в союзной функции. Употребление количественного числительного *bir*, выступающего также в функции неопределенного артикля, не ограничивается только этими основными сферами. Можно отметить употребление *bir* в адвербиальной и вводно-союзной функции¹⁹. Поскольку адвербиальному и вводно-союзному употреблению *bir* в тюркологической литературе уделялось сравнительно мало внимания, приведем несколько соответствующих примеров: *Her şey bitti bir bu kaldı* (Т. S. 6., стр. 120) 'Все закончено, только это осталось'; *Akşamdanberi çektiğimi ben bilirim. Bi(r) öldüm bi(r) dirildim* (М. Makal) 'Я знаю, что мне пришлось испытать с вечера. Я то умирал, то оживал снова'; *Hava bir açıyor bir kapıyor* (Tahsin Banguoğlu. Türkçenin grameri, стр. 557) 'Погода то проясняется, то становится пасмурной'. Слово *bir* в сочетании с энклитикой *de (bir de)* также может использоваться в союзной функции: *Bunu bir sen yapabilirsin bir de o* (Т. S. 4., стр. 106) 'Только ты да он можете сделать такое'.

11. Междометия в союзной функции. Употребление междометия *ha... ha...* в роли союза может расцениваться как интересный случай метабазиса: *Ha burada içmişsiniz, ha Erzurum'da, aynı şey efendim* (Sait Faik. Radyoaktiviteli, göpartajlı hikâye) 'Что здесь выпили, что в Эрзеруме — одно и то же, господин'; *Ha hoca Ali, ha Ali hoca* (посл.) в смысле 'Что в лоб, что по лбу'.

Некоторые из слов в результате конъюнкционализации переходят в разряд союзов, сохраняя при этом свое исходное значение в качестве побочного, для других же слов именно союзное значение выступает как побочное или даже окказиональное. В лексическом отношении процесс конъюнкционализации различных разрядов слов, принадлежащих к другим частям речи, представляет собой транспозицию с разной степенью дифференциации. В некоторых случаях, очевидно, можно говорить об образовании омонимов. В других — дело ограничивается функциональными изменениями или даже окказиональным употреблением, часто с перспективой перехода в узус.

Таким образом, круг слов, являющихся продуктом конъюнкционализации, в современном турецком языке довольно широк. Эти союзные образования существенным образом увеличивают союзный потенциал турецкого языка и в определенной степени способствуют накоплению элементов синтаксического аналитизма в нем.

¹⁹ См.: С. А. Соколов. Функционально-семантический анализ слова *bir* и его производных в турецком языке. — «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 286—287, 289—290.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. ГУКАСЯН

ТЮРКИЗМЫ В АЛБАНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В изучении истории Азербайджана, особенно истории азербайджанского языка дописьменного периода, велико значение закавказских источников V—XIII веков, в том числе «Истории Алван» (конец VII века), единственного албанского источника, дошедшего до нас на древнеармянском языке. Этот источник содержит ценные сведения о регулярном приходе в Азербайджан в III—VII веках через «ворота» Чул-Дербент тюркоязычных племен. Исследователи древней истории западных тюрков высоко ценят свидетельства этого труда, относящегося к раннему средневековью. Не случайно М. И. Артамонов именовал его «первоклассным источником по истории хазар»¹, а Л. Н. Гумилев — «прекрасной „Историей агван”»². Ценной особенностью сведений «Истории Алван» является прежде всего то, что они подтверждаются армянскими, грузинскими, византийскими, сирийскими, арабскими и другими источниками.

Из «Истории Алван» явствует, что тюркоязычное население Закавказья и Дагестана уже в V—VII веках находилось в тесном этнолингвистическом контакте с местными народностями и племенами, особенно с кавказскими албанами. Об этих контактах можно судить и по тюркизмам «Истории Алван» Моисея Утийского, которую смело можно назвать, помимо всего прочего, также достовернейшей хроникой тюрко-албанских языковых взаимоотношений. Она сохранила ряд древнетюркских лексических и лексико-грамматических элементов в той форме, которую они имели в тот период. Сюда относятся слова, титулы высокопоставленных лиц, антропонимы и топонимы, приводимые нами ниже.

Ѕорсі. Основа слова *ѕор* имеет в тюркских языках различные значения: «соломинка», «щепка», «сор», «палочка», «косточка», «осадок» и т. д.

В некоторых тюркских языках *ѕорсі* употребляется в значении «метельщик», «чистильщик мусорных ям»³, а в азербайджанском языке его основное номинативное значение «женщина-знахарка, извлекавшая из горла детей застрявшие в нем инородные предметы». Подобные знахарки до сравнительно недавнего времени еще существовали в азербайджанских деревнях.

Судя по сообщению албанского историка, хазарские (точнее — савирские) *ѕорсі* в VII веке принадлежали к особым сектам язычников и

¹ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 18.

² См.: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 182.

³ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 2. СПб., 1905, стр. 2049.

их могилы почитались. Он пишет, что в 80-х годах VII века «высокопре-
стоольный князь Алп Илитвер (то есть элтебер савиров. — В. Г.), который
показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хагану...»
(...išxann mecagah Alp Jlitver... orə bazum gorcs aruthean cuseal'i či Turk-
stani ar hazirakann...), просил албанского князя Вараза Трдата, преем-
ника Джеваншира, послать к савирам-хазарам албанского епископа
Исраила для распространения христианства. Прибыв в Хазарию, Исра-
ил, с целью искоренения язычества и других верований у савиров, добил-
ся через посредство их элтебера разрешения предать огню гробницы
šorči (кн. II, гл. XLI).

В русском переводе «Истории Алван» К. Патканян перевел šorči как
«царские», и, таким образом, получилось, что савиры сжигали царские
гробницы. Это очевидная ошибка, ибо Алп Илитвер (то есть элтебер) не
мог дать согласия на то, чтобы предавались огню гробницы его предков.
Видимо, К. Патканян тоже это понимал и поэтому в сноске указал, что
«šoraj — слово неизвестное».

Форма šoraj действительно трудно объяснима с точки зрения лекси-
ческих норм тюркских языков. Однако в армянском оригинале 1289 года,
с которого был сделан русский перевод, и в Ванской рукописи 1678 года
этого сочинения⁴ имеется вариант šorajči, на который до сих пор не обра-
щалось должного внимания. В комментариях к английскому изданию
«Истории Алван» академик Ч. Довсетт пишет по поводу ряда тюркских
слов, в том числе и о šorajči, что он консультировался с известным фран-
цузским тюркологом Луи Базеном, который считает šorajči тюркским
словом с основой šor (щепка, соломинка, остаток), известным также из
«Codex Cumanicus»⁵.

Что касается суффикса -aj в форме šorajči, то это — показатель-
родительного падежа 3-го склонения в армянском языке. По-видимому,
переписчики (или переводчики?) «Истории Алван» не поняли значения
иностранного слова (по контексту оно должно стоять в косвенном паде-
же) и добавили к нему суффикс -aj. Таким образом, šor получил два суф-
фикса: -aj и -či. В некоторых рукописях оставлен -aj и опущен -či, чем и
обусловлена форма šoraj⁶ вместо šorajči, а точнее — šorči.

Переход тюркского узкого губного *ö* в широкий губной *o* в армян-
ском языке связан с тем, что в последнем отсутствуют палатализованные
гласные *ä, ö, ü* и все заимствованные слова с этими гласными регулярно
передаются и произносятся в армянском через посредство гласных *a, o,*
u (*ä > a, ö > o, ü > u*).

⁴ Рукопись 1289 года хранится в ереванском Матенадаране (№ 1531), а копия, пе-
реписанная с нее в 1841 году армянским архимандритом И. Шахатунианом для Россий-
ской Академии наук, — в рукописном фонде Ленинградского отделения Института
востоковедения АН СССР (инв. № 75, Арм. В-56, № 10), там же хранится Ванская ру-
копись 1678 года (Arm. С 59).

⁵ См.: «The history of the Caucasian Albanians» by Movses Dasuranci, translated by
C. J. F. Dowsett. London, 1961, стр. 166.

⁶ Данная форма ввела в заблуждение и Ч. Довсетта. Ссылаясь на «Историко-эти-
мологический словарь осетинского языка» (т. I, М.—Л., 1958, стр. 314—316) В. И. Абае-
ва, он предположил, что это слово принадлежит к кавказским языкам. Однако в кав-
казских языках, как пишет В. И. Абаев, «обрядовая пляска и пение вокруг пораженного
громом» называется соррај, а не šoraj. Кроме того, гром мог поразить и человека, не
принадлежащего к религии или секте савиров. Поэтому вряд ли могила или гробница
таких людей могла быть почитаемой у савиров-хазаров, и вряд ли такие гробницы
представляли помеху для распространения христианства. Наконец, возникает вопрос:
были ли вообще у них такие обряды? Кроме того, по фонетическому составу *чопайчи* и
цоппай заметно отличаются. В армянском языке *č* и *c*, а также *p* и *ph* имеют разные на-
чертания и переписчики их не могли спутать.

Слово *şörçi* представляет большой научный интерес не только потому, что оно в «Истории Алван» зафиксировано с той же семантикой, что и в азербайджанском языке, но и потому, что в этом древнем азербайджанском источнике отмечен широкоупотребляемый во всех тюркских языках словообразовательный аффикс *-çi*. С этим аффиксом в «Истории Алван» встречается еще одно слово — *avçi*.

Avçi. Моисей Утицкий в главе 42 II книги «Истории Алван» сообщает, что князь гуннов (то есть савиров) Алп Илитвер отправил в Албанию за епископом Исраилом «знатного вельможу по имени *Avçi*, мужа именитого, имевшего титул Тархана...» (...işhan anın *Avçi*, ajr zogavog, ot tarxanuthan unei zpativ...). Из текста явствует, что *Avçi* назывался влиятельный вельможа, носящий титул тархана. Видимо, он имел также свое собственное имя и, по всей вероятности, был искусным охотником. В дальнейшем его прозвище *Avçi* («охотник») субстантивировалось (сравните, например, Бахрам Гур у персов, Овчу Пирим у азербайджанцев и т. д.).

По мнению Ю. Б. Юсифова, *-çi* в данном случае (*Avçi* в «Истории Алван») не выступает в качестве словообразовательного суффикса тюркских (азербайджанского) языков, а является самостоятельным словом, принадлежащим горским кавказским языкам, означающим «человек»⁷. Таким образом, *Avçi* в «Истории Алван» означает «человек охоты».

Заметим при этом, что некоторые специалисты дагестанских языков также полагают, что *çi* — исконно дагестанский элемент. Однако исконность *çi* в дагестанских языках ничем не подтверждается, ибо этот суффикс представлен именно в тех языках (см.: авр. *çi*, лак. *çu*, табасаран. *şvi*, удин. *iş(u) <şi...*)⁸, которые за последние пятнадцать веков регулярно контактировали с тюркскими языками Кавказа. Не случайно в ряде языков лезгинской подгруппы, в том числе в самом лезгинском, *çi* употребляется лишь в составе слов⁹, заимствованных из азербайджанского языка. В остальных дагестанских языках для обозначения человека, мужчины и тому подобного имеется другое слово¹⁰.

Часто упускается из виду и тот факт, что *çi* и в тюркских языках означал и означает «человек», «мужчина», «женщина», «брат», «сестра», то есть вообще «лицо», «персона»¹¹. Хотя не все тюркологи разделяют это мнение¹², однако в образовании первичных терминов родства в тюркских языках действительно участвует *-çi/-şi/-si/-ci*.

В орхоно-енисейских и в древнеуйгурских письменных памятниках, в словаре тюркских языков Махмуда Кашгари и в других древнетюркских источниках *ki-şi* 'человек', 'муж, мужчина'; *ki-çi/i-çi* 'жена, женщина'; *i-çi* 'старший брат'; *e-çi* 'старшая сестра'¹³, в сумайлинском говоре

⁷ См.: Ю. Б. Юсифов. О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 76.

⁸ См.: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков». М., 1971, стр. 134—135; С. М. Хайдаков. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, стр. 99.

⁹ См.: «Аварско-русский словарь» (составитель Магомедсаид Саидов). М., 1967, стр. 725; «Лезгинско-русский словарь» (составители Б. Талибов и М. Гаджиев). М., 1966; Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

¹⁰ См.: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков», стр. 134—135; С. М. Хайдаков. Указ. раб., стр. 99.

¹¹ См.: Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 209.

¹² См.: Там же, примечание 189.

¹³ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 379; Махмуд Кашгари. *Divani lughat-it-türk*. Ankara, 1939, т. I, стр. 86—87; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 46, 162; Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 22—40.

азербайджанского языка *i-či* 'брат', а в шекинском диалекте *ži-ži* (<*či-či* 'мать'. Слово *i-či* у сельджукских племен имело значение «брат»¹⁴, в сельджукских документах из Малой Азии упоминаются даже «*iči* атабеки», то есть «старшие атабеки»¹⁵.

Такое соответствие в обеих семьях языков вряд ли может быть случайным, тем более, что оно охватывает все показатели — фонетические, морфологические, лексические и семантические. К тому же в тюркских языках *či* варьируется как *-či/-ši/-si/-ci/-cy* (см.: *at-čy/at-cy* 'конюх'. *baš-čy/baš-cy* 'вождь', 'предводитель'...) ¹⁶, а в дагестанских языках как *-cci/-ci, -či/-ši, -si* и т. д. (см. ахвах., ботлих., карат. *va-cci*, даргин. *u-cci*, агуль. *ču*, рутуль. *šu*, удин. *vi-či* 'брат'; ахвах., годоб., карат., тинд. *ja-cci*, анд. *aj-ci*, агуль., лак., табасаран. *ci*, цахур. *ji-či*, удин. *xipi-či* 'сестра'...).

Наконец, из «Истории Алван» явствует, что в тюркских языках *-či* еще в VI—VII веках являлось словообразовательным аффиксом.

Kuar (<**kōkjar**). Данное слово специально исследовано М. А. Сеидовым¹⁷. Он разделяет его на *ku* и *är* с общим значением «муж-герой» (*ku* 'шум' + *är* 'мужчина'). Такая этимология не кажется нам убедительной. Ибо из контекста «Истории Алван» вытекает совершенно иное. В главе 42 книги II Моисей Утийский пишет, что албанский епископ Исраил, распространяя в 682 году христианство и упрекая савиров-хазаров в наивности, говорил: «Вы также называете богом и спасителем небесные искры, которые сверкают при громе». Отсюда следует, что молния и гром назывались древними тюрками, в том числе савирами и хазарами, **kōkjar**, то есть «неборассекающий». Ввиду отсутствия узкого губного гласного *ō* в армянском языке этот звук **kōk** был передан через посредство *o* или ложного дифтонга *u*, вследствие чего **kōkjar**, адаптируясь в армянской передаче, превратилось в *kokjar* > *ko* (kj) *ar* > *koar/kuar*.

Наличие в VI—VII веках в тюркских языках савиро-хазарского союза¹⁸ сложного слова **kōkjar** (от **kōkjaran**) представляет большой научный интерес.

Tangrixan. В главе 40 книги II «Истории Алван» Моисей Утийский сообщает, что савиры-хазары «приносили в жертву коней какому-то чудовищу, великану, называя его богом Тангрихан...».

Сведения албанского историка дополняют греческий историк VII века Феофилакт Симокатта и сирийский автор XII века Михаил Сирийец. Первый из них пишет, что «тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны о земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот...»¹⁹. Второй сообщает, что тюрки V—VII веков верили в «единого небесного бога... и даже до сего дня, если спросят человека из тех, кто не сведущ, то он отвечает и говорит: *Qan thangri*. А *qan* на их языке означает «небесная синь», а *thangri* — «бог»²⁰. *Qan thangri*, по сведениям Михаила Сирийца, соответствует *Thangri xan* (*thangri qan*) Моисея Утийского.

¹⁴ V. Minorsky. *Studies in Caucasian history*. London, 1953, стр. 95.

¹⁵ См.: О. Turan. *Türkiye Selçukluları hakkında resmi vesikalar*. Ankara, 1958, стр. 16.

¹⁶ См.: М. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 224—225.

¹⁷ См.: М. А. Сеидов. Заметки о гуинской мифологии (по источникам VII века). — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 107—116.

¹⁸ Термин «языки савиро-хазарского союза» предложен нами (см.: «Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков». Автореф. докт. дисс. Баку, 1973).

¹⁹ См.: Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957, стр. 161.

²⁰ См.: Р. Гусейнов. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960, стр. 52.

З «Советская тюркология», № 2

Что тюрки своего бога называли *тангри* или *тагри*²¹ общеизвестно (например, в начале большой надписи в честь Кюль-Тегина читаем: *Ūzā kök täŋri...*). В «Древнетюркском словаре» (стр. 544—545) отмечены следующие основные номинативные значения данного слова: «*Täŋri* 1. небо...; 2. бог, божество...; 3. божественный...; 4. повелитель, господин... *täŋri jeri* земля, страна богов...; *täŋri täŋrisi* бог богов, Будда...».

Название савиро-хазарского бога «Тангрихан» привлекает внимание, во-первых, тем, что ему придавали антропоморфные черты (*хап/қап* в древнетюркских языках означало «хан, правитель»; «повелитель», «предводитель», а не «небесная синь», как писал Михаил Сириец). И савиры-хазары, и другие народы, в том числе албаны, и их историк конца VII века вкладывали в это слово значение «громادного героя». Антропоморфизм «Тангрихана» проявляется также в том, что савиры-хазары присвоили ему титул хана. Не являлся ли этот «Тангрихан» одним из первых предводителей (хаганов, шадов...) тюрков, который впоследствии стал ассоциироваться с богом? В связи с этим уместно обратиться к повествованию автора «Истории Алван», указывающему, что, когда албанский католикос Виро и хазарский принц Бури Шад договорились, тюрки-хазары, «прославляя имя католикоса, наравне с именем своего царевича [скандировали] — бог-шад, бог-католикос...» (кн. II, гл. XIV). Небезынтересно отметить, что сына Бильге-Хагана тоже звали Тангрихан; это может служить еще одним доказательством того, что «громадный герой» не кто иной, как один из предков хазарских хаганов.

Тагхан «вельможа»; титул, присваиваемый лицу, освобожденному от уплаты налогов.

Исследователь данного слова С. М. Шапшал писал: «Слово *тархан* в качестве составного собственного имени встречалось уже у хазар; так назывался в VII столетии один из их предводителей, а именно Чорбан-тархан. Махмуд Кашгарский слово *тархан* передает в значении «эмир», «князь» (т. I, стр. 364).

Как имя собственное *тархан* встречается в начале IX в. также в иранском Азербайджане. Так назывался один из сподвижников Бабека, главы секты *Khuramis*²².

К сожалению, С. М. Шапшал не указывает, в каком источнике VII века упоминается слово «тархан» в указанном значении.

Моисей Утйский сообщает, что в 630 году, когда Тун-Джабгу (у автора — Джебухакан) намеревался совершить набег на Армению, он отправил туда на разведку трехтысячный отряд под командованием Чорбан-Тархана (кн. II, гл. XVI). Автор называет также именитого Авчи Тархана (см. выше), а армянский историк VIII века Левонд упоминает еще трех хазарских тарханов: Алп Тархана, Тармачу Тархана и Раджу Тархана²³.

Говоря об огузских *kānkaš'ax* Ибн Фадлан (X век) отмечает, что на этих собраниях обычно присутствовали *tegin'ы*, *jabūu*, *ipal'ы* и *taḡaḡan'ы*. Причем *тагхан* был самым «благородным из них и уважаемым»²⁴. В раннесредневековых тюркских манихейских текстах из Восточного Туркестана «тархан» упоминается в качестве титула вельможи. Например, в большой надписи в честь Кюль-Тегина говорится: *Nāŋ sāŋŋ ōyul taḡaḡan*

²¹ В Онгинском памятнике дана более архаичная форма *tangrik*; см.: А. А. Раджабов. Об Онгинском памятнике. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 42.

²² С. М. Шапшал. К вопросу о тарханых ярлыках. — В сб.: «В честь академика В. А. Гордлевского в его 60-летие». М., 1953, стр. 303.

²³ См.: Гевонд. История халифов. СПб., 1862, стр. 28, 71, 92.

²⁴ А. П. Ковалевский. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 64—65.

kälti 'Пришли Ненг-Сенгун [и] Огул-Тархан'; или в малой надписи: biri-ja šad-apyt bāglār, jura-ja tarqan bujurug bāglār 'беги, шад и апа [стоящие] справа, тарханы и приказные [стоящие] слева'²⁵.

И. В. Стеблева, исходя из древнетюркских письменных источников, отмечает, что «Тархан — высокий чин, возможно, командующий»²⁶. По сообщению «Истории Алван», Чорбан-Тархан тоже был командующим, он в 630 году командовал трехтысячным отрядом в походе в Армению.

Приведенные примеры показывают, что мнение С. М. Шапшала о том, что «будучи в свое время лишь собственным именем, слово „тархан“ впоследствии превратилось в титул тюркских и монгольских народов»²⁷ требует дополнительного уточнения. Ибо источники говорят об обратном: «тархан» сначала был жалованным титулом вельможи, а в дальнейшем употреблялся как собственное имя, то есть он, как и некоторые другие древнетюркские титулы (например, bagaj, čanka, čoki и др.), впоследствии субстантивировался. Из сочинений Ат-Табари мы узнаем, что одного из военачальников Бабека звали Тархан; по происхождению он был тюрк²⁸. В «Истории и восхвалении венценосцев», грузинском источнике конца XII века, упоминается легендарный осетинский богатырь по имени Тархан²⁹. По всей вероятности, собственное имя Тархан возникло в VIII—IX веках, причем не у всех тюркских народов и не всегда это слово означало титул вельможи.

Относительно происхождения слова tarqan существуют разные предположения. В. И. Абаев пишет, что слово *Тархан* относится к индоевропейским языкам и «восходит к *trk-apa-, *tark-apa-. Неотделимо от слав. тълкъ, русск. толк, толковать, откуда лит. tulkas — «переводчик». ... Др.-инд. tark- «размышлять», tarka- «соображение», «суждение»... Хетт. tark... может восходить к и.-е. *terk- или *derk-. Иранских соответствий не отмечено. Из скифского (аланского) идут тюрк. tarqan — почетное звание (первоначально «судья»?), монг. darqan (на тюркской и монгольской почве не этимологизируется)... Быть может, из скифского идет и этрусское Tarqon. Tarchon — имя героя (отсюда лат. Tarquinius), а также согд. Tarxūp»³⁰.

По мнению Пентти Аалто, не только tarqan, но и žabyu/jabyu, šad, katun/xatun, kagan/xagan, tangri, tigin, xan в древнетюркских языках были заимствованы из древне- и среднеперсидского языков³¹. Это вполне возможно, однако эти слова в «Истории Алван» зафиксированы уже как тюркские, ибо в индоевропейских языках они по своей фонетической структуре резко отличаются от своих тюркских вариантов. Очевидно, эти слова были заимствованы тюркскими языками еще до VI века.

По мнению В. В. Радлова, Г. Вамбери, Г. Хюбшмана, М. Фасмера и других, слово «тархан» в русский язык проникло через посредство тюркских языков, ибо индоевропейская форма его ни фонетически, ни тем более семантически не нашла своего отражения в восточнославянских языках³².

Turkan. В главе XII книги II «Истории Алван» сообщается, что в 627 году хазарский шад прошел через всю Албанию в Атропатену и, ос-

²⁵ См.: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 107, 123.

²⁶ Там же, стр. 130.

²⁷ См.: С. М. Шапшала. Указ. раб., стр. 316.

²⁸ См.: Зия Бунятов. Азербайджан VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 244, 296—297.

²⁹ См.: «История и восхваление венценосцев». Тбилиси, 1954, гл. 33, стр. 58.

³⁰ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 19.

³¹ См.: «Iranian contacts of the Turks in pre-islamic times by Pentti Aalto. *Studia turcica* Edidit L. Ligeti. Budapest, 1971, стр. 29—37.

³² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, стр. 25.

тановившись на берегу реки Аркс, отправил к сасанидскому царю царей Хосрову II Парвизу вестника (то есть *туркана*) с ультимативным требованием уступить императору Ираклию I все земли, захваченные у византийцев. В источнике отмечается, что Хосров II через того же *туркана* направил ответное письмо, и тот возвратился в свою страну (...turkanp tarcav jašxarh iwr). К. Патканян, исходя из контекста, слово *turkanp* переводил на русский язык как «посланник, вестник», а указанное выше предложение как «посланник возвратился в страну свою». Ч. Довсетт отмечает, что арменистами это слово передается как *дровакан* или *тургак*, означающее в новоперсидском языке «проводник»³³. Однако *turkanp* он все же считал тюркским словом, хотя и без указания его значения.

В докторской диссертации автора этой статьи слово *turkan* разделено на *turk* и *kan* и прочитано как «хан тюрок»³⁴.

Ю. Б. Юсифовым дана новая, на наш взгляд, более верная интерпретация. Исходя из вышеприведенного контекста, он пишет: «Слово *turkan* из «Истории Албан» могло иметь конкретное значение „быстрый“, то есть „курьер, посланец“»³⁵, что перекликается с интерпретацией К. Патканяна и нашим мнением. Но Ю. Б. Юсифов связал *turkan* с тюркским словом *türgen* «быстрый». Это слово (*türgen-turkan*) с той же семантикой существует и в монгольском языке (см. «*тургэн* 1) быстрый, скорый, спешный; *Тургэн зууч* быстро...») ³⁶.

Думается, что название реки *Türgen* (ошибочно на картах пишется *türjan-čaj*), протекающей через территорию Куткашенского района (у северо-западной окраины удинского селения Нидж) Азербайджанской ССР, тоже связано со словом *türgen* (то есть «быстротекущая горная река»).

Tidun. Одно из редко встречающихся в древнетюркских памятниках слов, означающее «военный чин». В словаре В. В. Радлова говорится: «тудун — один из военных чинов у тюрок». В «Древнетюркском словаре» указывается, что *tudun* означает «титул» и «собственное имя». Это слово упоминается в памятнике Бильге-кагану, относящемся к 735 году³⁷. А. Н. Самойловичем зафиксирована его булгарская форма с *r*: *turup*³⁸. Данный пример ротацизма представляет огромный научный интерес с точки зрения тюркологии. Многие ведущие тюркологи включают все тюркские языки савиро-хазарского союза в булгарскую группу³⁹. Однако булгарский *turup* в языках савиров-хазаров, судя по «Истории Алван» употреблялся в форме *tudun/tidun*. В главе XIV второй книги «Истории Алван» сообщается, что хазарский шад, исполняя просьбу албанского католика Виро, «отправил знатных мужей, называемых тидунами», чтобы те разыскали в шатрах хазаров албанских пленников и освободили их. Отсюда следует, что *tudun/tidun*'ы являлись высшими офицерами в войске хазарского хаганата. Судя по источникам раннего средневековья, некоторые из этих *tidun*'ов в Средней Азии стали даже предводителями.

Xagan. Тюркологи полагают, что история тюркского хаганата начинается с середины VI века, то есть с того времени, когда тюркский вождь Бумын (умер в 552 году), принявший титул хагана/кагана⁴⁰, отказался

³³ См.: «The history of the Caucasian Albanians», стр. 88.

³⁴ В. Л. Гукasян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 7.

³⁵ Ю. Б. Юсифов. Указ. раб., стр. 75.

³⁶ «Монгольско-русский словарь». М., 1957, стр. 432.

³⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 584.

³⁸ А. Н. Самойлович. «Турун» — «тудун» (Еще пример тюрко-булгарского ротацизма). — «Сборник Музея антропологии и этнографии». Пг., 1918, т. V, вып. I.

³⁹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 231—237.

⁴⁰ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 26—30.

от подчинения жужанскому кагану. Вслед за ним уже правил Истеми хаган, после которого царствовал дядя Бильге-хагана — Капаган хаган. 672-й год был годом правления Джебу или Чевы хагана и т. д. Обо всем этом имеются подробные сведения в орхонских памятниках. В большой надписи в честь Кюль-Тегина так и записано: *Bumun qaγan İstāmi qaγan oturmuš* 'Сели (на царство) Бумын каган и Истеми каган'.

Обратимся к «Истории Алван»: в IV главе второй книги Моисей Утийский пишет, что в 552 году Албания была вынуждена перенести патриарший престол из города Чула/Чола в столичный город Партав (Берда), чтобы избежать нашествия самого могущественного тюркского народа того времени — савиров (у автора — хазаров). Это было не случайно, ибо в том же 552 году савиры штурмом взяли крепость Чул-Дербент и хлынули в Северную Албанию. Моисей Утийский, называвший их хазарами, пишет, что в том году «страна наша подпала под власть хазаров и церкви, и заветы преданы были огню»; а в XII главе той же книги он трижды упоминает хазарского хагана, называя его царем севера.

Если вспомнить, что тюркский хаганат, как единая тюркская держава, возник в середине VI века вдали от Кавказа, а именно на территории, простирающейся от Китая до Восточного Казахстана, то о нем вряд ли могли бы знать историографы Закавказья, жившие в V—VI веках. Однако армянский историк Моисей Хоренский в двух главах второй книги своей «Истории Армении» упоминает хазаров и их хаганов: «По достижении Перозаплатом юношеского возраста, Арташир (основатель Сасанидской династии в 224 году. — В. Г.) утверждает его в честь отца военачальником для ведения войны с варварскими народами... Он оказался мужем храбрым... низложил Вэрка, назвавшегося хаганом»⁴¹. В комментарии Н. О. Эмин писал: «Хаганами в византийский переход, т. е. в исходе VI и в начале VII вв., назывались повелители аваров, кутригуров и гуннов. Хаган у русских летописцев является в форме каган, которым назывались правители хазар»⁴².

Наличие в IV—V веках на подступах к Дербенту тюркских народностей, в том числе и хазаров, отмечено не только закавказскими историографами, но также сирийской хроникой начала VI века и византийским историком VI века Менандром. Описывая период 436—491 годов, автор сирийской хроники Захарий Митиленский перечисляет проживающих за «дербентскими воротами» тринадцать тюркских народностей: «авгар, савир, бургар (то есть булгар), куртаргар (то есть кутригуры), авар, хасар (то есть хазар), дирмар, сиургур (то есть сарыугоры), багарсик (то есть барсилик), кулас, абдел, ефталит»⁴³.

Таким образом, не остается сомнения в том, что по крайней мере с V века верховный правитель тюркских народностей носил титул каган/хаган (*Qaγan*). Этот титул в такой же форме был зафиксирован в закавказских (*haγan/хапан*) и византийских (*καγάνος*) источниках V—VI веков.

^v
Zabγu/žebγu. Это был высокий чин у тюрков, обычно его носили братья хаганов или его очень близкие родственники по крови. Албанский историк сообщает, что предводителем южных хазаров, живших в пограничной с закавказскими странами зоне, был некий Джабгу (у автора

⁴¹ Моисей Хоренский. История Армении. Новый перевод Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 134.

⁴² Там же, стр. 266—267.

⁴³ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165; «Византийские историки». СПб., 1860, стр. 411—412.

Джебу)⁴⁴ и его сын Бури-Шад. Они всю Северную Албанию считали своими владениями (см. кн. II, гл. XIV). Примечательно то, что албанский историк приводит и семантику слова «джабгу». Он пишет, что в 626 году византийский император Ираклий I заключил союз с хазарами против Ирана и обещал хазарскому джабгу большую награду: «Когда наместник северного царя (то есть хазарского хагана. — В. Г.) с именем Джебухаган, *второе лицо в царстве его* (курсив наш. — В. Г.), слышал и видел обещания великих наград... дал ответ...» (кн. II, гл. XII).

Из этого небольшого отрывка явствует, что *джабгу/джебгу* был наместником хазарского хагана в южной Хазарии, причем являлся вторым по чину человеком после хагана. Пожалуй, таким же описывает его и византийский историк VII века Феофан. Последний пишет, что в 627 году хазары «под предводительством их вождя Зибеля (Ζιβηλ, то есть Джебу. — В. Г.), который считался самым большим лицом после хагана, наводнили провинцию Атрпаткана»⁴⁵.

Л. Н. Гумилев по этому поводу пишет: «Степи юго-восточной Европы в 20-х годах VII века находились под властью тюрков. Наместником хана был его младший брат, носивший титул „джабгу-хаган“ (Джебу хаган). Его сын был при нем полководцем с титулом „шад“...»⁴⁶.

Написание «джабгу», точнее «джебгу» вместо «йабгу», в «Истории Алван» не случайно и не является искажением. Это слово почти в таком же звучании зафиксировано в армянских и грузинских источниках. Армянский историк VII века Себеос, современник хазарского джабгу, пишет, что, когда началась война Ирана с кушанами, «кушанские цари попросили себе помощь от великого хакана, царя севера. И пришло им на помощь войско в количестве 30-ти бюров; оно перешло реку под названием Вехрот, которая берет начало в Туркестане... Вслед за тем от великого хакана пришел приказ Джембуху...»⁴⁷ (в одном предложении содержатся три древнетюркских слова, зафиксированные и в «Истории Алван», — *джабгу, хаган, Туркестан!*). В грузинском источнике VII—IX веков «Мокцевай Картлисай» приводится более точная форма этого титула. В ней отмечается, что в 627 году византийский император Ираклий I оставил эристава **Джибго** (ჯიბგო) для ведения осады Тифлиса. «А джибго этот, после немногих дней взял Калу...»⁴⁸. В «Краткой истории Грузии» Джуаншера зафиксирована форма данного титула, почти сходная с хазарской: «...Джибгу (ჯიბგუ) взял тифлисскую крепость, пленил начальника крепости...»⁴⁹.

В «Китаб ахбар ал-булдан» Ибн ал-Факих излагает (точнее пересказывает) легенду о родоначальниках огузского государства, часто упоминая *джабгу*. Хамадани Балкик, живший в VIII веке, назван арабским автором Наджибом «Балкик ибн Джабгу»⁵⁰.

⁴⁴ О личности Джебу хагана смотрите новейшее исследование А. Бомбачи. Кто был Джебу хаган? (Qui était Jebu hakap?). Turcica. Revue D'etudes Turques, t. II, 1970, стр. 7—24.

⁴⁵ «Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта». М., 1884, стр. 235.

⁴⁶ См.: Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 150.

⁴⁷ См.: «История епископа Себеоса» (перевод Ст. Малхасяна). Ереван, 1939, стр. 59—60.

⁴⁸ «Обращение Картли (в христианство)». — СМОМПК, вып. 28. Тифлис, 1900, стр. 44.

⁴⁹ Там же, стр. 128—129.

⁵⁰ Подробно об этом см.: С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 122—128.

Примечательно, что в других арабских источниках IX—XIII веков имеется сходная с приведенной в «Истории Алван» формой: *джебгуйе/джибгуйе* (جېڭو ځيڭو)⁵¹.

Указанный титул в древних тюркских языках существовал в двух диалектных вариантах: *žabγu* и *jabγu*. Закавказские источники заимствовали форму *джабгу/джебгу* через *дж*-диалект языков савиро-хазарского союза; в грузинских источниках она зафиксирована почти в неизменном виде (*žebγu/žibγu//žibγo*), в «Истории Алван» с выпадением звонкого *γ* (*žebγu > žebu*), а в армянских источниках с вставкой *m* между *e* и *b* (*žebγu > žembuγu/žembuxu*).

Отметим, что титул хазарского вице-хагана *джабгу* сохранился в тюркских языках и в последующие века: верховные правители огузов X—XI веков назывались *джафга*⁵², что восходит к савиро-хазарской форме *джабга/джабгу*. Махмуд Кашгари (XI в.) отмечает, что *джафга* у кыпчаков и огузов X—XI веков означало «вождь» и «проводник»⁵³, а Ибн Муханна толкует его как «старейшина племени»⁵⁴. Поэтому форма *джабга/джафга* не может быть отнесена лишь к джекающим кыпчакским языкам. И вообще относить джекание только к кыпчакским языкам неправомерно.

Следует учитывать, что, по предположению специалистов, кыпчакское и огузское диалектные объединения в древности выделились из единой кыпчакско-огузской общности⁵⁵.

Šad — высший после хагана титул у тюрков. Титул *шад* присваивался принцам крови, имевшим в своем управлении уделы. В большой орхонской надписи в честь Кюль-Тегина Бильге-хаган сообщает: «Когда каганом сидел мой дядя, я сам был шадом над народом Тардуш» (...*Ašim qaγan olurtuqda, özim tarduṣ budun üzä šad ärtim*)⁵⁶. Одного из таких *шадов*, живших в 20—30-е годы VII века, упоминает автор «Истории Алван». Он был сыном хазарского предводителя *джабгу*, который часто упоминается во II книге «Истории Алван». Причем албанский историк поясняет семантическое значение этого древнего тюркского титула. В XIV главе второй книги Моисей Утийский пишет: «В конце 37 года к Хосрову II Первизу (то есть в 627 году. — В. Г.) царь севера отправил обещанное боевое войско под предводительством своего племянника, которого в честь его княжеской власти называли *шад*».

Примерно такое же объяснение дается титулу *шад* в «Древнетюркском словаре»: «*šad* I [согд. *xšud <?]. Один из высших военнопроводительных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах» (стр. 519).

Слово *šad* в «Истории Алван» часто употребляется в форме *šat*. Оглушение ауслаутного звонкого *d* и замена его глухим вариантом *t* в тюркских языках явление обычное. Здесь может иметь место и диалектное различие *d ~ t*. Поэтому форму *šat*, зафиксированную в «Истории Алван», нельзя считать албанской или армянской адаптацией.

⁵¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 251.

⁵² См.: O. Pritsak. Der untergang des Reiches des oguzichen yabgu. — «Mélanges Fuad Köprülü». Istanbul, 1953.

⁵³ См.: Mahmud Kaşgari. Divani lügat-it-türk, t. III, стр. 32.

⁵⁴ См.: A. Taymas ve H. Eren. Ibnu Mühenna lügati hakkında. — «Türk dili tarihi hakkında araştırmalar», Ankara, 1953, стр. 13.

⁵⁵ Об этом см.: Э. В. Севорган. О содержании термина «общетюркский». — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 10—11.

⁵⁶ См.: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков, стр. 107, 123.

Türk, Türkestan. Эти этноним и этнотопоним часто упоминаются в «Истории Алван». Характерными являются следующие факты: во-первых, этнонимы *тюрк-гунн-хазар* албанским историком употребляются синонимично, что в научном отношении весьма любопытно (ср.: Феофилакт Симокатта, современник албанского историка, все тюркские народы называл общим этнонимом *тюрк*); во-вторых, и это не менее интересно, *Туркестаном* албанский историк называет Хазарию, а не соответствующую область Средней Азии. Надеясь на то, что албанский царь Джевانشир однажды одержал победу над войском хазарского хагана, в главе XVII второй книги Моисей Утийский пишет, что «даже царь Туркестанский просил у него мира...» (...minčev Turkhastani thagavori xəndrer, i pmanē ser...), а в другом месте (гл. XXVI, кн. II) сообщает о том, что, когда хазары в 60-х годах VII века напали на Албанию, Джевانشир лично вступил в переговоры с хазарским хаганом. Албанский историк тут же задает вопрос: «Кто из персидских царей мог бы встретиться лицом к лицу с туркестанским царем?» (...thē oš okh jarkhajien parsic harac jandiman zthurkhastanejcn thagavor...); наконец, в-третьих, восхваляя савирского элтебера, автор пишет, что он «показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хагану» (см. выше), выражая, таким образом, свое представление о территории Туркестана. Эти сведения албанского историка конца VII века, кроме всего прочего, не оставляют сомнения в том, что хазары этнически являлись тюрками и их страна называлась *Туркестаном*.

Из собственных имен особый интерес представляют Avči, Alp, Gazan, II-Tegin, Cat, Corban и другие.

В главе I книги II албанский историк сообщает, что после гибели Хонагура (Honagur)⁵⁷ «два брата знатного происхождения Гор и Газан пришли с большим войском к Бабику (в Армению. — В. Г.). Бабики бросил для них жребий. Гору досталось село Хот, а младшему Газану — прекрасный Шагат (оба топонима существуют и поныне). Это было за 20 лет до воцарения злого Газкерта» (то есть в 418 году, ибо Ездегерд II правил в Иране в 438—457 годах). Как верно замечает Ю. Б. Юсифов, «этот отрывок интересен тем, что в нем, помимо сведений о пребывании по соседству с Албанией гуннов-оногуров, вообще впервые упоминается имя Газан, объяснение которому можно найти в огузской ономастике. В тюркских памятниках имя Газан засвидетельствовано позже — в эпосе «Книга моего деда Коркута»⁵⁸.

На основании приведенных выше тюркизмов из «Истории Алван» можно заключить следующее:

а) часть приведенных слов относится к исконной лексике азербайджанского языка; в тех же значениях они широко употребляются в азербайджанских письменных памятниках (resp. в азербайджанском литературном языке);

б) почти все эти слова зафиксированы и в других закавказских источниках VI—XIII веков. Следовательно, они свидетельствуют о том, что «поселение тюрк-савилов, барсиллов, хазаров и других в Закавказье, в особенности в степной Албании, существовало, вероятно, со времени первых вторжений их в эту страну. В дальнейшем их число пополнили новые тюркские племена, что и определило современный этнический облик Азербайджана»⁵⁹;

⁵⁷ О Хонагуре см.: Ю. Б. Юсифов. О языковых элементах тюркского происхождения у албанского историка. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 76.

⁵⁸ Ю. Б. Юсифов. Указ. раб., стр. 76.

⁵⁹ М. А. Артамонов. Указ. раб., стр. 132.

в) аффриката *ǰ*, как дифференцированный согласный, в языках савиро-хазарского союза существовала еще в V—VII веках. Это значит, что дивергенция языков тюрков савиро-хазарского союза на *j*-, *ǰ*-, а также на *d*- и *c*- диалекты происходила до V века. Данные этих диалектов идентичны в азербайджанском языке XI—XX веков⁶⁰.

г) наличие губно-зубного спиранта *ʋ* в «Истории Алван» (см.: *Avči*) свидетельствует о том, что в языках савиро-хазарского союза он возник не позднее V века. Это тем более верно, что он зафиксирован и в Орхонских памятниках VI—VIII веков;

д) *-či* (*Avči*, *čörči*, а также *erupči* 'бурка' у Левонда) уже в V—VII веках в языках савиро-хазарского союза был словообразовательным аффиксом.

Все эти данные, а также тюркизмы других закавказских источников V—XIII веков⁶¹ показывают, что в формировании общенародного азербайджанского языка определенную роль сыграли диалекты языков савиро-хазарского союза, представленные на территории Азербайджана в V—VIII веках.

⁶⁰ См.: В. Асланов, Г. Ворошил. К истории азербайджанского языка дописьменного периода. — «Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов». Алма-Ата, 1976, стр. 162.

⁶¹ Автором подготовлена специальная статья, посвященная тюркизмам этих источников.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л. Я. МЕДВЕДЕВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАРАИМСКОГО ПОЭТА И. И. ЭРАҚА

Литература крымских караимов, как и вся караимская литература на ранних своих этапах, носила религиозный характер. Однако наряду с этой литературой, издававшейся на древнееврейском языке, уже в XI веке, как отметил знаток караимской литературы, видный караимский ученый С. М. Шапшал, появляются произведения и на караимском языке. К XI веку относится перевод полного текста Библии на чалтский диалект. Для языка этого перевода характерна архаичность и близость его к лексике и морфологии памятника половецкого языка — «Кодекса Куманикуса»¹.

Большинство караимских ученых относит появление литературы на караимском языке к первой половине XVI века, когда был переведен на язык крымских караимов религиозный гимн из молитвенника, напечатанного в Венеции в 1528—1529 годах².

В 1735 году в открытой в Крыму караимской типографии И. Синани был издан на языке крымских караимов молитвенник, ставший первым печатным изданием в Крыму³.

Деятельность караимских поэтов вплоть до середины XIX века почти полностью сводилась к переводам на родной язык разного рода молитв, покаянных и обрядовых песен и других произведений религиозного характера. Так, караимский поэт И. Казас осуществил стихотворный перевод «Пятикнижия» под заглавием «Балнын солагы» («Мед сотовый»), напечатанный в Евпатории в 1835 г. Этот перевод считается одним из лучших образцов ранней караимской поэзии⁴. И. Казас является также автором весьма популярной среди караимов элегии «Адам оглу».

Присоединение Крыма к России в конце XVIII века стимулировало пробуждение общественного сознания караимов, их борьбу за гражданские права и установление культурных связей с Россией. Сама жизнь направляла литературу по новому пути. Огромную роль в развитии общественной мысли караимов сыграло знакомство представителей прог-

¹ Г. С. (С. М. Шапшал). Краткий очерк тюрко-караимской литературы. — «Известия Караимского духовного правления». Евпатория, 1912, июль, № 1, стр. 7—8.

² A. Zajaczkowski. Die karaimische literature. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. II, 1964, стр. 796.

³ Кроме указанных молитвенников, А. Зайончковский упоминает публикацию переводов покаянных молитв в Молитвеннике 1734 года и религиозных песен в Молитвеннике 1772 года и некоторые другие. См.: A. Zajaczkowski. Literatura karaimska. — «Mysl karaimska», 1926, 1, 3, стр. 7—8.

⁴ В Рукописном собрании ЛО ИВАН СССР хранится рукопись этого произведения под индексом А 126.

рессивной караимской интеллигенции с общеевропейской, главным образом русской классической литературой. Важным этапом в становлении светской караимской литературы явились переводы произведений русской классики на караимский язык. Первые такие переводы появились благодаря деятельности передовых караимских общественных деятелей: ученых, педагогов, поэтов и писателей, таких, например, как известный караимский ученый и писатель Авраам Луцкий (Абен-Яшар) (1792—1855), караимский ученый, общественный деятель, директор Евпаторийской учительской семинарии, поэт и прозаик И. И. Казас (1833—1912) и, наконец, И. И. Эрак, стремившихся к укреплению русско-караимских культурных и литературных связей.

Нельзя не отметить здесь и деятельность передовых русских ученых, и в первую очередь академика В. В. Радлова, дважды ездившего к караимам: в Крым в 1886 году⁵ и в Троки и Луцк — в 1887 году⁶ для сбора караимских текстов, которые, к сожалению, до сих пор остались не изданными.

Переводы караимских поэтов из русских писателей воспитывали у караимов любовь и уважение к русской литературе, приобщали их к идеям гуманизма, патриотизма и интернационализма, знакомили с художественным мастерством русских писателей.

Первым переводчиком русской классики на караимский язык был Абен-Яшар, им были переведены басни И. А. Крылова, ставшие столь популярными, что они заучивались наизусть в караимских приходских школах⁷. В «Краткий практический учебник русского языка для татарских школ» И. И. Казаса вошли переводы стихотворений А. С. Пушкина «Золото и булат», «Осень и зима», «Птичка» (отрывок из поэмы «Цыгане») и «Сказка о рыбаке и рыбке»⁸.

Особые заслуги в популяризации русской классической поэзии принадлежат ученику Абен-Яшара, известному поэту и переводчику Иосифу Исааковичу Эраку (1832—1896). Сведений о нем, к сожалению, сохранилось немного. И. И. Эрак родился в Константинополе. Окончив высшую богословскую школу Абен-Яшара в Евпатории («Караимскую академию»), он получил ученое звание «эрбы», дававшее право на занятие у караимов учительских и духовных должностей. Затем долгое время он жил в Петербурге. Умер в Одессе в 1896 г.⁹

Литературная деятельность И. И. Эрака относится к 70-м годам XIX века. Это время характеризуется борьбой представителей передовой караимской интеллигенции с ее реакционной частью. Известно, что И. И. Эрак входил в образовавшийся в 60-х годах XIX века в Одессе кружок радикально настроенной караимской молодежи, группировавшейся вокруг партии «Кара сакал» («Чернобородые») и выступавшей против консервативной партии «Ак сакал» («Белобородые»). Вместе с ним в

⁵ W. W. Radloff. Vorläufiger bericht über eine wissenschaftliche reise in die Krym im jahre 1886. — «Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», 1887, t. IX, стр. 261—270.

⁶ W. W. Radloff. Bericht über eine reise zu den Karaimen der westlichen Gouvernements. — «Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin. Historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», t. IX, 1887, стр. 403—416.

⁷ Г. С. Краткий очерк. тюркско-караимской литературы, стр. 7—8.

⁸ И. И. Казас. Краткий практический учебник русского языка для татарских школ. Одесса, 1873, отд. 1, стр. 24—36, 81 и 112. Этот учебник был переведен на татарский язык С. Максудовым («Терджуман рус». Казань, 1900).

⁹ Материалы об И. И. Эраке почерпнуты нами из сведений, собранных о нем библиотекарем известной Караимской национальной библиотеки «Карай битиклиги» Б. С. Ельяшевичем и полученной автором статьи из Евпатории от С. И. Кушуль, за что мы и приносим ей здесь свою благодарность.

этот кружок входили упомянутый выше поэт и переводчик И. И. Казас¹⁰, а также общественные деятели И. Шамаш, Карасаклы, известный библиофил А. Ю. Мичри и др. Кружок издавал рукописный журнал «Давул» («Барабан») (1864—1872 гг.) с эпиграфом «Анлаяна сиври синек саз, анламайана давул зурна аз» («Понимающему и комар (муха) — музыка, а непонимающему и барабана с дудкой мало»)¹¹.

Значение творчества И. И. Эрака прежде всего заключается в том, что оно носит исключительно светский характер и отличается своей оригинальностью. Большое влияние на его поэзию оказала русская классическая литература. И. И. Эраку принадлежат первые опыты стихотворного перевода на караимский язык произведений русской классической поэзии (В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова). В частности, И. И. Эрак был одним из первых переводчиков стихотворений А. С. Пушкина на тюркские языки: еще в 1886 г. он опубликовал сборник переводов А. С. Пушкина, изданный литографским способом в Петербурге. Это было первое светское литературное произведение, напечатанное на караимском языке¹². Свои переводы И. И. Эрак посвятил выдающемуся востоковеду — декану Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзе Александру Касимовичу Казембеку. В этот сборник вошли переводы поэмы «Бахчисарайский фонтан», а также стихотворения «Талисман», посвященного А. С. Пушкиным Е. К. Воронцовой, подарившей ему при прощании талисман с древнееврейской надписью на караимском языке¹³.

Широкому распространению этого издания и популярности его переводчика немало способствовало то обстоятельство, что оно было напечатано арабским шрифтом, более доступным тюркоязычному населению, чем мало понятный для них древнееврейский шрифт¹⁴. Арабским шрифтом было напечатано и стихотворение И. И. Казаса «Талэсыз»,¹⁵ опубликованное в газете «Терджуман». Это, а также пробудившийся у тюрков интерес к русской литературе способствовали тому, что переводы И. И. Эрака приобрели широкую популярность среди тюркского населения Крыма и Кавказа; утвердив за ним славу самого известного караимского поэта.

В небольшой, но чрезвычайно ценной коллекции караимских рукописей Рукописного собрания Ленинградского Отделения Института востоковедения Академии наук СССР хранятся две рукописи произведений И. И. Эрака. Это рукопись В 80 (коллекция В. В. Радлова), куда вошли следующие произведения: переводы отрывков из поэм А. С. Пушкина «Цыгане» и «Бахчисарайский фонтан», стихотворений «Пророк», «Та-

¹⁰ Об И. И. Казасе см.: Б. С. Ельяшевич. И. И. Казас. Его жизнь, научно-литературная, педагогическая и общественная деятельность. Биографический очерк. Евпатория, 1918.

¹¹ Г. С. Краткий очерк тюркско-караимской литературы, стр. 8 и A. Dubinski. Z dziejów badań nad językiem i literaturą karaimską. — «Rocznik Orjentalistyczny». Warszawa, 1960, № 2 (34), стр. 151.

¹² Ср. с утверждением К. М. Мусаева: «К сожалению, религия подавляла светскую литературу, и до наших дней не дошло ни одного произведения светского содержания, написанного на караимском языке до XX в.» (К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 8).

¹³ С. Перовский. Пушкинский талисман. — Газ. «Ленинградская правда» от 25. VIII. 1963 г.

¹⁴ А. Зайончковский по этому поводу писал: «Заслуга напечатания первого печатного произведения светской караимской литературы... принадлежит именно крымским караимам, которые позволяли себе иногда также печатать свои произведения арабским шрифтом». (A. Zajaczkowski. Die karaimische Literature., стр. 796). Караимский ученый А. Дубинский также отмечал связь караимских авторов с мусульманским населением Крыма и даже других территорий России (см.: A. Dubinski. Z dziejów..., стр. 151).

¹⁵ См.: газ. «Терджуман», № 197. от 11. X. 1917 г.

лисман» и «Не дай мне бог сойти с ума». Последнему И. И. Эрак дал свое произвольное название «Мелихула» («Элегия»). Рукопись включает еще переводы оды Г. Р. Державина «Бог», двух басен И. А. Крылова: «Волк и журавль», «Две бочки» и оригинальную трагедию «Дина»¹⁶, представляющую историко-литературный интерес как образец первого светского драматического произведения караимов. Сюжетом трагедии послужило происшествие, случившееся в 70-х годах в маленьком караимском городке. История эта в известной степени аналогична истории Дины — дочери патриарха Иакова. Не решаясь открыто выступить против клеветников невинной девушки, И. И. Эрак дал действующим лицам библейские имена¹⁷. Перевод трагедии на русский язык был опубликован в 1911 году в журнале «Караимская жизнь»¹⁸.

Другая рукопись собрания ЛО ИВАН СССР В 494 содержит переводы следующих сочинений А. С. Пушкина: «Цыгане», «Бахчисарайский фонтан», «Талисман», «Не дай мне бог сойти с ума», оды Г. Р. Державина «Бог», басен И. А. Крылова «Пустынник и медведь», «Волк и ягненок», поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек»; стихотворения В. А. Жуковского «Керим», собственное стихотворение И. И. Эрака (1869)¹⁹.

Кроме того, в составе сборной рукописи Д 39 нам удалось обнаружить перевод поэмы «Цыгане», датированный «10 сентября 1869 г. Петербург»²⁰. В эту же рукопись входят стихи И. И. Эрака и И. И. Казаса²¹.

Творчество И. И. Эрака привлекало к себе внимание академика В. В. Радлова, с помощью которого в июне 1888 года в Петербурге, спустя двадцать лет после первого издания, вышел в свет сборник переводов И. И. Эрака под заглавием «Турецкий перевод избранных стихотворений русских поэтов»²², изданный по распоряжению и на средства Императорской Академии наук²³. В сборник вошли поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане», стихотворения «Пророк», «Талисман», «Делибаш», «Не дай мне бог сойти с ума», «Если жизнь тебя обманет»²⁴; поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», «Хаджи Абрек» и стихотворение «Ветка Палестины»; стихотворение «Керим» В. А. Жуковского, ода Г. Р. Державина «Бог»; басни И. А. Крылова «Волк и журавль», «Две бочки», «Волк и ягненок», «Пустынник и Медведь» и четыре оригинальных стихотворения И. И. Эрака.

¹⁶ Рукопись представляет собой ученическую тетрадь в клетку размером 21×17 см, 29 листов, бумажный европейский переплет, написана хорошим почерком (крымским). На 1-м листе проставлена карандашом дата «1864 г.». Эта трагедия вошла также в сборную рукопись В 496¹⁷ ЛО ИВАН СССР.

¹⁷ Из сведений об И. И. Эраке, собранных Б. С. Ельяшевичем.

¹⁸ «Караимская жизнь». М., 1911, кн. 5—6, стр. 17—33.

¹⁹ Рукопись не датирована; она написана на желтоватой европейской бумаге с филигранями, черная тушь, картонный европейский переплет, размер 26×21 см, 45 листов.

²⁰ Поэма «Цыгане» написана на бумаге отечественного производства, размер 35,5×22 см, 4 листа.

²¹ Стихи И. И. Казаса и И. И. Эрака написаны на школьной тетради в линейку, черной тушью, хорошим крымским курсивом, размер 21,5×11,5 см, 12 листов.

²² СПб., 1888. Сборник хранится в Пушкинском Доме (ИРЛИ) АН СССР, Шифр-43 36/13.

²³ (С. М. Шапшал). Некролог. — Газ. «Новое время». СПб., 29. X. (10.XI) 1896, № 7426, стр. 4.

²⁴ Двум последним стихотворениям А. С. Пушкина, не имеющим заглавий, И. И. Эрак дал свои произвольные «Мелихула» («Элегия») и «Теслих» («Утешение»). Ср.: С. М. Шапшал. Переводы И. И. Эрака. Примечания П. М. Мелиоранского. — «Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР», разряд I, опись 7, № 62, стр. 1.

В 1896 году В. В. Радлов включил в седьмой том своих «Образцов»²⁵ караимские материалы «Меджуму», предоставленную ему А. Фирковичем в Казани и отпечатанную при содействии И. И. Эрака, которого В. В. Радлов называет одним из лучших знатоков караимского письменного языка²⁶, а также произведений самого И. И. Эрака. Кроме переводов русских поэтов, сюда вошла и его трагедия «Дина».

Мы не располагаем сведениями о сочинениях И. И. Эрака, сохранившихся в различных книгохранилищах, да и в Рукописном фонде ЛО ИВАН СССР среди караимских рукописей, возможно, отыщутся и другие произведения поэта, но это дело будущего.

Остановимся на характеристике первых поэтических переводов И. И. Эрака, сопоставив их с переводами его современников.

Для всей тюркской литературы конца XIX и начала XX века характерен интерес к европейской, главным образом русской, поэзии. Делались попытки художественного перевода пушкинской поэзии и на другие тюркские языки. Однако все эти ранние переводы были вольными и представляли собой главным образом переложения и переработки. Так, например, основоположник казахской поэзии Абай Кунанбаев дал «вольное» изложение, своеобразную собственную интерпретацию «Евгения Онегина» (1880 г.). Узбекский поэт Фируз также создал вольный прозаический перевод 122 строк вступительной части поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1899).

В своих переводах И. И. Эрак стремился по возможности точно передать как содержание, так и форму оригинала. Стремясь к метрической близости с оригиналом А. С. Пушкина, И. И. Эрак использовал характерный для тюркского стихосложения²⁷ восьмисложный тюркский силлабический стих с перекрестной рифмой. Перевод содержания почти дословный. Эту близость переводов И. И. Эрака к оригиналу, легкость и звучность его стиха отмечал в свое время еще С. М. Шапшал²⁸.

И. И. Эрак — первый светский караимский поэт и переводчик, впервые открыл тюркоязычным народам Крыма, Кавказа и других окраин России великую русскую литературу.

Переводческая деятельность И. И. Эрака способствовала совершенствованию его поэтического мастерства. Первые его произведения, написанные языком, близким к османско-турецкому языку XVII и XVIII веков и книжному языку современных ему крымских татар, изобиловали архаизмами и были непонятны широкому читателю. Стихотворения и эпиграммы последних лет его творчества, как отмечает С. М. Шапшал, написаны «простым, красивым народным языком и сильно напоминают османские „мани“, этот простейший и наикрасивейший вид старинной турецкой народной песни»²⁹.

²⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. VII. Наречие Крымского полуострова. СПб., 1896. См. интересную рецензию на этот том А. Н. Самойловича. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов. — «Записки Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы». Симферополь, 1916, т. VI, стр. 1—7.

²⁶ В. В. Радлов. Образцы..., стр. XVII.

²⁷ О соотношениях русского и тюркского размеров стиха смотрите статью: С. Н. Иванов. О переводах произведений Пушкина на узбекский язык (Заметки по сопоставительной поэтике). — «Русская литература», 1973, № 3, стр. 98.

²⁸ (С. М. Шапшал). Переводы И. И. Эрака..., стр. 2. Сравните отрицательную характеристику переводов И. И. Эрака, данную В. В. Г. (Григорьевым) в статье «Русские стихотворцы в турецких переводах (Заметки по поводу Пушкинского юбилея)». — Газ. «Берег», 1880, 11 (22) июля, № 107, стр. 1.

²⁹ (С. М. Шапшал). Переводы И. И. Эрака..., стр. 2.

ОНОМАСТИКА

Э. М. МУРЗАЕВ

ДВА ТОПОНИМИЧЕСКИХ СЮЖЕТА¹

В географической терминологии Азербайджана отмечается слово *домба, томба, тумб* 'холм', которое оказалось продуктивным в процессе номинации населенных мест и орографических объектов: гора и сел. Каравултомба, сел. Домбабина, сел. Парава-тумб². Древнетюркский словарь не фиксирует этого термина, но прозрачные параллели легко обнаруживаются в среднеазиатских тюркских языках. У В. В. Радлова читаем: *төмпөк* 'неровный, холмистый' (чагатайск.), *төмпө* 'кочки на болотах, лугах' (казах.)³. К этому следует добавить узбек. *дўмбоқ* 'желвак, шишка, бугорок, выпуклость' и киргиз. *дөмпөк* 'горка, бугор'.

Наличие в армян. *тумб* 'бугор, насыпь, курган' и в персид. *томп, томб, том, тум* 'холм, гора'⁴ наводит на мысль о заимствовании этого слова тюркскими языками из иранских. Но на таком предположении нельзя настаивать, этот же географический термин встречается и в угорских языках *тумп* 'отдельная гора, остров, лесной участок округлой формы', *томп* 'холм' у манси и *domb* 'холм' в венгерском⁵. В мансийской географической терминологии слово *тумп, томп* также обладает большой активностью в образовании орографической номенклатуры: «*тумп* 'остров'. Этот термин часто встречается в названиях мансийских островов и урочищ: остров Яныгтумп (*яныг* 'большой, великий, славный'), остров и гора Маньтумп (*мань* 'малый'), остров Ворпаультумп (*вор* 'лес'; *пауль* 'деревня, поселок'), ур. Хальтумп (*халь* 'береза'), острова Луй-Паультумп (*луй* 'нижний')»⁶.

В многотомном географическом описании России его авторы еще до революции отметили продуктивность лексемы *тумп* в оронимии Северного Урала. «Тумпом вогулы называют отдельную гору с обнаженной вершиной», что иллюстрируется собственными именами: Таыт-Тумп, Улянт-Тумп, Тумп-Янг, Ауспи-Тумп, Туна-Тумп, Тумпчахль и др.⁷.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции по тюркской лексикографии в Институте языкознания Академии наук СССР 19 марта 1975 года.

² Е. Н. Бушueva. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. М., 1971, стр. 67.

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3. СПб., 1905, стр. 1274.

⁴ В. И. Савина. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971, стр. 213.

⁵ «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков». М., 1974, стр. 435.

⁶ Л. И. Розова. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в мансийских, хантыйских и селькупских топонимах. М., 1973, стр. 46.

⁷ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914, стр. 13 и «Орографическая схема Северного Урала в пределах Пермского края».

Персидское и армянское *томб*, *тумб* позволяет сравнить интересующий нас термин с соответствующими лексемами в индоевропейских языках. Такие параллели легко обнаруживаются в античных источниках: греческое *tumbos* 'курган, холм', латинское *tumulus* 'возвышение, бугор, холм, курган, могильная насыпь'. В современных романских и германских языках находим: франц. *tumulus* 'холм', истор. 'курган', *tombe* 'могила, надгробие'; итал. *tomba* 'могила'; румын. *tumul* 'курган', немец. *Tumbe* 'могила, яма, пещера', англ. *tumulus* 'могильный холм, курган'⁸. В славянских языках: русск. и болг. *тумба* 'придорожный столб, подставка, круглое сооружение для афиш', *тумбочка* 'прикроватный столик-шкафчик'.

Авторы русских этимологических словарей считают русское *тумба* сравнительно поздним заимствованием из немецкого.

Как видно из приведенного ряда, географический термин *томба*, *тумп*, *домба* образует широкое семантическое поле и может характеризовать различные формы рельефа: возвышенность — курган, холм, бугор; впадины — яма, пещера. Вряд ли можно сомневаться в принадлежности всех приведенных значений к одному семантическому ряду. Чем объяснить наличие этого термина в разных языковых семьях, генетически как будто далеких друг от друга? Возможно, что присутствие данного слова в тюркских, угорских, индоевропейских языках объясняется процессами заимствования на больших пространствах Евразии, не исключено также объяснение с точки зрения ностратической теории.

Приведенные материалы показывают, что, помимо упомянутых азербайджанских и мансийских собственных географических названий, имеется достаточно оснований для включения в тот же топонимический ряд еще многих аналогичных имен. В упоминавшемся словаре В. И. Савиной приведено двадцать шесть наименований географических объектов Ирана, сформированных с участием слова *томп*, *томб*, *том*, *тум*. Среди них — названия двух островов, лежащих у входа в Персидский залив: Томбе-Бозорг и Томбе-Кучек, то есть Большой и Малый Томб.

Дополним этот перечень европейскими топонимами: город Томба в Венгрии на запад от Сегеда, Тумба в западной части Греции и, видимо, город Томба близ Вероны на севере Италии. Можно предположить также, что названия этого ряда были перенесены европейскими колонистами — англичанами, французами, испанцами в Америку и Австралию.

* * *

Общепринятой является этимология названия Иссык-Куль 'горячее озеро' в Киргизии; киргизское слово *ысык* означает «горячий, жарко, жар». Некоторые авторы, в частности В. В. Бартольд, предпочитают переводить Иссык-Куль как «теплое озеро»⁹. Зимние температуры верхнего слоя воды озера колеблются в пределах 2,7—3,0°, летние — поднимаются до 20°, а в мелководных заливах летом вода прогревается до 23°. Абсолютная высота зеркала воды 1609 м. Озеро умеряет летнюю жару, обычную для равнин Средней Азии. Называют же его теплым, потому что оно зимой не замерзает. Действительно, в зимнее время оно свободно ото льда, только в бухтах можно наблюдать льдистый панцирь. Эта удивительная особенность Иссык-Куля в условиях холодной зимы, каза-

⁸ Интересно отметить, что четырехязычный румынский словарь геоморфологической терминологии дает однозначный ряд: румын. *tumul*, франц. *tumulus*, немец. *Tumulus*, англ. *tumulus*, русск. *курган* (V. Bascaune I. Donisa, I. Harjoaba, *Dictionar Geomorfologic*. Bucaresti, 1974, стр. 188).

⁹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. 3. Статьи из «Энциклопедии Ислама». М., 1965, стр. 437.

лось бы, и в самом деле может как-то объяснить семантику топонима, однако зимний температурный режим озерной воды не оправдывает такого названия.

Поверхность озера Иссык-Куль не замерзает по двум причинам: а) вода в озере солоноватая (6°/00, то есть в литре содержится 6 граммов солей, что по сравнению с океанской водой (33°/00) немного. Но и этого достаточно, чтобы затруднить процессы замерзания. Не случайно древние тюрки называли озеро *Тузкель* 'соленое озеро'; б) сильные ветры, господствующие в Иссык-Кульской котловине, постоянно перемещают водные массы, препятствуя замерзанию озера.

Таким образом, общепринятую этимологию, не отвечающую географической реалии, нельзя признать удовлетворительной.

Данное положение заставило топонимистов искать новые объяснения происхождения гидронима. Киргизский лингвист Д. Исаев предложил исходить из второго, переносного значения слова *иссык* 'симпатичный, приятный, милый'¹⁰. Действительно, это слово употребляется в значениях: «любимый, предпочитаемый, близкий сердцу, привлекательный, хороший, интересный, милый, приятный, красивый, прекрасный»¹¹.

Казалось бы, найдена приемлемая этимология. Панорама озера очень живописна: оно расположено в кольце снежных вершин Терскея и Кунгея. Тем не менее и эта версия не убедительна.

Топонимическая лексика весьма специфична и в какой-то мере ограничена. Бесконечно повторяются в разных языковых средах слова с одними и теми же значениями, обязателен набор прилагательных — цветных, а также указывающих на положение: верхний, нижний, средний, южный; набор народных географических терминов: холм, гора, река, озеро и т. д. В этом перечне прилагательные со значением «симпатичный, приятный, любимый» не находят места. Подобные значения не характерны для топонимии, в том числе и для тюркской.

Этимология Иссык-Куля побудила нас (вместе с киргизским ученым Садыбакасом Умурзаковым) искать такое объяснение названия Иссык-Куль, которое, соответствуя географическим и другим реалиям, не выходило бы за рамки топонимической лексики¹².

В чем сущность нашей версии? У В. В. Радлова читаем: *ызык* 'посвященный богу, жертва'; *ызык таг* 'жертвенная гора'; *ыдык, ыдук, ыйык* 'посланная от бога судьба, счастливый, благословенный, благодатный, выбранный, назначенный, посвященный для жертвы'; *ыйук-ту* 'священная гора'¹³. К этому добавим якутское *ытык* 'почитаемый, уважаемый, святой, священный, жертва'. Отсюда топонимы в Якутии Ытык-Кюель, река Ытык-Тит, поселки Ытык-Бае, Ытых-Хатынг¹⁴. Тувинское *идык* 'священный, святой', то же самое означает и хакасское *ызык*. Ряд значений имеет алтайское *ыйык*: 1) мифологическое: «духи рек, гор, долин», 2) «фетиш, предмет поклонения, почитания» (например, гора, дерево, животное, принесенное в жертву); 3) «священный, приносящий счастье»¹⁵.

¹⁰ См.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 939.

¹¹ Д. Исаев. Топонимика Северной Киргизии. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1972, стр. 7.

¹² Э. М. Мурзаев, С. У. Умурзаков. Гидронимы Иссык-Куль и Байкал. — «Известия АН СССР. Серия географическая», 1974, вып. 6, стр. 92—95.

¹³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. СПб., 1893, стр. 1381—1383 и 1397.

¹⁴ Ф. К. Комаров. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964, стр. 120.

¹⁵ Н. А. Баскаков и Т. А. Тоцакова. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 187.

Нет необходимости приводить здесь иные формы этого слова из других тюркских языков, так как с достаточной полнотой это уже сделано Э. В. Севортыном¹⁶. В более древних тюркских текстах «*ыдук*» выступает в значении „священный”¹⁷.

О почитании древними тюрками гор, рек, озер свидетельствуют многие источники. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло указывает, что малочисленный тюркоязычный народ хотон, живущий на берегах озера Убсу-Нур в Западной Монголии, чтит «гения покровителя их кочевий, владыку земельных и водных угодий их родины, называемого ими по-турецки (то есть по-тюркски. — Э. М.) *Йерсув* (земля — вода) именем, которое упоминается и в орхонских надписях»¹⁸. Божество это известно и у других тюркоязычных народов, в частности у киргизов, они его называют тем же именем, но уже в ином фонетическом оформлении *Жер-суу*.

Интересные данные об этом культе содержатся в работе И. В. Стеблевой, где показано, что священная земля — вода *Yduq jār sub* относится к третьему уровню в мифологической системе древних тюрков, после Тенгри (небо и бог) и Умай (богиня плодородия, женское начало, низ). Словосочетание *йер-су* отождествляется с понятием Родины, местом «исконного обитания того или иного тюркского народа»¹⁹.

Культовые географические названия известны во всех топонимических системах. Обильно представлены они и у народов Средней и Центральной Азии.

Озеро Иссык-Куль почитается местными киргизами. Еще недавно считалось грехом купаться в его водах, загрязнять их, ловить рыбу. Старики неодобрительно относятся и к курортному строительству на берегах Иссык-Куля.

Почитаются озеро и в Монголии, где топонимия пестрит такими названиями, как Сангийн-Далайнур «заповедное, святое озеро», несколько раз повторяется гидроним Далай-Нур «святое, священное озеро». К имени самого глубокого в Монгольской Народной Республике озера Хубсугул нередко прибавляется слово *далай*. Поэтому можно считать, что существующее название киргизского озера Иссык-Куль «горячее озеро» — результат народной этимологии. Исходное значение этого гидронима «святое, священное озеро» было связано с приведенным выше рядом тюркских слов *ыдук*, *ызых*. В таком случае оно оказывается в одном топонимическом ряду с подобными названиями: Изык-Чуль — железнодорожная станция близ Ачинска в Сибири; гора Изых в Батеневском крае в Хакасской автономной области; гора Ызых в Западном Саяне, сел. Изыхские копи в Хакасии. Все эти топонимы связаны с местами обитания тюркоязычных народов.

Можно предвидеть три возражения против предложенной этимологии:

1. Иссык-Куль находится в одном ряду с наименованиями двух озер Иссык — в Заилийском Алатау и в Казахстане. Однако, как показали казахские топонимисты, этимология названий этих озер иная: Иссык — озеро, река, город — происходит от *есик* (*esik*) «ущелье», буквально «дверь»²⁰. Название оз. Есикти (Иссык) восходит к *есик* «дверь»; ущелье

¹⁶ Э. В. Севортыан. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, стр. 649—650.

¹⁷ Там же, стр. 649.

¹⁸ «Западная Монголия и Урянхайский край», т. 3, вып. I. Л., 1929, стр. 281.

¹⁹ И. В. Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник». М., 1972, стр. 215—216.

²⁰ Г. К. Конкашпаев. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963, стр. 39.

Есиктинин сайы; Есик — урочища в Восточно-Казахстанской и Талды-Курганской областях «от казах. (букв.:) «дверь» со значением «узкое, тесное (место)»²¹.

Таким образом, оба названия принадлежат к другому топонимическому ряду, ни лексически, ни семантически не связанному с наименованием Иссык-Куль.

2. Иссык-Куль известен в китайской географии под именем Жэхай, то есть опять же «горячее озеро». Китайское название озера Жэхай следует считать смысловой калькой тюркского Иссык-Куль, подобно названию Тянь-Шань 'небесные горы', возникшему из тюркского Тенгритар (ср. Хантенгри — вторая по высоте вершина Тянь-Шаня). Китайские географические названия часто представляют собой такого рода кальки. Так, например, Алтай в китайской географии — Цзиньшань, где *цзинь* 'золото'; река Каракаш 'черный нефрит', в китайской географии — *мойюй* 'черный как) тушь нефрит' и т. д.

3. Как можно оправдать переход *ызых* в *исык* когда в киргизском есть свой эквивалент — *ыйык*? По всей вероятности, озеро Иссык-Куль именовалось Изых (Ызык)-Кулем до заселения Тянь-Шаня киргизами, появившимися здесь сравнительно поздно. Впрочем, о времени появления киргизов в Средней Азии нет единого мнения. Вполне возможно, что форма *изык* досталась киргизам в наследство от их предшественников — древних тюрков, языку которых было присуще зокание. Известно, что в киргизском языке звук *з* мало продуктивен и употребляется главным образом в заимствованных иранских, арабских и отчасти русских словах.

²¹ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 86—87.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. БАСКАКОВ

ПРОЕКТ ЕДИНОЙ УНИФИЦИРОВАННОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ ДЛЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НА ЛАТИНСКОЙ И РУССКОЙ ОСНОВАХ

Типологические и сравнительно-исторические исследования по тюркским языкам требуют установления единой для всех тюркских языков транскрипции, отражающей все реализующиеся в тюркских языках варианты основных типов гласных и согласных.

Предлагаемый ниже проект транскрипции на латинской и русской основах базируется, с одной стороны, на международном фонетическом алфавите и на традиционной транскрипции, принятой большинством советских и зарубежных тюркологов, а с другой — на существующих алфавитах тюркских языков (русская графика). Транскрипционные основные знаки и диакритика учитывают специфику фонетических систем всех тюркских языков. Приведенные знаки транскрипции отражают все основные типы звуков, встречающиеся в тюркских языках, качественные же и количественные их модификации передаются соответствующей диакритикой.

В таблицах 1 и 2 приведены знаки для гласных и согласных звуков, наиболее характерных для различных тюркских языков; редко встречающиеся звуковые оттенки отражения в таблицах не нашли, но они учитываются соответствующей системой диакритических знаков, уточняющих тот или иной знак, выражающий основной тип звука.

Данный окончательный вид проект единой унифицированной транскрипции принял после его неоднократных публикаций и обсуждений, по результатам которых в него, начиная с 1957 года, вносились соответствующие исправления и дополнения. Проект апробировался Сектором тюркских языков и Транскрипционной комиссией Института языкознания Академии наук СССР¹, Вторым Региональным совещанием по диалектологии тюркских языков в Казани², XI Тюркологической конференцией в Анкаре³ и Всесоюзной тюркологической конференцией в Алма-Ате⁴. В журнале «Советская тюркология» проект публикуется по решению I Пленума Советского Комитета тюркологов для обсуждения перед его утверждением.

¹ «О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков». — Издание Института языкознания Академии наук СССР, Москва, 1959.

² «О проекте единой фонетической транскрипции...» — В сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960.

³ «Türk dilleri fonetik transkripsyonu üzerine. XI Türk dil kurultayında okunan bilimsel bildirilerden biri», Ankara, 1968.

⁴ «О единой унифицированной фонетической транскрипции для тюркских языков», Алма-Ата, 1976.

Таблица 1

Знаки транскрипции для основных типов гласных звуков

На латинской основе				На русской основе			
Широкие		Узкие		Широкие		Узкие	
негубные	губные	негуб- ные	губные	негуб- ные	губные	негуб- ные	губные
Задние	а	о	у, ʊ	ц, ɥ	а	о	ы, ɤ у, ʊ
Перед- ние	е, æ, ɛ	ө	і, ɪ	ӱ, ɨ	э, ə, ɛ	ө	и, ɪ ү, ʏ

Диакритические знаки

o	— лабиализация,	l:	— полудолгота,
·	— закрытость,	l:	— долгота,
∪	— открытость,	l ^ɤ _h	— степень фарингализации,
∨	— более задний ряд,	ː	— сильное ударение,
^	— более передний ряд,	˘	— слабое ударение,
ɪ	— краткость,	уа, ыа	— дифтонги,
ɨ	— назализация,	ie, иэ	— дифтонгоиды.

Примеры

Азербайджанск.	Казахск.	Татарск.	Перевод
bal бал	bal бал	bâl bâл	‘мёд’
g’âl- г’эл-	kel кел-	kîl- кил-	‘приходить’
qol гол	qol қол	qu! қул	‘рука’
g’öl г’өл	köl көл	kül күл	‘озеро’
qyz гыз	qŷz қыз	qŷz қыз	‘девушкз’
dil дил	tîl тіл	tîl тіл	‘язык’
gul гул	qŷl құл	qŷl құл	‘раб’
g’ül г’ул	kül күл	kül күл	‘пепел’

Знаки транскрипции для основных типов согласных звуков

Способ образования		Место образования	Лабials-ные		Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Глоттальные
			лабиолабиальные	лабиодентальные	дорсальные	апикальные	какуминальные				
Шумные	смычные	Чистые	p, b п, б		t, d т, д				k, g к, г	q, q̣ к̣, г̣	ʔ ,
					c, ɟ ц, дз	č, ʒ ч, ж					
	проточные	Однофокусные	f, w ф, в	f, v ф, в	s, z с, з	θ, ð θ, ð		j й		x, χ х, ф	h х
					ʃ, ʒ ш, ж	ʃ̣, ʒ̣ ш̣, ж̣					
Сонорные		Двухфокусные			ɬ, ɮ ш̣, ж̣	ɬ̣, ɮ̣ ш̣̣, ж̣̣					
Сонорные		Носовые	m м		n н			ɲ нь	ŋ н̣	ɴ н̣	
						l л					
							ɾ р			ʀ р̣	

Диакритика для согласных

o	— лабиализация	^h	— гортанная смычка
~	— назализация	^ʰ	— палатализация
√	— звонкость	⁽	— аспирация (придыхание)
Λ	— глухость	^h	— фарингализация

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Т. АХМАТОВ

РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важных фонетических особенностей современного киргизского литературного языка является редукция безударных гласных.

До настоящего времени редукция гласных звуков в киргизском литературном языке изучалась только слуховым методом, и полученные данные никогда не подкреплялись экспериментальными исследованиями. Отсутствие всестороннего исследования редукции безударных гласных как в качественном, так и в количественном отношении привело к необходимости проведения тщательного экспериментального изучения этого явления.

В данной статье рассматривается редукция безударных узких и широких гласных в киргизском языке, степени этой редукции, а также процесс выпадения безударных узких гласных в словах двусложных и с большим числом слогов. Все эти явления детально изучались на основе кимографических, осциллографических и спектральных данных, позволивших нам внести определенную ясность в сущность процесса количественной редукции узких и широких безударных гласных звуков и их выпадения.

Вопрос о количественной редукции в безударных слогах связан с динамическим ударением. Так, А. А. Реформатский отмечал, что «экспираторное ударение может быть причиной редукции»¹.

Действительно, между редукцией безударных гласных и динамическим ударением существует закономерная взаимосвязь. Если язык имеет динамическое ударение, то редукция носит универсальный характер.

Как известно, ударный слог в отличие от неударных всегда произносится четко и качественно определенно. Поэтому ударный гласный артикулируется более интенсивно, отличаясь от других гласных большей звуковой насыщенностью и продолжительностью.

Безударные же гласные произносятся при слабом мускульном напряжении речевых органов и обладают меньшей энергией артикуляции, поэтому они звучат гораздо слабее и в значительной степени теряют выразительность и чистоту тембра.

Степень ударности в киргизском языке выражена неярко, и разница между ударными и безударными гласными выражена слабо. Поэтому в современном киргизском литературном языке безударные гласные подвергаются лишь количественной редукции, присущей также многим

¹ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 161.

тюркским языкам, в частности уйгурскому, казахскому, якутскому, тувинскому, каракалпакскому, хакасскому, татарскому и др.

Экспериментальные исследования подтверждают, что ударные гласные в киргизском, также как и в других тюркских языках, всегда имеют несколько большую длительность и произносятся с большей интенсивностью, нежели безударные, и редукция безударных гласных проявляется только в количественном отношении. Качественная редукция безударных гласных не свойственна киргизскому языку, так как напряжение артикулирующих органов не спадает.

Динамическое ударение одновременно с выделением ударного гласного ослабляет безударные, которые в связи с этим утрачивают свою яркость и длительность, что иногда приводит к их полному выпадению.

По определению Л. В. Щербы, редукция проявляется в уменьшении напряженности и интенсивности звука, что является, несомненно, следствием безударности². Подобное проявление редукции наблюдается и в русском языке.

В современном киргизском литературном языке, также как и в других тюркских языках, редукция гласных связана с динамическим ударением. Редукция гласных в киргизском языке носит количественный характер и проявляется в уменьшении их интенсивности, то есть относительно ослаблении фонемы.

В современном киргизском языке, как и в большинстве других тюркских языков, узкие гласные более чувствительны к ударению и влиянию фонетического окружения, поэтому характеризуются неустойчивостью и подверженностью количественной редукции в соответствующих фонетических условиях. Это подтверждается и проведенным нами спектрографическим анализом. Существующее мнение о том, что в тюркских языках под влиянием ударения не происходит перехода одного гласного в другой, то есть для тюркских языков качественная редукция не характерна³, подтверждается и нашими данными.

Как известно, качество того или иного звука зависит от его формантов или содержащихся в нем обертонов. Для измерения формантов нами использовался спектрометр звуковых частот типа СЗЧ. Гласные звуки исследовались под ударением и в безударном положении. Это позволило сопоставить их форманты и выявить наличие изменений в ударном и безударном положениях.

Полученные нами спектральные данные свидетельствуют о том, что безударные гласные в киргизском языке, также как в якутском, чувашском, узбекском, казахском, каракалпакском и других тюркских языках, качественно не изменяются⁴.

Для установления формантного состава анализу подвергались слова односложные, двусложные и с большим количеством слогов, с гласными под ударением и в безударном положении.

На основании исследования спектрограмм гласных звуков можно выделить в современном киргизском языке следующие характерные усиливающиеся частотные области и форманты:

² Л. В. Щерба. Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912, стр. 104.

³ Ф. А. Кязимов. Система гласных фонем азербайджанского языка. — «Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы», I, XI, 1952, вып. 4, стр. 303.

⁴ А. Махмудов. Ударение узбекского языка. Ташкент, 1960, стр. 40—41; Е. Н. Степанов. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким. — «Ученые записки I Московского Государственного педагогического института иностранных языков», т. VIII, 1954, стр. 86—90; Н. Д. Дьячковский. Вокализм якутского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 14—16.

Таблица 1

Гласные	Частотные	Области формантов	
а	508	806—1264	4060—8130
е	380—560	1800—2500	3120—4560
і	250—320	453—640	4560—5750
у	560	760—1264	3960—7230
о	570—800	960—1800	1860—2880
и	600	960—1300	4120—7230
ӱ	320—450	1100—1860	2500—3120
ӧ	400—600	1500—1780	1812—2870

Как видно из сравнения спектрограмм, гласные звуки как под ударением, так и в безударном положении имеют совершенно одинаковые частотные области усиления. Однако в безударном положении интенсивность гласных звуков значительно уменьшается.

При сравнении спектров ударного и безударного гласных двух-, трехсложных слов наблюдается аналогичная картина.

Таким образом, как показывает спектральный анализ, гласные киргизского литературного языка не изменяют своих формантов, независимо от того, находятся ли они под ударением или в безударном положении. На этом основании закономерно сделать вывод, что безударный гласный не подвергается качественной редукции. Этим редукция безударных гласных исследуемого языка принципиально отличается, например, от редукции гласных русского языка.

Основным условием редукции гласных является их безударное положение в слове.

В работах У. Байчуры, А. Махмудова, П. Барашкова, А. Кунаа и др.⁵ высказывается мнение, что в тюркских языках степень редукции гласных зависит от характера сочетающихся согласных, качества гласного, типа слога, темпа речи и места гласного в слове относительно ударного слога.

В целях проверки традиционного представления о различных степенях редукции гласного нами был проведен осциллографический анализ, позволивший сделать нижеследующие выводы.

1. Степень редукции безударных гласных действительно зависит от качества самих гласных звуков. Поэтому при прочих равных условиях в киргизском литературном языке, как и в других тюркских языках, безударные узкие гласные в большей мере подвержены количественной редукции, нежели широкие.

2. На степень редукции гласных звуков оказывает влияние характер предшествующих согласных. Между сильными глухими согласными гласные подвергаются большей редукции, нежели в окружении слабых (звонких) и сверхслабых (сонорных) согласных.

⁵ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. I. Казань, 1959, стр. 51, 95, 99; А. Махмудов. Указ. раб., стр. 21, 24; П. П. Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953, стр. 70; Н. Дьячковский. Указ. раб., стр. 15—17.

Сопоставительная характеристика редукции гласных, находящихся между сильными, слабыми и сверхслабыми согласными приведена в таблице 2⁶:

Таблица 2

Гласные	Позиция гласного		
	между сильными согласными	между слабыми согласными	между сверхслабыми согласными
а	17,1—23,7 (35)	18,03—26,1 (40)	20,3—26,3 (37)
е	16,2—22,8 (36)	18,1 —25,0 (39)	20,0—25,1 (39)
о	15,1—21,8 (40)	18,0 —25,9 (40)	20,2—26,2 (42)
ö	15,0—21,3 (42)	17,7 —24,9 (42)	19,9—25,3 (42)
и	13,2—19,1 (35)	14,1 —29,1 (54)	17,1—22,2 (48)
ü	12,1—20,3 (40)	13,0 —28,0 (32)	16,8—22,1 (49)
у	11,1—28,1 (30)	10,8 —26,0 (60)	17,1—27,0 (95)
і	10,0—26,2 (25)	9,2 —14,0 (54)	11,3—16,0 (45)

Эти данные дают наглядное представление о степени редукции безударных гласных в окружении качественно различных согласных. В отличие от других тюркских языков в киргизском литературном языке безударные гласные в окружении сильных смычных согласных подвергаются большей редукции, чем в окружении сильных щелевых согласных. Как видно из таблицы, перед сверхслабым согласным безударные гласные подвергаются значительно меньшей редукции, нежели в окружении сильных глухих согласных.

3. Редукция гласных находится в зависимости от типа слога. Обратимся к таблице 3.

Таблица 3

Степень редукции гласных в открытых и закрытых слогах

Гласные	Закрытые слоги	Открытые слоги
а	18,2—24,5 (40)	20,5—26,2 (37)
е	17,9—23,8 (40)	20,1—25,2 (39)
о	16,2—21,5 (40)	20,2—26,1 (42)
ö	16,1—21,5 (35)	19,9—25,3 (42)
и	12,1—17,2 (30)	16,5—22,2 (48)
ü	10,0—10,1 (35)	15,1—20,1 (49)
у	9,8—19,6 (30)	11,2—19,3 (95)
і	8,9—14,5 (35)	10,8—16,4 (45)

⁶ Первая цифра показывает редукцию, вторая — полную длительность, третья — число измерений.

Как явствует из таблицы, безударные гласные слогов типа СГС, ГС редуцируются в большей степени, нежели в слогах типа СГ, Г.

4. Безударный гласный внутри слова в адекватном фонетическом положении подвергается количественной редукции в большей степени, нежели в абсолютном начале слова (таблица 4).

Таблица 4

**Сопоставительная характеристика редукции гласных внутри
и в абсолютном начале слова**

Гласные	Внутри слова	В абсолютном начале слова
а	20,3—26,3 (40)	18,3—26,2 (32)
е	20,0—25,0 (42)	18,0—25,1 (35)
о	20,2—26,1 (40)	17,5—25,2 (30)
õ	19,9—25,3 (42)	17,6—25,8 (35)
и	17,1—22,3 (42)	14,2—20,1 (30)
ũ	16,8—21,2 (35)	13,1—18,5 (40)
у	14,1—17,0 (35)	12,5—18,3 (40)
і	13,1—1—16 (38)	11,3—14,2 (40)

Из данных, приведенных в таблице 4, следует вывод, что степень редукции безударных гласных зависит от их позиции в слове.

5. С увеличением количества слогов в слове степень количественной редукции безударных гласных повышается. При этом узкие гласные редуцируются сильнее широких. Сокращение длительности безударных гласных распространяется и на ударные гласные. Эта закономерность иллюстрируется данными таблицы 5.

Таблица 5

Длительность ударных и безударных гласных

Гласные	Под ударением	Безударные
а	25,9—26,3	23,4—25,2
е	24,8—25,1	22,9—23,1
о	25,1—26,1	21,8—22,8
õ	23,9—25,1	20,5—21,5
и	22,9—24,2	14,5—16,3
ũ	20,1—21,1	14,1—16,1
у	16,8—17,0	10,1—11,5
і	15,9—16,1	9,7—10,1

Как видно из таблицы, безударные гласные в многосложных словах подвергаются большей редукции и даже в позиции перед сверхслабыми согласными. Между сильными глухими согласными безударные гласные,

особенно узкие, не только редуцируются, но и нередко оглушаются. Здесь следует отметить, что оглушение гласных может происходить и в ударном слоге. Поэтому данное явление нельзя отнести в полном смысле слова к редукции гласных. В многосложных словах безударные гласные, в особенности узкие, расположенные между двумя сильными глухими согласными, испытывают сильную редукцию с оглушением, однако полного выпадения гласных не происходит.

6. Степень редукции гласных в безударном слоге в большой степени зависит от позиции гласного звука относительно ударного слога. В киргизском языке, как и в других тюркских языках, ударение в большинстве случаев падает на последний слог, и поэтому редуцируются предударные гласные, а именно первый гласный в предударном слоге (см. таблицу 6).

Таблица 6

Длительность предударных и ударных гласных в трехсложных словах

Гласные	Под ударением	Предударные	Первый неударный гласный
а	228	122,5—202,9	118,5—129,8
е	258	94—188,2	92,4—127,9
о	200	98—198,5	93,5—128,5
ö	207	81—186,1	80,0—126,7
и	206	91—162,2	78,1—118,2
ü	194	77—154,1	75,0—114,7
у	189,3	76—148,2	70,2—118,8
і	184	68—134,3	65,1—109,1

В данном фонетическом положении предударные гласные претерпевают значительные изменения. Как видно из приведенных примеров, иногда безударные гласные полностью выпадают. Это явление распространяется на все слова киргизского языка от двусложных до многосложных.

7. На степень редукции безударного гласного влияет тип ударного слога. Если ударение падает на открытый слог, то безударный слог редуцируется больше, чем при соседстве с ударным закрытым слогом. Такое положение наблюдается в татарском, казахском, якутском, каракалпакском и других тюркских языках.

8. Наконец, степень редукции гласных зависит от качества ударного гласного, то есть от того, является ли он узким или широким. При широком ударном гласном безударный узкий гласный редуцируется больше. При узком ударном гласном широкий безударный гласный редуцируется относительно меньше.

При быстром темпе речи редукция безударных гласных значительно возрастает. При нормальном темпе речи гласные редуцируются в меньшей степени.

На основе экспериментально-фонетических данных, полученных путем акустического измерения, можно прийти к заключению, что явление редукции гласных в киргизском литературном языке, как и в других тюркских языках, связано с ударением. Однако, как уже ука-

зывалось выше, степень редукции зависит от различных фонетических условий, причем все они проявляются во взаимосвязи, а не изолированно.

Узкие гласные в безударной позиции редуцируются в различной степени, вплоть до полного выпадения. При этом большое значение имеют позиционно-комбинационные и ассимилятивные фонетические факторы. Широкие гласные в безударной позиции, подвергаясь той или иной степени редукции, не выпадают полностью. Таким образом, можно заключить, что широкие безударные гласные произносятся сравнительно яснее узких.

Длительность звука, его силу нельзя рассматривать изолированно. Принцип диалектической взаимосвязи силы и длительности звука и был положен нами в основу проведенного исследования.

М. М. КОСТЯКОВ

НЕКОТОРЫЕ ТЮРКСКО-КЕТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБЛАСТИ ГИПОТАКСИСА

Сравнительно-историческое изучение тюркских языков настоятельно требует от тюркологов привлечения соответствующих материалов языков других групп и типов. В последние годы этому вопросу исследователями придается особое значение.

«В настоящее время, когда почти безоговорочно признается, что приемы историко-сопоставительного анализа должны дополняться сопоставительно-типологическим исследованием, нельзя сводить работу тюркологов, монголистов, финно-угроведов лишь к тому, чтобы они могли только „обрабатывать главным образом их собственные поля“, как призывал в 1904 г. П. М. Мелиоранский. Выход за пределы тюркской языковой группы при сравнительно-историческом ее изучении позволяет обнаруживать в языках других типов все большее число грамматических явлений, по ряду признаков совпадающих или схожих»¹.

В последнее время таким «выходом за пределы тюркской языковой группы» все чаще является материал кетского языка, изучению которого посвятил многие годы А. П. Дульзон. Ему удалось разгадать основные структурные принципы этого своеобразного языка, которые он подробно изложил в своей монографии «Кетский язык», удостоенной Государственной премии².

А. П. Дульзоном немало сделано и в области тюркологии, поэтому вопрос о связях енисейских языков с тюркскими и другими алтайскими языками³ поставлен им не случайно.

В своих работах, посвященных связям тюркских языков с енисейскими, А. П. Дульзон приходит к выводу о существовании генетических связей между ними, хотя это мнение разделяется далеко не всеми тюркологами. Так, например, Г. Ф. Благова считает, что «постулирование на основе современного языкового материала характера „языковой общности“ „во времена становления речи „хомо сапиенс“, или, иначе говоря, на „охотничье-пастушеской стадии хозяйства и первобытнообщинного строя“ представляется малоубедительным. Касаясь в целом этих

¹ Г. Ф. Благова. О приеме типологической верификации при сравнительно-историческом изучении тюркской грамматики. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 25.

² А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968.

³ А. П. Дульзон. О связях енисейских языков с тюркскими. Тюркологическая конференция. Тезисы докладов. Баку, 1966, стр. 12—13; *его же*. Кетско-тюркские параллели в области склонения. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 20—26; *его же*. Падежные формы тюркских глагольных имен в функции предиката. — «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 142—147 и др.

генетических гипотез, заметим, что только фронтальное (но никак не выборочное!) обследование грамматики соответствующих языков позволит решить вопрос, можно ли использовать устанавливаемые параллелизмы структурно-типологического характера в качестве ориентира для историко-генетических исследований»⁴.

И все же, обращаясь к материалу языков иных систем, исследователь может обнаруживать в них структурно-типологические параллели с грамматическими явлениями в тюркских языках, что в свою очередь способствует более углубленному всестороннему пониманию и истолкованию этих явлений, более четкому выделению в них самых существенных черт, а также выработке единообразной терминологии для типологически сходных фактов в различных языках.

Цель настоящей статьи — установление некоторых структурно-типологических параллелей в тюркских и кетском языках в области гипотаксиса. Автор полагает, что ознакомление читателя-тюрколога с этими фактами будет небезынтересным для него.

Изучение кетского синтаксиса тормозилось недостаточностью текстового материала. За последние годы в результате планомерно проводившихся экспедиций под руководством А. П. Дульзона в места проживания кетов, а также публикаций материалов Е. А. Крайновича и экспедиции имени А. Кастрена, в которую входили такие известные лингвисты, как Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский, В. Н. Топоров и другие, материалы по кетскому языку были основательно пополнены. Появились также работы, посвященные отдельным вопросам кетского синтаксиса⁵. Уже при первых попытках исследования кетского сложноподчиненного предложения были обнаружены в кетском языке некоторые типологические параллели с тюркскими языками.

Известно, что именно проблема сложноподчиненного предложения является одной из спорных в тюркологии. Несмотря на проведение в сентябре 1956 года в Алма-Ате⁶ специального совещания тюркологов, посвященного обсуждению этой проблемы, выработать единую точку зрения не удалось. Как отмечает Н. А. Баскаков, в настоящее время «существуют три основные точки зрения и три концепции в отношении данной проблемы»⁷, сводящиеся к следующим:

- 1) все причастные, деепричастные, инфинитивные, масдарные обороты являются придаточными предложениями;
- 2) придаточными предложениями являются только те обороты, которые имеют отдельный субъект и сказуемое в спрягаемой форме;
- 3) все причастные, деепричастные, инфинитивные, масдарные обороты не являются придаточными предложениями.

Приведем два высказывания по данному вопросу:

«Эти „обороты“ имеют внутри себя и подлежащее, и сказуемое, и другие зависимые от них слова... Да как же после этого их можно назы-

⁴ Г. Ф. Благова. Указ. раб., стр. 25, примечание 2.

⁵ М. Н. Валл. О случаях оформления аффиксами падежей личных форм кетского глагола. — В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции». Томск, 1969; Т. А. Кабанова. О предикативном словосочетании в кетском языке. — В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции». Томск, 1973; Г. К. Вернер. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — «Вопросы языкознания», 1974, № 1.

⁶ «Вопросы грамматики тюркских языков». Материалы координационного совещания по проблеме глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24—27 сентября 1956 года. Алма-Ата, 1958.

⁷ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. Москва, 1975, стр. 239.

вать „оборотами“... Называть их причастными и деепричастными оборотами — значит вносить путаницу как в понимание их грамматической природы и функциональной и смысловой сути в науке, так и в практическом употреблении»⁸.

«Нельзя считать обороты, имеющие своеобразную структуру, придаточными только потому, что они логически соответствуют придаточным, так же как нельзя, например, косвенную речь в составе сложных предложений смешивать с прямой или послелогои считать предложениями... Вот поэтому нельзя согласиться с теми тюркологами, которые масдарные, причастные и деепричастные обороты (имеют ли они самостоятельное подлежащее или не имеют, оформлены ли они посессивными аффиксами или не оформлены) смешивают с придаточными предложениями со сказуемым в форме *verbum finitum* на том только основании, что обороты в одном языке логически в смысловом отношении при переводе соответствуют придаточному предложению в другом языке»⁹. Данная статья не претендует, разумеется, на решение этого дискуссионного вопроса. Полагаем, однако, что привлечение для этой цели кетского материала может оказаться бесполезным.

Обратимся непосредственно к самому материалу.

Э. Ф. Чиспьяков следующим образом характеризует основные черты структуры сложноподчиненного предложения в тюркских языках: 1) почти полное отсутствие союзов в исконном тюркском сложноподчиненном предложении; 2) фиксированное расположение придаточного и главного предложений (тюркское придаточное, как правило, предшествует главному); 3) союзное слово+глагол-сказуемое индоевропейского сложноподчиненного предложения здесь передается одним словом (причастием, деепричастием, отглагольным существительным, называемым в тюркологии масдаром, условными формами глагола). Такое сказуемое может и оформляться аффиксом лица, и не оформляться. Отношение зависимости придаточного от главного выражается падежными аффиксами при сказуемом или послелогоми, которые приобретают новое содержание, становясь синтаксическими средствами связи придаточного предложения с главным¹⁰.

Структура кетского сложноподчиненного предложения также обнаруживает отмеченные особенности, присущие тюркским сложноподчиненным предложениям. Правда, вопрос о расположении придаточного предложения в кетском языке пока не изучен.

Структура кетского сложноподчиненного предложения по признаку, указанному в пункте 1, полностью идентична тюркскому. Если исключить такие союзы, как, например, *што* 'что', *есл'а* 'если', *кот* 'хоть', заимствованные из русского языка, то можно утверждать, что в кетском единственным словом, регулярно употребляющимся в качестве союза, является слово *ас'ка* 'когда', если оно вводит придаточное времени. Оно может вводить также изъяснительно-объектное предложение в качестве релята, являясь в то же время и вопросительным словом. Например: *у ас'ке киексус?* 'ты когда придешь?' Таким образом, чистым союзом его назвать нельзя.

⁸ У. Б. Алиев. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Черкесск, 1959, стр. 69.

⁹ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 242.

¹⁰ Э. Ф. Чиспьяков. Проблема сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — «Ученые записки. Вып. 24. Труды кафедр иностранных языков». Кемерово, 1971, стр. 49—50.

Ас'ка — сложное слово, и это отчетливо обнаруживается при сопоставлении его с наречиями с исходом на *-ка/-га*, имеющими, как правило, временное или локальное значение. Компонент *-ка/-га* является аффиксом местно-временного падежа. Сымский вариант этого аффикса — *-кей/-уей*. Приведем примеры подобных наречий:

имб. *куп-ка* 'сначала', *конден-га* 'поздно',
 сым. *кѳна-гей* 'засветло', *син-гей* 'враз, разом'.

Первый же компонент слова *ас'ка* (*ас'*), по-видимому, местоименного происхождения. В кетском языке существует вопросительное местоимение со значением «какой», имеющее атрибутивную безаффиксную форму *ас'*¹¹. Скорее всего к нему и восходит этот компонент, ибо именно эта форма вопросительного местоимения встречается во всех говорах и диалектах и вполне соотносима по семантике со словом *ас'ка*.

Так или иначе, слово *ас'ка* имеет местоименно-наречный характер. И, хотя в придаточных предложениях оно регулярно функционирует как союз, чистым союзом его назвать нельзя. Таким образом, придаточное времени, вводимое словом *ас'ка*, можно именовать союзным с известной натяжкой. Итак, исконно кетское сложноподчиненное предложение, так же как и исконно тюркское, является бессоюзным.

Общим для кетского и тюркских языков является употребление падежных аффиксов и послелогов в качестве средства связи главного и придаточного предложений. Заметим, однако, что если «во всех тюркских языках широко употребительны падежные формы различных глагольных имен в функции предиката»¹², то в кетском языке падежные аффиксы и послелоги присоединяются к личной форме глагола.

В качестве средства связи главного и придаточного предложений в кетском языке употребляются следующие падежные аффиксы:

местно-временного падежа *-ка/-га*,
 исходного падежа *-дингал'*,
 продольного падежа *-бес*.

Из послелогов самым употребительным в этой функции является *угдѳ*, восходящий к имени со значением «длина». Используются также слова *банг* 'время' и *дан* с тем же значением.

Следует заметить, что в сочетании с существительными аффикс исходного падежа различает род существительного: с существительными мужского рода употребляется форма *-дангал'*, с существительными женского и вещного рода — *-дингал'*. С глаголами употребляется только форма *-дингал'*.

В тюркских языках в функции средства связи главного и придаточного предложений наиболее часто выступают следующие аффиксы:

местного падежа *-ta, -te/-da, -de*,
 исходного падежа *-tan, -ten/-dan, -den*,
 направительного падежа *-če(-ča), -že*.

Употребляются (возможно, не во всех тюркских языках) и слова *vagt* 'время' и *бог*, а также послелоги, чаще всего *йѳп*.

Уже одно простое перечисление обнаруживает большое сходство средств связи главного и придаточного предложений в кетском и тюркских языках. Это сходство часто распространяется и на характер употребления средств связи.

¹¹ А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 120.

¹² А. П. Дульзон. Падежные формы тюркских глагольных имен в функции предиката. — «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 142.

Рассмотрим, какие отношения оформляются при помощи падежных аффиксов. Присутствие падежных аффиксов характерно прежде всего при оформлении временной связи. Как отмечает Е. И. Убрятова, «...предложения можно соединить таким образом, что первое предложение будет соотнесено во времени со вторым. Для выражения этого отношения сказуемое первого предложения должно принять аффикс местного падежа: *Дьон утуйа иликтэринэ мин кэлбитим* 'когда люди еще спали, я пришел'¹³.

Аффикс местного падежа выполняет эту же функцию и в других тюркских языках. Приведем примеры:

узб. *Дарслар тамом бўлганда* мен клубга бораман 'Я пойду в клуб, когда кончатся занятия';

шор. *кўскў келгенде қазын наштар сарчара перчалар* 'когда осень пришла, березки стали желтеть';

кыз. *шолнаң келә: ткәндә шулда көгә: пс кемени* 'когда мы шли по дороге, мы увидели на речке лодку';

н.-том. *аны ку: дымда кайдара бурулдум* 'когда я увидел это, я повернул назад';

к.-балк. *къоркъуу чыкъгъанында, эки джашыми да аскерге алгъан эдиле* 'когда началась война, взяли обоих сыновей в армию'.

В кетском языке имеется полная параллель подобным выражениям: кет. *кунга ди: месинка тап ду? ʔанггаҕон* 'когда они к чуму пришли, собаки залаяли';

кет. *ат китийдыҕа кун' бат колетдинга бат ангулут* 'когда я молодая была, я ведь бусы на шее носила'.

Отметим, что в последнем предложении сказуемое придаточного предложения выражено прилагательным, оформленным личным предикативным аффиксом *китий-ды*.

Другой случай оформления придаточных времени — при помощи аффикса исходного падежа. Эти предложения отвечают на вопрос: «с каких пор?». Например:

узб. *упарнинг кетканидан сунг тўнқиз кўн утди* 'с тех пор как они уехали, прошло девять дней'.

В аналогичной функции употребляется аффикс исходного падежа *-дингал'* в кетском языке:

кет. *сел' ат даҕайдингал' ин бимна* 'с тех пор как я убил оленя, прошло много времени';

кет. *бунг онгондингал' див'ат екнэ ууонен* 'с тех пор как они уехали, прошло девять дней'.

Придаточные времени, отвечающие на вопрос: «до каких пор?», в тюркских языках оформляются аффиксом направительного падежа *-če/-ça*.

Примеры:

шор. *мен уроктарымны ўргенипалбаамче ойнарга парбассым* 'я не пойду играть, пока не выучу свои уроки';

ср.-ул. *сатышка: бѣс узандже* 'мы разговаривали, пока не уснули';

узб. *сен бу ишни тамом қилгунча, мен уйга бориб келаман* 'я схожу домой, пока ты закончишь дело'.

В кетском языке дательный и направительный падежи совмещаются, и для оформления подобных придаточных предложений употребляется слово *банг* 'время' в дательно-направительном падеже.

¹³ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, стр. 25.

Приведем примеры:

кет. *тон ат дисколут ул'ес' б'он уонден бангдинга* 'так я лежал, пока не прошел дождь';

кет. *э'отн и: н Иобетол'бетин конийовуон бангдинга* 'мы долго работали, пока не стемнело'.

Интересно, что в тюркских языках слово *vagt* 'время' в местном и исходном падежах в сочетании с причастием также служит для оформления придаточного времени. Например:

узб. *Келган вақтингда ҳаммамиз лабораторияда эдик* 'когда ты пришел, мы все были в лаборатории'.

Для оформления придаточных времени, действие которых происходит одновременно с действием главного, в кетском языке употребляется послелог *угдъ*, который, как уже говорилось, восходит к имени со значением «длина». Примеры:

кет. *ул'ес' оҕондендугдъ ат нис кустил' б'он долалак* 'пока (в то время как) шел дождь, я не вышел из дома';

кет. *сургутихдинге дикдедокдугд най ынанг дангыг кыш* 'в Сургуту ехал пока, еще двух сохатых убил'.

Послелоги в тюркских языках используются для оформления придаточных целей. В большинстве тюркских языков эту функцию выполняет слово *йѝп*. Примеры:

хак. *поездке орайлатпас үчүн, маңзырапчам* 'тороплюсь, чтобы успеть на поезд';

уйг. *кечкип қалмас үчүн, биз машиниҗа олтуруп кәттүҗ* 'чтобы не опоздать, мы поехали на машине';

к-балк. *сен китабны окъур ючюн, Мусса аны бери келтирирге керекди* 'чтобы ты прочитал книгу, Мусса ее должен принести сюда'.

В кетском языке подчинительная целевая связь оформляется при помощи постпозиционного *-ес'анг*.

Следует отметить, что слово *ес'анг* в кетологической литературе не получило еще достаточно определенного статуса, хотя написано о нем довольно много. Так, Б. А. Успенский¹⁴ предлагает считать его аффиксом незначительного падежа. Употребление этого аффикса в качестве падежного описано в специальном исследовании М. Н. Валл¹⁵. А. П. Дульзон¹⁶ считает *ес'анг* глагольным словом и указывает на его соотнесенность с будущим временем. Но, если учесть, что все падежные аффиксы в кетском языке имеют глагольное происхождение, как это доказано А. П. Дульзоном, то можно допустить принадлежность *ес'анг* как к падежным аффиксам, так и к глагольным частицам. О принадлежности этого слова к падежным аффиксам свидетельствует еще несколько обстоятельств: 1) оно осуществляет связь главного и придаточного предложений подобно падежному аффиксу или послелогу, 2) встречаются (хотя и редко) случаи употребления его с существительными. Нужно отметить, что при помощи форманта *-ес'анг*, обычно составляющим фонетическое единство с глаголом, оформляется подчинительная целевая связь положительного зависимого предложения:

¹⁴ Б. А. Успенский. О системе кетского глагола. — «Кетский сборник. Лингвистика». М., 1968, стр. 209.

¹⁵ М. Н. Валл. О некоторых значениях *-ес'анг* в функции падежного аффикса в кетском языке. — «Вопросы филологии. Ученые записки Омского педагогического института». Вып. 52. Омск, 1969, стр. 167—169.

¹⁶ А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 484.

кет. тоуэта., ка:м т кангбес' де нѳ: нз оле котейо:ла, ко:т-коблѳк, до-бдијак ду:б-ес'анг 'тогета..., из раны (дыры от стрелы) жиру вытащил, сжарил и ему отдал, чтобы он съел'. Здесь придаточное предложение представлено одним словом — глаголом *ду:б* 'он ест, съест'. Это характерно для кетского языка, ибо «глагол кетского языка составляет центр предложения и его минимальную форму, включая в себя основную грамматическую информацию о членах предложения»¹⁷.

Итак, рассмотрев некоторые тюркско-кетские параллели в области сложноподчиненного предложения, мы обнаружили в одних случаях полную адекватность, в других — сходные черты. Выяснение причин такого сходства требует дальнейших, более углубленных сопоставительных исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

кет. — кетский

шор. — шорский

кыз. — кызыльский

н.-чул. — нижнечулымский

ср.-чул. — среднечулымский

к.-балк. — карачаево-балкарский

¹⁷ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский. Кеты, их язык, культура, история. — «Кетский сборник. Лингвистика». М., 1968, стр. 10.

Ш. Ш. АБИЛОВ

О НОВОНАЙДЕННЫХ СПИСКАХ ПАМЯТНИКА XIV ВЕКА «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»

Начало изучения «Нахдж ал-Фарадис» академик А. Н. Самойлович связывал с именем ученого Ш. Марджани¹, у которого хранился один из его списков².

Рукопись этого произведения демонстрировалась на выставке IV Всероссийского археологического съезда (Казань, август 1877 года)³. В настоящее время трудно сказать, был ли это список, хранившийся у Марджани, или же другой экземпляр, ибо известно, что существует несколько списков «Нахдж ал-Фарадис».

Татарско-башкирские писатели конца XVIII — начала XIX века Т. Ялчыгул и А. Каргалы творчески обрабатывали отдельные фрагменты этого памятника, используя их в своих произведениях. На полях таких популярных книг, как «Ми'радж ан-наби» («Восхождение пророка» — переписана в 1813 году в деревне Ташлы-Каваль) и «Сийар ан-наби» («Жизнеописание пророка» — переписана в 1840 году в деревне Чебенле Казанской губернии), имеются записи с указанием на то, что они взяты из «Нахдж ал-Фарадис»⁴. Отсюда можно заключить, что и упомянутые писатели, и собственники указанных книг имели в своем распоряжении различные экземпляры списков памятника.

При составлении толкового словаря татарского языка ученый-просветитель Каюм Насыри также обращался к списку этой средневековой повести. Вот что он пишет: «В данное время имеется книга (рукописная. — Ш. А.), которую называют «Нахдж ал-Фарадис», кажется, она еще не печаталась»⁵. То, что эта рукопись была у К. Насыри, подтверждается и следующим фактом. Работая над «Фаваких ал-джолеса фи-л-адабийат» («Плоды литературных собеседований»), он обращался к «Нахдж ал-Фарадис» и, обработав отдельные его сюжеты, включил в свое произведение (Казань, 1884 год).

¹ А. Самойлович. — В кн.: «Якуб Кемаль. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджуль-Фарадис». Симферополь, 1930, стр. 4 (Предисловие).

² Ш. Марджани. *مستفاد الاخبار في احوال قران و باغار* ч. I, типография В. Л. Домбровского в Казани, 1897, стр. 13.

³ «Указатель выставки IV Всероссийского археологического съезда». Казань, типография императорского университета, 1877, стр. 63.

⁴ Эти рукописи являлись собственностью бывшего преподавателя Казанского государственного педагогического института (КГПИ) З. Максудовой.

⁵ К. Насыри. *لهجه تاتاري*. Типо-литография императорского университета. Казань, (1892) 1895, стр. 2.

В конце 20-х годов нашего века было обнаружено несколько списков памятника, в том числе Стамбульский⁶, Ялтинский⁷, Казанские⁸ — всего пять [три из них Вахидовские, переданные впоследствии Ленинградскому отделению Института востоковедения Академии наук СССР — А1085, В2590 и Научной библиотеке Казанского государственного университета (Нб КГУ) — 445Т; четвертый, Готвальдский, № 60261 (Готв. 11) и пятый № 12100, находящийся ныне в библиотеке КГПИ].

Почти все эти списки известны исследователям и отчасти описаны в работах А.-З. Тогана, Я. Кемалю, Я. Экмана и Э. Наджипа, а также в неопубликованных трудах С. Вахидова⁹. Не исключено, что могут быть обнаружены новые списки «Нахдж ал-Фарадис», сохранившиеся у населения.

В Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР хранится рукопись В 4310, по инвентарю 1939 года № 3267, формат 16,5×21 см, текст 10×15 см, на странице 16 строк, почерк необработанный. Бумага с водяным знаком «1830», переплет картонный, обшитый темно-красной кожей. Эта рукопись обнаружена участником археографической экспедиции Академии наук СССР С. Алимовым в Астрахани в 1934 году и представляет собой сборник, составленный и переписанный в месяце Раби'И 1253 года (июнь 1837 года) Абд ал-Хамидом бин Сафаром. В сборник входят поэтические, прозаические и исторические произведения нескольких татарских авторов, в том числе широкоизвестные «Таварих-и Булгарийа» и «Повесть об Аксак-Тимуре» и др. «Нахдж ал-Фарадис» (лл. 62б—73а) представлена отдельными сюжетами и начинается так:

Nähzü-l-Färadis atlyy kitabda kältürmeşdür päyüämbär' äm Mäkkä-din Mädinägä kälidi täqy säfär äjynyn axrynda erdi päjyämbär' äm yä auryq tekdi başy auryju başlady 'В книге, именуемой «Нахдж ал-Фарадис», повествуется о том, что, когда пророк (Да будет над ним мир) прибыл из Мекки в Медину, в конце месяца Сафар, его одолел недуг, у него начались головные боли'.

Заключает текст из «Нахдж ал-Фарадис» следующая фраза:

Zällad täqy Bärsysany qylyc birla ormyş erdi hälak boldy täqy mängü tämuylyq boldy xämr ictäk säbäbdin 'Когда палач еще раз ударил Барсису мечом, он сразу скончался и стал вечным грешником ада, причиной тому было вино'.

Как указывает сам Абд ал-Хамид (л. 106 а), отдельные произведения сборника представляют собой компиляции. Из «Нахдж ал-Фарадис» в него вошли без каких-либо изменений рассказы из I и II глав. По-видимому, Э. Н. Наджип, говоря о третьем списке памятника, хранящемся в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР¹⁰, имеет в виду именно этот список. Поскольку сведения об этом списке до сих пор отсутствовали, мы сочли полезным кратко его охарактеризовать. Недавно были обнаружены еще два списка «Нахдж ал-Фарадис».

Рукопись Т 2257 поступила в Научную библиотеку Казанского государственного университета летом 1968 года. Она была найдена в дерев-

⁶ «Türkiyat mecmuası», cild II. İstanbul, (1926/1927).

⁷ Якуб Кемаль. Указ. раб.

⁸ Журнал «Безнең юл». Казан, 1929, № 5 (хроника).

⁹ Архив Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук (ИЯЛИ КФАН) СССР, фонд С. Вахидова 53126—43.

¹⁰ Э. Наджип. О некоторых забытых письменных памятниках татарской литературы и их литературном языке. — «Совет эдэбияты», 1957, № 12, стр. 92.

не Ахмет Буинского района ТАССР археографической экспедицией университета, руководимой М. Усмановым.

Эта рукопись включает три произведения: «Таварих-и Булгарийа», «Комментарии к „Далаил ал-Хайрат“» и на листах 49—1226. — «Нахдж ал-Фарадис».

Книга в картонном переплете, бумага европейская. Формат бумаги 21×17 см, текста — 15×11 см. На странице 17 строк, чернила черные, подзаголовки написаны красными чернилами, почерк не каллиграфический, характерный для болгаро-татарских переписчиков. Копия снята в 1855 году Хабибуллой для мелла Ахмеда бин мелла Мухтар.

На листе 49 красными чернилами крупно написано только название كتاب نهج الفاراديس 'Книга Нахдж ал-Фарадис'. Начало совпадает со списками Марджани, стамбульским и казанскими № 60261, № 12100 и ФЗ 9188). Заключительная фраза произведения:

Ej jaranlarym täqva birla pärhizlik birla tiriklik qylunyz... täqy qära-väslarynuzny emgatmanyz šäfäqät qyluñ tejdi minbärdin tüşdi 'О, мои близкие, живите благочестиво и праведно и не причиняйте беды своим слугам, сочувствуйте им, сказал (пророк) и сошел с минбара'.

В рукописи первая глава «Нахдж ал-Фарадис» представлена как законченное произведение, состоящее из десяти разделов. С. Вахидов пишет: «Особенно первые две главы книги при изучении истории пророка и праведных халифов в старое время в татарских медресе служили шакирдам учебником, а мударрисам и хальфам — руководством. Люди, исходя из своих интересов и устремлений, переписывали из этой книги нужные им главы и даже разделы, которые ходили в народе как самостоятельные книжки. Среди обнаруженных нами списков «Нахдж ал-Фарадис» есть и подтверждающие это»¹¹.

Летом того же 1968 года научный сотрудник Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР М. Юсупов обнаружил в Ульяновской области новый список «Нахдж ал-Фарадис», о чем имеется печатное сообщение¹².

Рукопись хранилась в личной библиотеке учителя-пенсионера Шакира Рафикова (деревня Терешка Старо-Кулаткинского района Ульяновской области) и в настоящее время находится в архиве Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР.

Рукопись Ф 39188 входит в довольно объемистый сборник, насчитывающий 359 листов (718 страниц). 41 лист не имеет прямого отношения к сборнику (бумага и почерк другие). Очевидно, эта часть пришта к его началу позднее. Сборник составлялся в разные годы и переписан меллой Рахматуллой. В нем представлены произведения самого различного характера: сокращенная редакция жизнеописаний пророков, рассказы о Тамимдаре и Искандаре (Александре Македонском), татарская летопись истории Булгарского и Казанского ханств, оканчивающаяся событиями 1749 года. Далее следует широко известное «Хождение Мухаммад-Амина к святым местам» (отправился из Казани в 1783 году). Приведено много отрывков из других произведений на древнем тюрко-татарском, арабском и персидском языках, с указанием источников и ссылкой на сочинения видных ученых мусульманского Востока и Средней Азии. Включены в сборник также стихотворные строки и небольшие рассказы самого составителя меллы Рахматуллы.

¹¹ Указанный фонд С. Вахидова 53137, лист 7.

¹² М. Юсупов. Новые рукописи. — Газ. «Социалистик Татарстан», 25 августа 1968 года.

«Нахдж ал-Фарадис» занимает листы 143—303б. Формат листов 22,5×17,5 см, текста — 19×13 см. Количество строк в странице 22—23. На полях каждого из листов сборника имеются приписки, комментарии составителя-переписчика. Чернила черные, почерк, близкий к насталику; названия глав, разделов написаны красными чернилами, ими же подчеркнуты отдельные слова. В конце рукописи (лист 303б.) читаем: «Переписчик (ал-катиб) мелла Рахматулла б. мелла Бахтийар б. мелла Али б. мелла Искандар третьего дня июля 1136/1723 г. в деревне Терешка закончил эту книгу „Нахдж ал-Фердоус“ — „Открытый путь в рай“». Сразу же отметим, что указанная дата относится не ко времени переписки меллой Рахматуллой, а, по всей вероятности, ко времени создания того списка, который он копировал. Это подтверждается и тем, что некоторые произведения, включенные в сборник и, переписанные рукой меллы Рахматуллы, созданы гораздо позднее, о чем свидетельствуют и водяные знаки бумаги — «1831». Таким образом, список «Нахдж ал-Фарадис» составлен меллой Рахматуллой, по-видимому, в конце 30-х годов XIX века.

В начале рукописи (лист 128) от имени автора говорится:

Täqy bo kitabıya «Nähzü-l-Ferdäus» at berdük mä'näsy üzmahnuñ asuq joly temäk bolır 'Назвали (мы) эту книгу «Нахдж ал-Фердоус», что означает «Открытый путь в рай».

Очевидно, название памятника было несколько изменено: слово «Фердоус» (рай, райский сад) употреблено в единственном числе, но это, безусловно, «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда бин Али, уроженца Булгара, писавшего в Сарае. Список хорошо сохранился, имеются начало и конец, но в III части отсутствуют 3-й и 4-й разделы. В этом нет вины меллы Рахматуллы, ибо кустоды указаны правильно; видимо, список 1723 года, с которого он снимал копию, имел эти лакуны. Несмотря на указанный недостаток, текстологическая работа над памятником возможна.

В новых списках «Нахдж ал-Фарадис» из начальной приписки, следующей после «имди», явствует, что она сделана при жизни автора, указаны имя его деда и кем был 'Али, отец писателя.

У Ш. Марджани: Махмуд бин 'Али бин ас — Сараи, в Готвальдской рукописи 60261 нет указания на деда, в Ленинградской рукописи A1085 — *бин шейх* 'сын шейха'. «Шейх» может означать и имя собственное, и духовное звание. В новых казанских списках читаем: Mähmüd bin taż äl-äimmätü bin 'Omär šäjh.

Здесь вместо 'Али написано: bin taż äl-äimmätü 'сын главы имамов'; эти слова поясняют, кем был 'Али. Далее перед словом «шейх» читаем «Омар»; должно быть, это имя собственное, а «шейх» — указание на духовное звание. Таким образом, проясняется генеалогия автора памятника — Махмуд бин Али, глава имамов, бин Омар, шейх... Далее следуют литературные *тахаллусы* (псевдонимы) писателя.

Мы кратко остановились на характеристике существующих списков «Нахдж ал-Фарадис», в том числе и двух обнаруженных недавно. Всем спискам присущи свои собственные недостатки и достоинства. При сопоставительном анализе списки дополняют друг друга, тем самым разрешая различного рода сомнения, связанные с неясными местами памятника. Именно на такое текстологическое исследование этого памятника нацеливал А. Н. Самойлович. В декабре 1927 года, будучи в Казани у С. Вахидова, он ознакомился с только что обнаруженными экземплярами «Нахдж ал-Фарадис» и спустя два месяца писал: «Теперь, после того как в распоряжении тюркологов СССР и Турции оказалось четыре копии сочинения „Nehcü-l-Feradis“, представляется вполне своевремен-

ным поставить вопрос о научно-критическом издании всего этого литературного памятника, имеющего, по справедливому признанию всех занимавшихся им ученых, ...весьма важное значение для истории развития литературных турецких (тюркских. — Ш. А.) языков, особенно — чагатайского, казанско-татарского, крымско-татарского»¹³.

Судя по сообщениям печати, Э. Н. Наджип завершил большое исследование, посвященное «Нахдж ал-Фарадис»; определенная работа по изучению этого памятника ведется и в Казани. Отметим, что в исследованиях по истории татарской литературы, особенно в советский период, этому памятнику всегда уделялось большое внимание. Г. Рахим и Г. Газиз писали о том, что «Нахдж ал-Фарадис» по праву принадлежит важное место в истории татарской литературы¹⁴. Литературовед Б. Яфаров в 1950 году написал монографию о «Нахдж ал-Фарадис»¹⁵. В 1958 году литературной общественностью и печатью Казани отмечалось шестисотлетие со времени создания этого значительного произведения¹⁶.

В изданном в 1963 году исследовании «Древняя татарская литература»¹⁷ немало страниц посвящено «Нахдж ал-Фарадис» и его автору.

В Советском Союзе в настоящее время имеется восемь списков «Нахдж ал-Фарадис», обнаруженных у татарского населения. Они выполнены татарскими писцами и включены в сборники средневековых произведений болгаро-татарской литературы. Язык и образная система «Нахдж ал-Фарадис», его стиль близки традициям татарской литературы, сохранившимся в ней до наших дней. Эти вопросы — объект специального исследования, в данном же сообщении мы хотели лишь заострить внимание на имеющихся списках памятника, особенно на обнаруженных недавно.

Как теперь выяснилось, утраченные листы казанских списков № 60261 и № 12100 были восстановлены по спискам других переписчиков, в распоряжении которых оказались более полные экземпляры памятника¹⁸.

Одно лишь перечисление списков показывает, что «Нахдж ал-Фарадис» получил распространение главным образом в Поволжье и Приуралье, а основным читателем и хранителем памятника было татарское население. «Нахдж ал-Фарадис» получил распространение и среди башкир. Однако нам представляется справедливым следующее мнение Э. Н. Наджипа: «Решая вопрос о происхождении произведения, нельзя также не учитывать и того, что «Нахдж ал-Фарадис» в дальнейшем получил широкое распространение именно среди татар Поволжья»¹⁹.

Таким образом, следует признать бесспорным, что «Нахдж ал-Фарадис» является произведением, неразрывно связанным с историей развития болгаро-татарской литературы.

¹³ А. Самойлович. Указ. раб. (Предисловие), стр. 4.

¹⁴ «تاتار نهدە بىياتى تاريخى» «История татарской литературы». Казань, 1925, 2-е изд., стр. 68.

¹⁵ Б. Яфаров. Литература Камско-Волжских болгар X—XIV вв. и рукопись «Нахдж эль-Фарадис». Автореф. канд. дисс. Казань, 1950.

¹⁶ Х. Мөхәммәтов. Татар әдәбиятының борынгы истәлегә. — Газ. «Татарстан яшьләре», 1958, 19 января.

¹⁷ «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 218—249.

¹⁸ О списках «Нахдж ал-Фарадис» как памятника болгаро-татарской литературы автором был прочитан доклад на VI Ленинградской тюркологической конференции, в июне 1973 года. Данная работа представляет собой его изложение.

¹⁹ Э. Н. Наджип. О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 59; его же. О некоторых забытых письменных памятниках татарской литературы и их литературном языке, стр. 82.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПИТАФИЯ ИЗ МАЛИНОВКИ (ТУВА)

Рис. 1.

Памятник с надписью Е 56 впервые был открыт С. В. Киселевым у заимки Малиновка (по-тувински Кара Ыяш) в 1947 году (рис. 1)¹. Годом позже он был вторично обнаружен Э. Р. Рыгдылоном, который тогда же вывез плиту с надписью и передал ее в Минусинский музей². В 1955 году Л. Р. Кызласов раскопал древнехакасский курган, возле которого до 1948 года стояла эта стела. Добытый археологический материал позволил датировать весь комплекс памятников (могилу и относящуюся к ней эпитафию) концом XI — началом XII века³.

Памятник из Малиновки был трижды опубликован⁴, неоднократно упоминался исследователями по частным поводам⁵, но до сих пор прочтение надписи не приводилось. Лишь Э. Р. Рыгдылон указал на возможное истолкование отдельных слов.

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXVI, 1949, стр. 126.

² Э. Р. Рыгдылон. Новые рунические надписи Минусинского края. — «Эпиграфика Востока», IV. М.—Л., 1951, стр. 87. Стела эта была в музее утеряна.

³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 101 и след., рис. 5, 11—13; *его же*. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 127, рис. 43, 44, 46.

⁴ Э. Р. Рыгдылон. Указ. раб., стр. 87—89, рис. 1, 2; Л. Р. Кызласов. Новая датировка..., рис. 10 (2); *его же*. История Тувы..., рис. 47 (2).

⁵ С. Е. Малов. Рецензия. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1954, № 2; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 74; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962; Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, стр. 48; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. XXV.

Очевидно, плохая сохранность текста обусловила ряд неясностей в имеющихся воспроизведениях надписи. Работа с оригиналом также стала невозможной, так как стела была утеряна.

Предлагаем первый вариант чтения и перевода надписи из Малиновки. В опубликованных прорисовках текста имеются более или менее значительные расхождения. Сопоставление их, а также использование еще одного ранее не публиковавшегося воспроизведения надписи, сделанного Л. Р. Кызласовым с оригинала в 1947 году (рис. 2), позволили предположительно восстановить полный текст (рис. 3)⁶.

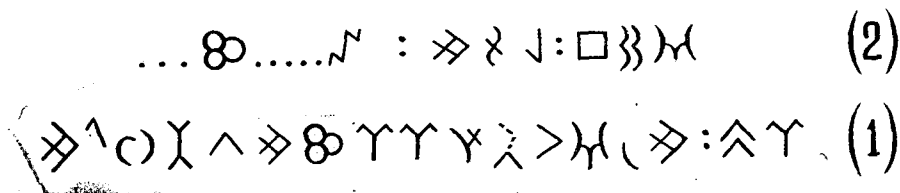

Рис. 2.

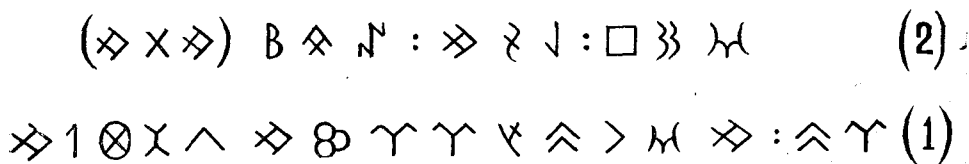

Рис. 3.

Транслитерация:

(1) r²t¹m γut¹š r² r²mm s äd²im

(2) γd¹š s²zmä b²k²...

Транскрипция:

(1) äṛ atīm γut äš (или γutaš) äṛ äṛ(d)ämim äs ädim

(2) γadaš sizimä b ö k (mädim).

Перевод:

(1) Моё геройское имя Кут Эш (или Куташ). Моя геройская доблесть, добытое моё имущество (богатство),

(2) (мои) сподвижники, — в отношении вас (моих) я не наслаждался (не удовлетворился).

Словосочетание äṛ atīm 'моё геройское имя' не раз повторяется в памятниках енисейской письменности. И хотя написание его бывает различным [МЕПТ, №№ 41 (3), 50 (4)], в большинстве случаев оно аналогично приведенному выше [МЕПТ, №№ 15 (1), 38 (3), 41 (2), 42 (8), 49 (2)]. Особенностью данного сочетания в рассматриваемом памятнике (по прорисовкам Л. Р. Кызласова, рис. 4 — I, II) является разделительный знак, поставленный посреди слова и отделяющий корневой слог от аффикса.

⁶ Хочется надеяться, что приводимая сводка имеющихся воспроизведений надписи (рис. 4) привлечет внимание тюркологов и тем самым поможет правильному прочтению сомнительных частей текста этого важного памятника. Первые две прорисовки (I—II) принадлежат Л. Р. Кызласову, а три другие (III—V) взяты из работы Э. Р. Рыдылона.

Чтение имени вызывает наибольшие трудности. Многочисленные грамматически возможные варианты не имеют аналогий. При учете знака 4 (рис. 4 — I, II) получаются равно непонятные $p^1yut^1\dot{s}$ или $b^1yut^1\dot{s}$. Не проясняет вопроса и возможное понимание знака 7 (рис. 4 — I, II) как $\dot{s}$ или $\dot{a}$, а знака 8 как s .

Первая строка

	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	
I	⊗	∧	C	)	Y	∧	⊗	8	Y	Y	∧	Y	>	∧	(	⊗	∧	Y	
II	⊗	1	C	)	Y	∧	⊗	8	Y	Y	∧	Y	>	∧	(	⊗	∧	Y	
III	⊗				Y	∧	⊗	8	Y	Y	1	∧	>	∧		⊗	∧	Y	
IV	⊗				Y	∧	⊗	8	Y	Y	Y	∧	>	∧		⊗	∧	Y	
V					Y	∧	⊗	8	Y	Y	Y	∧	>	∧		⊗	∧	Y	

Вторая строка

					9	8	7	6	5	4	3	2	1						
I						∧	Y	⊗	Y	∧	⊗	Y	∧						
II					8		Y	⊗	Y	∧	⊗	Y	∧						
III							Y	⊗	Y	1	∧	⊗	Y	?					
IV							Y	⊗	Y	∧	⊗	Y	∧						
V						∧	Y	⊗	Y	∧	⊗	Y	∧						

Рис. 4.

В предлагаемом чтениистораживает y в абсолютном начале слова. Но подобную ситуацию можно встретить в указателях С. Е. Малова (МПК, стр. 94). К тому же yut как редкая форма обычного qut 'счастье, благо, благополучие; достоинство, величие' известна (ДТС, 196, 471). В енисейских надписях qut до сих пор не встречалось, но оно зафиксировано в древнетюркских (МПДП, КТМ9, 29; Мог. 35) и тюркешских памятниках (МПК, ХТ I, IV, V, VII). В именах собственных qut употребляется редко, обычным является однокоренное $qutlu$ (для которого, кстати, также известна форма $yutlu$ — ДТС, 196, 473). Тем не менее в тюркоязычных христианских текстах XIII—XIV веков известны имена Qut , $Qut t\ddot{a}nri xatun\ddot{i}$ (ДТС, 472; МПДП, стр. 131) и $Qut t\ddot{a}gin b\ddot{a}g$ (МПК, стр. 83, 98)⁷.

Термин $a\dot{s}$ 'друг, приятель, товарищ, сподвижник' (ДТС, 184) наиболее часто встречается в енисейских надписях в форме $\wedge$ [МЭПТ, №№ 11 (8), 42 (1,6), 51 (3)], но в двух случаях он начертан как в малиновской надписи — через y [МЭПТ, №№ 3 (6), 18 (4)]. Лишь однажды в

уйгурских документах XII—XIV веков встретилось имя $\dot{A}\dot{s} qaqa$ (ДТС, 185, XXXVIII).

⁷ Ср.: Ч. Джумагулов. Язык сиротюркских (неисторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971, стр. 56, 67, 79, 111, 149.

Можно предположить еще один вариант чтения имени Yutaš, по аналогии с известным в сиро-тюркских памятниках начала XIV века Qutaš (МПМК, стр. 82, 98)⁸.

Таким образом, параллели к указанному в надписи имени зафиксированы в сравнительно поздних памятниках тюркоязычной письменности. Если учесть упоминающуюся археологическую датировку стелы из Малиновки, то это не удивительно.

Начертание выражения āg ārdāmim 'моя геройская доблесть' через встречается лишь в двух енисейских надписях [МЕПТ, №№ 2 (3), 41 (1, 6)]. Оба эти памятника, как и изучаемая стела, найдены на территории Тувы. Особенностью рассматриваемой надписи является пропуск в этой фразе знака d².

Предлагаемое далее чтение основано на предположении, что знаки 15—16 в прорисовках Л. Р. Кызласова (рис. 4 — I, II) передают одну плохо сохранившуюся в оригинале графему .

писях ād до сих пор зафиксировано лишь однажды и переведено С. Е. Маловым как «материя, ткань» [МЕПТ, № 41 (10)]. В значении «имущество, богатство» это слово известно по памятникам уйгурского письма (ДТС, 162, XXXIV, XXXVI).

Знак 13 можно читать как S и S⁹. В зависимости от этого, определением к ādim будет или āš, или ās. Предположить здесь āš 'товарищ, сподвижник' можно было бы лишь в том случае, если бы этот термин употреблялся аналогично āg. Однако подобный случай не известен. С. Е. Малов в упоминавшемся памятнике № 41 (5) читал ās как «добытый, добытое»¹⁰ (ср.: ДТС, 182). Такого чтения можно придерживаться и в нашем случае.

Что касается чтения первых трех знаков второй строки, то, возможно, прав был Э. Р. Рыгдылон, предположивший здесь сохранившуюся часть слова (qa) ɣadaš 'родственник' и указавший единственную известную аналогию среди енисейских текстов — памятник Хемчик-Чиргакы [МЕПТ, № 41 (3)]¹¹. Но, учитывая особенность данной надписи, а именно — передачу в имени собственном начального звука q через ɣ, можно предположить и здесь слово qadaš, записанное как ɣadaš (такую же форму — ɣadašim находим в указателе С. Е. Малова — МЕПТ, стр. 105). Этот вариант чтения кажется вполне вероятным, если принять во внимание распространенность именно этого термина в значении «товарищ, приятель, родственник» в енисейских надписях (МЕПТ, стр. 106). До сих пор только однажды зафиксировано написание этого слова как

  [в типографской передаче — МЕПТ, № 16 (2)], которое мо-

жет быть сближено с имеющимся в нашей надписи.

Вероятно, правильно прочитал Э. Р. Рыгдылон и слово sizimä, опускающая лишь аффикс дательного падежа¹², отделенный в оригинале слово-

⁸ Ч. Джумагулов. Указ. раб., стр. 67, 80, 108.

⁹ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». СПб., т. XII, вып. II и III, стр. 40; ср.: А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 124.

¹⁰ С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. — «Язык и мышление». VI—VII, стр. 263—264.

¹¹ Э. Р. Рыгдылон. Указ. раб., стр. 89.

¹² Там же.

разделительным знаком. По-видимому, слово *sizimä* в надписи является обобщающим словом при однородных членах предложения, перечисляющих все то, что имел при жизни и чего лишился умерший. Подобное употребление местоимения *siz* не только с терминами, обозначающими людей, но и с отвлеченными понятиями известно в енисейских памятниках [МЭПТ, №№ 42 (4), 45 (6)].

Чтение же *bök* (*mädim*) возможно лишь благодаря сравнению рисовок Л. Р. Кызласова, где в одном случае замечен знак (рис.

4 — I), а в другом — неясный (рис. 4 — II). Вероятно, было

написано . Именно такое написание выражения

«я не наслаждался» (МЭПТ, стр. 105) наиболее часто встречается в енисейских памятниках. Наличие здесь глагола *bök* подтверждается и предшествующим ему местоимением в дательном падеже (*sizimä*). Подобное грамматическое оформление слов, связанных с этим глаголом, обычно для енисейских надписей¹³.

В заключение отметим некоторую специфику текста. Орфографической или фонетической особенностью его является употребление здесь знака (*γ*) вместо обычного в начале слова (*q*), а графической

— употребление таких сравнительно редких знаков, как , и . К тому же в некоторых случаях для передачи одного и того же звука (*m* и *š*) в надписи использованы два разных знака. Трудно решить, нужно ли связывать эти особенности со временем создания памятника. Содержание текста показывает, что изучаемая надпись — одна из самых поздних, известных науке енисейских эпитафий. Такой вывод полностью согласуется с результатами археологического исследования древнехакасского погребального комплекса у заимки Малиновка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
 КТ_м — Памятник Кюль-Тегину (малая надпись).
 МЭПТ — С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
 Мог. — Памятник Могилянцу.
 МПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
 МПМК — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

¹³ А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 40.

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ

ЕЩЕ О ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ ТЕПСЕЯ

Публикация Тепсейского эпиграфического комплекса тюркской руники была осуществлена С. Г. Кляшторным¹. Воспроизведенные надписи сопровождались комментариями, содержащими сведения об истории их открытия и полевого исследования. В примечании к статье отмечалось, что публикуются не все известные надписи. Ниже даются дополнения к тюркской рунической эпиграфике комплекса горы Тепсей.

Приведенные надписи обнаружены на скальных выступах у подножия горы Тепсей, в 1—3 метрах от высшего уровня реки Тубы. Техника выполнения надписей характерна для всего комплекса: они нанесены инструментом с тонким лезвием в виде глубоких резов. Некоторые детали знаков стерлись, так как надписи подверглись естественному разрушению, что затрудняет их прочтение. Необходимость их фиксации и учета как памятников тюркской рунической письменности не вызывает сомнений.

Копии надписей были выполнены в мае 1975 года на полиэтиленовой пленке красноярскими художниками В. Ф. Копелько, В. И. Жуковским и М. М. Бирюковым². Индексы надписей даны в соответствии со сводным указателем³ и продолжают в порядковом отношении список тюркской руники Енисея.

Тепсей VIII (Е 123) (рис. 1).

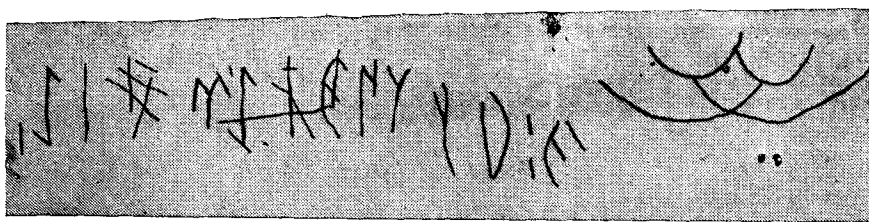

Рис. 1.

Транскрипция:

ägä! aj¹ k²ü¹ü²g az a! ir²b²is² a!

Перевод:

‘Владыка (дух, хозяин), эй, славный! О, горностаи! О, рысь!’

Текст представляет собой обращение к духу горы с просьбой об удачной охоте или с благодарностью за добычу. Стилистически надпись близка тексту памятника Тепсей VI⁴.

Характерное для этого памятника эмоциональное оформление междометием имеет соответствие в словаре В. В. Радлова: aj ägäm! ‘Боже’⁵;

ägä (igä) 'хозяин, дух, божество' отмечено, например, также в уйгурских фрагментах из Турфана: jeġ'suv igäsi 'дух вселенной (земли, вод)'⁶. Тамга, сопровождающая текст, встречается и в других надписях горы Тепсей.

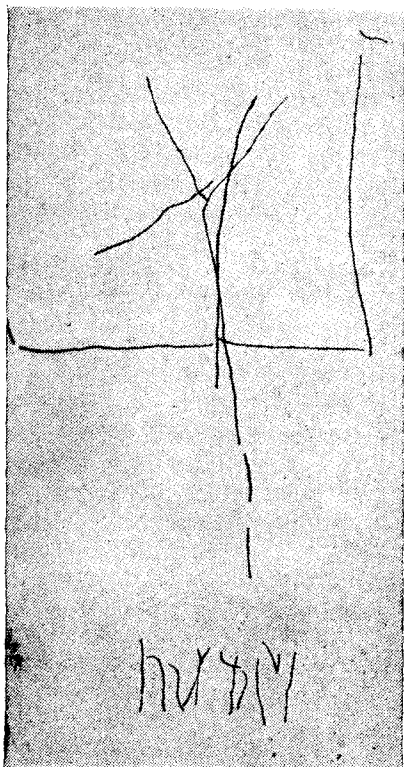

Рис. 2.

Транскрипция части текста: aj¹ : ... t'uġsi jansi

Надпись нанесена слабыми царапинами, различима плохо, значительная часть ее стерлась.

Тепсей IX (E 124) (рис. 2).

Транскрипция:

s²izä äġ² (тамга).

Перевод:

'Вам, — муж (вместо имени — тамга)!'

Надпись неразборчива, испещрена трещинами, чтение ее предлагается в наиболее вероятном варианте. Полагаем возможным интерпретировать ее как текстовое дополнение при жертвоприношении духу культовой горы или иному божеству с указанием (в виде тамги) лица, принесшего жертву. Использование родового знака — тамги как компонента текста, заменяющего имя собственное, встречается в рунической эпиграфике тюрков⁷.

С точки зрения палеографии, представляет интерес редкая графема для ġ², отмеченная еще только на одной из надписей Тепсей и в алтайском памятнике Мендур-Соккон IV⁸.

Тепсей X (E 125) (рис. 3).

Рис. 3.

* * *

Две надписи, воспроизведенные в первой публикации памятников комплекса, имеют некоторые дополнительные детали, поэтому считаем возможным заново воспроизвести здесь прорисовки. Надпись Тепсей I (E 111) сопровождается изображением тамги (рис. 4). Надпись Тепсей II (E 112) (рис. 5) обнаруживает несколько иную орфографию, существенно не влияющую на предложенное прочтение текста. Она содержит

полустертые следы тамги и верхней строчки, в которой можно разобрать лишь один знак (q).

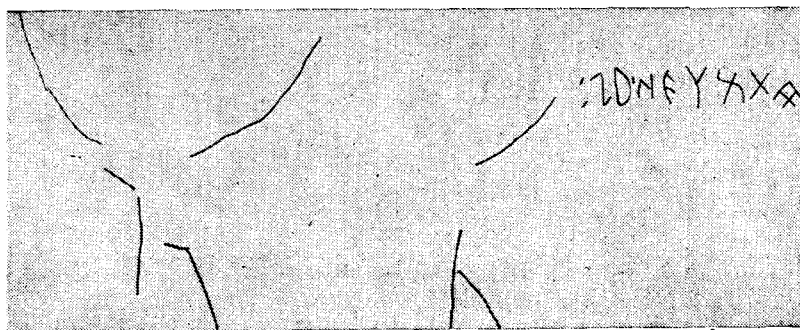

Рис. 4.

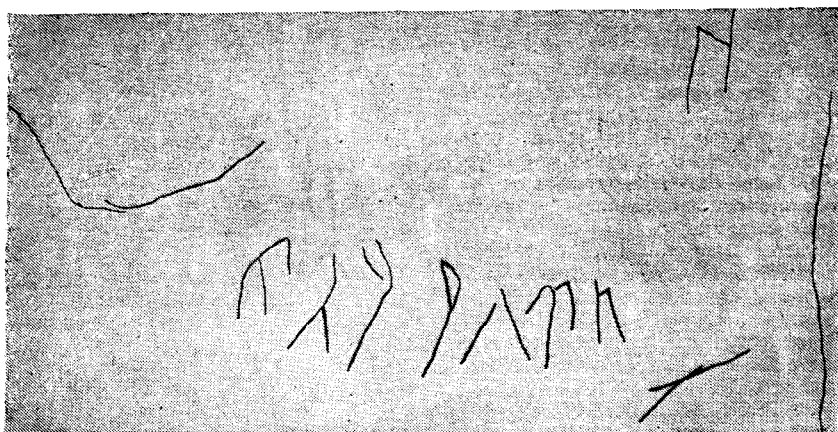

Рис. 5.

¹ С. Г. Кляшторный. Руническая эпиграфика Южной Сибири. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 66—70.

² Пользуясь случаем, автор выражает им свою благодарность.

³ Д. Д. Васильев. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 72—75.

⁴ С. Г. Кляшторный. Указ. раб., стр. 69.

⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893, т. I, ч. I, колонка 695.

⁶ G. R. Rachmati. Türkische Turfan-Texte VII. ARAW, 12, 1936, fr. 29.

⁷ Например, в тексте памятника Йыр-Сайыр II: Д. Д. Васильев, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись Йыр-Сайыр. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 110.

⁸ «Надпись на обломке из Бийского музея»; К. Сейдакматов. Древнетюркские надписи в Горном Алтае. — «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению». Фрунзе, 1964, стр. 98.

РЕЦЕНЗИИ

К. Ш. КЕРЕЕВА-КАНАФИЕВА. РУССКО-КАЗАХСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX В.).

ИЗД. «КАЗАХСТАН», АЛМА-АТА, 1975, 276 стр.

Одной из важных и актуальных задач советского литературоведения является изучение процесса взаимного обогащения культур братских народов СССР. Исследованию литературных взаимосвязей русского и казахского народов посвящена новая книга К. Ш. Кереевой-Канафиевой «Русско-казахские литературные отношения», представляющая собой продолжение ранее опубликованной книги автора «Дореволюционная русская печать о Казахстане» (Алма-Ата, 1963). Если в первой работе рассматривались русско-казахские литературные связи в XVIII и первой половине XIX века, то рецензируемая книга охватывает период с середины XIX до начала второго десятилетия XX века.

К середине прошлого столетия Казахстан добровольно присоединился к России. Это историческое событие имело исключительно важное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития казахского народа, для укрепления дружбы между русским и казахским народами, их тесного культурного общения. Ярко выраженное А. С. Пушкиным стремление к культурному сближению с разноязычными народами «всей Руси великой» во второй половине XIX века становится характерной особенностью литературной деятельности многих видных русских писателей.

В рецензируемой книге убедительно раскрыта роль виднейших деятелей русской литературы Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Г. И. Успенского, М. Л. Михайлова в укреплении русско-казахских литературных отношений, интерес этих писателей к жизни и быту казахов, обращавшихся в своих произведениях к темам, сюжетам и образам из жизни казахского народа. Автор пишет о посещении Л. Н. Толстым Оренбургского края, подчеркивает интерес русского писателя «к событиям в казахских и башкирских степях, к нелегкой судьбе этих ко-

чевых народов». Немалый интерес представляет разбор очерков «У казахов» В. Г. Короленко и «Кочевники и русские переселенцы» Г. И. Успенского, рассказов «Исповедь», «Ак-Бозат», очерка «На кумысе» Д. Н. Мамина-Сибиряка, повести «Очарованный странник» Н. С. Лескова, очерка «Киргизы» М. Л. Михайлова.

С Казахстаном и его культурой связана творческая и общественная деятельность и Ф. М. Достоевского. Одним из его близких друзей в годы пребывания в Казахстане стал казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов. В отдельной главе книги дается общая сжатая характеристика взаимоотношений Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова.

Ф. М. Достоевского и Ч. Валиханова объединяла общность взглядов на роль передовой русской общественной мысли в развитии национального самосознания народов, входящих в состав России. Личная дружба этих двух крупных писателей является одной из ярких страниц истории культурных связей русского и казахского народов. «Нам бесконечно дорого сознавать, — подчеркивал Мухтар Ауэзов, — что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом, с его борьбой за светлое будущее»¹.

К. Ш. Кереева-Канафиева сосредоточивает внимание читателя на казахских мотивах в романе Ф. М. Достоевского «Игрок» и в других его произведениях, особо подчеркивает убежденность писателя в том, что русский народ может достигнуть собственного преуспевания лишь в братском единстве с другими народами России.

¹ М. Ауэзов. Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. — В кн.: «Мысли разных лет». Алма-Ата, 1961, стр. 275.

В книге указывается, что со второй половины XIX века казахская тематика начинает привлекать внимание большой группы русских прогрессивных писателей.

Из произведений Н. Н. Казарина, в которых найдено отражение жизнь казахов, автор выделяет роман «С севера на юг». В этом произведении особенно ярко проявилась наблюдательность писателя в изображении образов простых людей — русских и казахов. В правдивом отражении взаимоотношений представителей двух народов автор видит достоинство и романа «В новом краю» Н. Ильина. В произведениях других писателей — Н. Уралова, И. Инфантьева заметно расширяется диапазон казахской темы, проводится мысль о необходимости просвещения казахов, об упрочении дружеских связей русского и казахского народов.

Значительное место уделено в рецензируемой работе путевым очеркам Е. Ковалевского и Д. Иванова. Сборник Е. Ковалевского «Странствователь по суше и морям (1845—1849)», помимо нашедших в нем отражение интересных этнографических наблюдений и описаний степной природы, примечателен еще и тем, что в нем описана встреча автора с выдающимся казахским поэтом, одним из руководителей восстания казахского крестьянства в 1836—1837 годах Махамбетом Утемисовым. Свежестью наблюдений отличается цикл путевых очерков «По киргизской степи» Д. Л. Иванова (Дм. Львовича), опубликованный в Петрограде в 1914 году. Д. Л. Иванов проникновенно описывает исполнение казахским певцом Аблаем Карбатыровым «Письма Татьяны» из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, получившего широкую популярность в переводе великого казахского поэта Абая Кунанбаева и положенного им же на музыку: «Признаюсь сразу, я собственным ушам не поверил.

Вообразите только, старый киргиз распевал не более не менее как письмо Татьяны к Онегину» (стр. 205).

Автор выделяет слова Д. Л. Иванова, свидетельствующие о его добром отношении к казахам: казахи «народ отличный». Казах «характеру... меткого, веселого. Душа у него простая, добрая. Мирный он вовсе теперь стал... Ссориться не любит зря, из-за пустого» (стр. 195).

Убедительно раскрывается в книге К. Ш. Кереевой-Канафиевой значение русской литературы для духовного развития казахского народа, для сближения его с русским народом: «Результаты изучения взаимоотношений русской и казахской литературы позволяют подчеркнуть ведущую роль русской литературы в этом процессе, ибо она сумела отразить на своих страницах важнейшие события из жизни казахов. Ее воздействие на становление и развитие казахской литературы было интенсивным, длительным и эффективным» (стр. 249).

Важно отметить, что автор использует в своей работе разнообразные документально-исторические и литературные источники, в том числе и малоисследованные до сих пор материалы.

В книге подвергнуто разбору большое число произведений, приведены необходимые сведения об их авторах. Удачно использована автором форма очеркового изложения материала. Автору в целом удалось избежать фрагментарности и добиться тематической целостности.

Книга К. Ш. Кереевой-Канафиевой «Русско-казахские литературные отношения» — результат многолетних творческих поисков, она содержит ценные наблюдения и выводы об истории и путях развития литературных связей России и Казахстана.

З. А. Ахметов

М. В. ЗЭЙНУЛЛИН. ХӘЗЕРГЕ БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ МОДАЛЛЕК КАТЕГОРИЯНЫ.

БАШКОРТ ДӘУЛӘТ УНИВЕРСИТЕТЕ НӘШРИӘТЕ, ӨФӨ, 1975, 165 стр.

Категория модальности и способы ее выражения — один из мало исследованных вопросов не только в башкирском языкознании, но и в тюркологии в целом. Будучи грамматико-семантической категорией, определяющей отношение говорящего к высказываемому, содержащей оценку отношения сообщаемого к объективной действительности, модальность свойственна всем уровням языка и требует специального системного

изучения. Рецензируемая монография М. В. Зайнуллина посвящена изучению модальных значений глагольных форм и главным образом их наклонений. Исследование ведется в основном в синтаксическом аспекте и в значительной степени восполняет пробел в изучении этого вопроса.

Работа включает введение и девять самостоятельных разделов.

Основываясь на положениях материалистической диалектики, автор ведет исследование, пользуясь системным методом. М. В. Зайнуллин справедливо отмечает, что в башкирском языкознании мало уделялось внимания иерархической связи уровней языков, то есть анализ элементов языка проводился в духе традиционной лингвистики: морфологические категории в основном изучались в парадигматическом аспекте, а синтагматический план оставался почти вне поля зрения исследователей (стр. 22). В рецензируемой работе глагольные формы характеризуются в функциональном плане.

Первый раздел монографии (стр. 27—46) посвящен анализу содержания и грамматической сущности теории модальности. Учеными высказываются различные мнения относительно сущности категории модальности. Буржуазные ученые рассматривают проблему модальности с идеалистических позиций как субъективно-психологическое явление. Советскими учеными эта проблема решается на основе диалектического материализма.

Основываясь на ленинской теории отражения, автор отмечает, что модальность — это совокупное выражение отношения субъекта к объективной действительности различными средствами языка: модальными словами и модальными частицами, интонацией, наклонениями глагола и др. Данный раздел ознакомит читателей с высказываниями А. Х. Востокова, А. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потемни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, В. В. Виноградова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Ф. Ф. Фортунатова и других видных русских ученых о грамматической категории модальности. Основываясь на исследованиях В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведова, Т. П. Ломтева, М. З. Закиева, С. Н. Иванова и других, М. В. Зайнуллин рассматривает модальность как морфолого-синтаксическую категорию. Конкретное значение модальности окончательно формируется лишь в предложении. Иначе говоря, категория модальности материально реализуется морфологическим путем, главным образом формами глаголов, а модальные значения полностью выявляются в предложении, то есть обнаруживаются синтаксически. Определение модальности как сугубо грамматической категории объясняется тем, что она в основном выражается в наклонениях и временных формах глаголов. Поэтому автор основное внимание уделяет наклонениям. В этой связи следует отметить, что вопрос о наклонениях в тюркском языкознании до сих пор остается одной из нерешенных проблем. То или иное наклонение базируется на форме основы глаголов. В качестве примера автор приводит основу (корень) глагола *bağ* 'идти': *bağ*, *bağam*, *bağdım*, *bağantım*, *bağapım* и т. д. и приходит к весьма убедительному выводу, что многочисленные аналитические формы, которые принято считать в настоящее время тем или иным наклонением,

представляют собой аналитические конструкции со значением модальности.

Такие формы, как, например, *qajtqu kilä*, *bağuu kilä*, выражающие желательное наклонение, не являются знаменательной формой глагола, поскольку его первый компонент приобретает субстантивное значение.

Отдельными башкирскими языковедами сочетания типа *bağayım bağ*, *bağuyğa kārāk*, *bağuyğa tejeş* рассматриваются как одна из форм наклонений. По мнению автора, эти формы являются аналитическими конструкциями, выражающими различные модальные отношения. В своей монографии М. В. Зайнуллин устанавливает четкие критерии разграничения наклонений и аналитических конструкций. Как полагает автор, наклонение прежде всего является категориальной формой глагола, образованной специальными аффиксами. Наклонение, как синтетико-морфологическая форма, может быть и аналитической, но в таком случае данные конструкции целиком и полностью должны быть прагматизированными. Автор прав, отмечая, что аналитические формы типа *eşläp bula*, *eşläj ala*, *eş ärgä mötkin*, *eşlärgä jajağ* и другие не являются наклонениями. Они составляют разряд не чисто морфологических, а лексико-грамматических форм, степень грамматизированности которых весьма различна.

Следовательно, в башкирском языке, да и в других тюркских языках наклонение и временные формы глаголов являются формами синкретическими. Семантика форм наклонений в сущности и представляет собой модальность. Наряду с этим модальность, будучи в высшей степени обобщенным грамматическим понятием, передающимся временными формами и наклонениями глаголов, отражает и конструктивный признак предложения. Таким образом, модальность — это морфолого-синтаксическая, то есть грамматическая, категория.

В вопросе определения категории модальности не только в тюркологии, но и в языкознании в целом мнения ученых разделяются. Одни исследователи (представители «классической» лингвистики) склонны считать ее чисто морфологической категорией, другие (В. В. Виноградов), наоборот, убеждены в том, что она носит явно синтаксический характер. Анализ существующих критериев определения лингвистической сущности категории модальности посвящен второй раздел (стр. 47—50) монографии.

В третьем разделе (стр. 51—61) дается обобщенный обзор изучения проблемы модальности в башкирском языкознании и в тюркологии. Отдельные аспекты категории модальности нашли отражения в исследованиях Н. К. Дмитриева, И. А. Батманова, Е. И. Убратовой, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, А. А. Юлдашева, Дж. Г. Киекбаева, М. З. Закиева, Н. Г. Агазаде, А. Н. Нурмахановой, Х. Г. Юсупова, Р. М. Федотова, И. Мусаева и др. В тюркских языках, в том числе и в башкирском, одни ис-

следователи делят модальные слова на слишком большое число семантических групп, другие — к модальным словам относят сочетания весьма далекие от значения модальности, третьи — чрезмерно сужают семантическую нагрузку данной категории, сводя ее к служебным словам, выполняющим в контексте лишь модальные функции. Одним словом, численный состав модальных слов явно раздувается за счет включения в эту категорию таких слов, как *berensenän*, *hinenşä*, *timäk*, *qıfcahı*, *äjtändäj* и другие, которые вовсе не несут модальной нагрузки. С нашей точки зрения, М. В. Зайнуллин справедливо дифференцирует модальные значения, выражающие отношение говорящего к высказываемому, выделяя такие семантические оттенки, как вероятность, реальность, достоверность, необходимость, предположение, отрицание, утверждение и др.

В четвертом разделе монографии (стр. 62—85) рассматривается модальность действительности, то есть индикативная модальность, выражаемая главным образом изъявительным наклонением и его временными формами. В современном башкирском языке изъявительное наклонение отличается богатством временных форм, число которых доходит до одиннадцати. Категория времени, как грамматическая категория, отражает в языке объективное время. Грамматическое время выражает отношение времени действия к моменту речи.

Модальность действительности отражается в основном в грамматико-семантической структуре таких категорий, как определенность (очевидность) и неопределенность (неочевидность) действия. Именно поэтому в данном разделе монографии особое внимание уделяется рассмотрению отдельных временных форм изъявительного наклонения, выражающих модальные значения. Автор анализирует модальные оттенки таких форм, как *barđu*, *kilde* — определенное (очевидное) прошедшее время; *barıan*, *kilgän* — неопределенное (неочевидное) прошедшее время; *bara torıajnu*, *barıg ine*, *bara torıan buldu*, *barıg buldu* — определенные (очевидные) формы давнопрошедшего времени; *alır bulıan*, *ala torıan bulıan* — неопределенные (неочевидные) формы давнопрошедшего времени; *bara*, *kilä*, *ıquj*, *ıaba* — настоящее время. Здесь же рассматриваются экспрессивно-модальные значения форм *maqtaıan bula*, *jörögän bula*, *jıglaştııan bul*, *kilep jetkän ikän* и другие, а также усилительно-утвердительные модальные частицы *bit*, *dabaha*, *da*, *dä* (*halıan da*), *-sy*, *-se* (*kagatıan-sy*), *inde*, которые в составе аналитических конструкций придают дополнительные модальные значения глагольным формам.

Выражение модальности возможности и невозможности (V раздел, стр. 86—96) автор находит в аналитических конструкциях типа *eşläp bula*, *eşläp bulmaj*, *eşläj ala*, *eşläj almaj*, *ıquııa bula*, *ıquııatııa bula*, *ıquııa bireü*, *ıquııa birmäu*, *ıquııa möt-*

kin, *ıquııa mötkin bulır*, *ıquııa mötkin bulır ine*, *ıquııa mötkin bula torıajnu*; *ıquııa mötkin tıgel ine*; *ıquııa jaraj*, *ıquııa jarajmaj*, *ıquııa jaraj torıajnu* и др. В этом же разделе приводится и парадигма спряжений глаголов определенного (очевидного) прошедшего, неопределенного (неочевидного) прошедшего, настоящего, определенного будущего и неопределенного будущего времен.

Модальность должествования, или же дебитивная форма модальности (VI раздел, стр. 97—107), как полагает автор, в других тюркских языках, в частности, в огузских (азербайджанском, турецком, гагаузском, туркменском), формируется самостоятельной категориальной формой глаголов, то есть должествовательным наклонением. Сравните, например, азерб. *män almaly-jam*, туркм. *män almalı*, *rağ. bap almaly* и др. Однако в современном башкирском языке, по мнению автора, не существует самостоятельного наклонения, выражающего значение должествования. Поэтому дебитивная форма модальности в башкирском языке реализуется при помощи аналитических конструкций типа *alırıa kăräk*, *alırıa tejeş*, *alırı bar*, *alırı juq* и др. В работе иллюстрируется парадигма спряжений этих конструкций и анализируется их модальные значения.

Императивная форма модальности (VII раздел, стр. 108—125), в отличие от других форм, имеет свои релевантные значения, что прежде всего связано с самой грамматической природой повелительного наклонения. Модальные значения этой формы зависят от уровня интонации и характера повеления. В работе достаточно полно проанализированы семантические оттенки императивной модальности, особое внимание уделено выявлению таких нюансов значения, как приказание, призыв, просьба, пожелание, совет, мольба, увещание, позволение, предупреждение и угроза.

В восьмом разделе монографии (стр. 126—137) рассматривается модальность, выражающая предположение, сомнения и догадки. В тюркской лингвистике существуют различные мнения относительно формулировки названия грамматической категории будущего (неопределенного) времени. Поэтому в грамматических описаниях современных тюркских языков одно и то же будущее время называется по-разному. Сравните, например: «некатегорическое будущее время» («Грамматика азербайджанского языка», Баку, 1971), «будущее нерешительное» (М. З. Закиев), «будущее предположительное» (А. Н. Кононов). Аналогичный разнобой можно наблюдать и в наименовании будущего (определенного) времени: «конкретное будущее время» («Хэзирки заман туркмен дили», Ашгабат, 1960), «категорическое будущее время» (Д. Г. Тумашева). Такое положение, как полагает М. В. Зайнуллин, обусловлено модальными оттенками этой грамматической категории, поскольку будущее время изъявительного на-

лонения является основным морфологическим средством образования модальности, выражающей значение гипотезы, сомнения, предположения. В современном башкирском языке гипотетическая модальность находит отражение в таких формах, как *alyghuñ, alyghuñ, alyghuñuñ, almat, almañ-huñ, almatuñ* и др. В данном разделе рассматриваются также вводные слова *axuğu, bälki, buçaj, belmäjem* и другие, служебные слова *ällä, şikelle, humaq, töñlō, keñek* и другие, выполняющие функцию модального члена предложения, выражающего гипотетическую модальность.

Последний раздел монографии (стр. 138—151) посвящен анализу выражения модального значения желания и цели, в основном морфологически реализующимся глаголам желательного наклонения и наклонения с целевым оттенком. Сюда автор относит следующие формы: *barajum, kiläjem, bar-um kilä, kilgem kilä, barmaqsy bula* и др. Модальными значениями желания и цели обладают также многочисленные аналитические конструкции. Как полагает автор, такие предикативные категории являются довольно развитыми грамматическими формами в системе глаголов современного башкирского языка.

В заключение необходимо подчеркнуть, что М. В. Зайнуллин в рецензируемой монографии научно убедительно вскрыл природу модальности, классифицировал модальные значения, установил их границы, выявил лексико-грамматические и грамматические способы образования этой довольно сложной лингвистической категории.

Книга М. В. Зайнуллина не лишена и отдельных недостатков. Серьезным упущением автора является, по нашему мнению, то обстоятельство, что работа, посвященная изучению одной из актуальных проблем тюркологии, не снабжена развернутым резюме на русском языке. Это в определенной степени сужает круг ее читателей.

При анализе отдельных вопросов категории модальности автор не привлекает данных других близкородственных тюркских языков.

Им упущена из виду также семантическая связь между модальными глаголами *käräk* и *sollen, tejeş* и *können*. Как известно, в современном башкирском языке имеется долженствовательное наклонение, которое, помимо основного глагола, оформляется и модальными глаголами *käräk* и *tejeş*. По своей семантике эти модальные слова идентичны с модальными глаголами немецкого языка *sollen, können*.

Указанные частные недостатки, разумеется, несколько не уменьшают научной значимости работы М. В. Зайнуллина.

Основанная на богатом фактическом материале художественной литературы, устно-поэтического народного творчества и периодической печати, монография М. В. Зайнуллина представляет значительный интерес для тюркологов, занимающихся исследованием морфологии и синтаксиса тюркских языков.

Р. Г. Азнагулов

С. М. ИБРАГИМОВ. ТАТАР ТЕЛЕНДӘ СИНТАКСИК СИНОНИМНАР.

КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫ НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1976, 168 стр.

Рецензируемая работа «Синтаксические синонимы в татарском языке» посвящена малоизученной в тюркологии проблеме: определению синтаксических синонимов, выделению их типов и стилистическому использованию.

Книга состоит из пяти разделов. В первом из них автором обосновывается актуальность изучения синтаксической синонимии, находящейся в тесной связи с некоторыми теоретическими и практическими вопросами синтаксиса, стилистики, переводческой практики, культуры речи.

Многие аспекты проблемы синтаксической синонимии еще ждут своего решения. Пока еще не дано, по мнению автора, точного определения этому явлению, не установ-

лены единые принципы выделения синтаксических синонимов. Иногда определение основывается на разноструктурности свободного сочетания слов, предложений, на однородности отношения и связи с реальной действительностью; иногда — на взаимозаменяемости сопоставляемых конструкций; некоторые определения основываются также на принципе тождественности синтаксических значений.

Автор подвергает подробному анализу высказывания других татарских ученых по исследуемой им проблеме (К. Насыри, М. Курбангалиева, Дж. Валиди, С. Атнагулова, Г. Алпарова, В. Хангильдина, Л. Залая, Х. Курбатова, М. Закиева, Ш. Ханбиковой и др.), а также специалистов по

другим тюркским языкам (С. Акберова, М. Аскарновой, О. Ахмедовой, Ф. Убаевой, М. Томанова, Ш. Абдуллаевой и др.). Рассмотрев целый ряд определений синтаксических синонимов, автор приходит к заключению, что в их основе лежат различные принципы. Не соглашаясь ни с одним из них, С. М. Ибрагимов предлагает свое собственное определение, основанное на грамматическом значении и, на наш взгляд, приемлемое для всех языков: синтаксическими синонимами следует считать конструкции, компоненты которых близки по грамматическим функциям и значениям, но структура их и средства связи между компонентами различны (стр. 26). Следовательно, синтаксические синонимы характеризуются общностью грамматического значения, функций и различаются своей структурой.

Заслуживает пристального внимания разграничение автором понятий синтаксических синонимов, синтаксических вариантов и параллелей, которые нередко смешиваются и отождествляются в стилистике. Автор справедливо считает, что каждое из этих явлений имеет свои, присущие только ему, признаки. Понятие синтаксических параллелей шире, чем понятие синтаксических синонимов. Синтаксические синонимы — это конструкции, характеризующиеся функциональной близостью и однородностью грамматического значения. Синтаксические параллели могут включать конструкции, компоненты которых выполняют различные функции, но имеют одинаковое реальное содержание. Синтаксические же варианты не имеют структурных различий, несущественно и незначительно отличаясь лишь составом предложения: наличием или отсутствием отдельных модальных слов, частиц, повторов и т. д. (стр. 10).

В функционально-структурном отношении С. М. Ибрагимовым выделяются разновидности синтаксических синонимов, а именно синонимика: а) словосочетаний, б) односоставных предложений, в) активных и пассивных конструкций, г) отрицательных и утвердительных предложений, д) членов предложения и придаточного предложения, е) аналитических и синтетических конструкций, ж) прямой и косвенной речи. Следует отметить интересное решение автором вопроса межаспектной синонимии.

Совершенно новым является рассмотрение синтаксической синонимии в диахроническом аспекте, причем автор справедливо считает формирование синтаксической синонимии следствием замены средств связи, усиления значения главных слов в словосочетании, уподобления.

Второй раздел посвящен описанию синтаксиса словосочетаний. Автор детально рассматривает синонимии различных моделей глагольных словосочетаний с именами: при помощи падежных аффиксов, некоторых формообразующих и словообразующих аффиксов (-ly, -le; -syz, -sez; -daj, -daj; -ča, čä; -yan, -gän; -yača, -gäčä), выступающих в синтаксическом аспекте и как

средство подчинительной связи слов, а также при помощи послелогов и послеложных слов, что в последнее время получило особенное распространение в татарском языке. Материалы, собранные С. М. Ибрагимовым и рассмотренные им в этом же разделе, позволяют убедиться в исключительном богатстве татарского языка синтаксическими синонимами и в наличии широких возможностей их стилистического варьирования.

В разделе «Синонимика односоставных предложений» автор подробно останавливается на синонимике односоставных и двусоставных предложений, на синонимике односоставных предложений различных типов и на синонимике односоставных предложений внутри одного типа.

В четвертом разделе рассматривается синонимика активных и пассивных конструкций, связанных с морфологической категорией залога, понятиями подлежащего, сказуемого, объекта, процесса, исполнителя, субъекта, то есть непосредственно с грамматическими и логическими категориями, имеющими прямое отношение к синтаксису. Автор убедительно доказывает, что чрезмерное увлечение в современном татарском языке пассивными конструкциями обедняет язык, лишает его эмоциональности и доходчивости, затрудняет чтение.

Пятый раздел посвящен исследованию синонимии сравнительных конструкций. Автор выделяет четыре элемента сравнения: субъект, объект, основа и средства связи. В сравнительных конструкциях, как показывает автор, встречаются оба типа связи: сочинительная и подчинительная. Сочинительная связь распространена главным образом в языке фольклора — пословицах, поговорках. Сравнительные конструкции, в основе которых лежит подчинительная связь слов, справедливо подразделяется автором на аналитическую и синтетическую разновидности. В сравнительных конструкциях синтетического типа средствами связи являются послелоги и послеложные слова, вспомогательные глаголы, падежные аффиксы, аффиксы сравнения, средство примыкания. С вышеназванными сравнительными предложениями синонимичны, как доказывает автор, аналитические конструкции, образованные при помощи относительных слов, союзов и союзных слов.

Работа С. М. Ибрагимова опирается на богатый фактический материал языка художественной, научной, публицистической, переводной литературы и фольклора. Примеры особенно ценны тем, что компоненты многих синонимических конструкций в них имеют один и тот же лексический состав, различаясь только средствами связи. Это так называемые «идеальные» примеры. Приведем некоторые из них (в сокращении): teldän äjtelgäč, tel belän äjtelgäč (А. Гилязов); tañda çyууp kitü (Г. Ибрагимов); tañ belän çyууp kitü (Ш. Усманов); qomačtañ qyzaryndy (А. Расих); qomač kebek qyzaryndy (И. Газиз); moñarçy kürmägän (Г. Аб-

салямов); моңа çaqly kürmägän, моңа хәтле kürmägän (Ф. Хусни); tavyştan-siskäper qujdy, tavyşna siskäper qujdy (Г. Хузи) и т. д.

Практическая ценность выдвинутых автором положений заключается в том, что им приводятся многочисленные примеры игнорирования возможностей синтаксической синонимии и предлагаются методы избежания этого недостатка. Например, нагромождение аффиксов одного и того же падежа: Avyl xuzalyuy artelenen kolhozçy udarniklagynıñ ikençe Bötensojuz sjezdynda qabul itelgän Ustavynıñ ähämiätle prınsıplary zaman tikşezüen üttelär (газета «Социалистик Татарстан»); чрезмерное увлечение послелогами: belän, bujynça: keşelär bire-dän güjä Lenin iseme belän bäljängän böjek idejälär nury belän jaqtyrlyğan açuq jöz belän çuylar (газета «Иолдыз»); Quşny ozatu könenä traditsiä bujynça boz astypnan balyq totu bujynça berençelekkä jaryşlar ütkärelde (газета «Идел ягы») и т. д. Все это, по справедливому замечанию автора, превращает текст фактически в непонятный набор слов. Анализ этих недостатков и синтаксические синонимы, предложенные самим автором или взятые им из других источников, вполне убедительны и возражений вызвать не могут.

Язык самого исследования и его стиль отличаются изяществом и совершенством, что лишний раз указывает на тонкий вкус и языковое чутье автора.

В книге синонимика исследуется на материале языка современной художественной литературы, в котором употребляется много новых синтаксических фигур. К сожалению, в работе не учтены такие явления, как синонимика неполных предложений с явлением присоединения, сегментированных конструкций с назывными предложениями и т. д.

В современном татарском языке, особенно в языке периодики, встречается немало калькированных с русского языка конструкций, порой нарушающих естественность изложения. Этот интересный аспект остался, к сожалению, за пределами внимания автора.

Новизной поставленных и решенных проблем в области татарского и в целом тюркского языкознания, теоретической обоснованностью, богатством фактического материала и удачной его систематизацией монография С. М. Ибрагимова, несомненно, привлечет внимание специалистов и сыграет заметную роль в исследовании синтаксической синонимии в тюркских языках.

М. З. Закиев

Ф. А. ГАНИЕВ. СУФФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАЗАНЬ, 1976, 108 стр.

Рецензируемая работа посвящена монографическому исследованию суффиксального образования одной из наиболее сложных и спорных частей речи татарского языка — глагола. Она является продолжением исследований, проводимых Ф. А. Ганиевым в области суффиксального словообразования в современном татарском языке. В первой работе автора — «Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке» (Казань, 1974) были рассмотрены теоретические вопросы словообразования и суффиксальное образование имен существительных, прилагательных и наречий.

Исследуя эту актуальную проблему, Ф. А. Ганиев исходит из того, что в татарском языкознании еще недостаточно изучены вопросы словообразования вообще и суффиксального словообразования в частности, а именно: не определены теоретические основы разработки проблем словообразования; не решен однозначно вопрос о типах суф-

фиксов по их характеру; не выявлены все словообразовательные суффиксы и их значения (определены лишь тематические значения словообразовательных суффиксов, без учета их системных связей с производящей основой, что дает большой простор для субъективного толкования значений суффиксов; не найдены надежные критерии различия значений полифункциональных суффиксов. Разработке этих вопросов и посвящена рецензируемая работа автора.

В книге Ф. А. Ганиева рассматривается богатый языковой материал, привлеченный из татарско-русских, русско-татарских и терминологических словарей, изданных в послеоктябрьский период. Автором анализируется около шести десятков глаголообразующих суффиксов татарского языка.

Исследованию конкретного языкового материала предпослано введение — «Краткая история изучения суффиксального образования глаголов в тюркологии и татарском языкознании», в котором прослеживается

история изучения глаголообразующих суффиксов в тюркских языках, начиная с грамматики А. Казембека и кончая трудами последних лет. Дана краткая характеристика специальных исследований по суффиксальному образованию глаголов в тюркских языках, в частности, работы Э. В. Севортяна «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (М., 1962), соответствующей главы монографии С. Джафарова «Азәрбајжан дилиндә сөз јарадычылыгы» (Баку, 1960) и книги В. А. Исенгалиевой «Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка» (Алма-Ата, 1966). Особо выделяется Ф. А. Ганиевым работа Э. В. Севортяна, теоретические положения которой и легли в основу монографии автора.

Проследившая историю изучения проблемы в татарском языкознании, Ф. А. Ганиев отмечает определенные успехи, достигнутые в ее разработке, и дает высокую оценку специальной работе Ш. А. Рамазанова о глаголообразовании в татарском языке. Большой интерес представляют сводные таблицы, наглядно иллюстрирующие динамику изучения глаголообразующих суффиксов в татарском языкознании и в трудах по другим тюркским языкам.

В конце вводной части дается общая характеристика суффиксального образования глаголов как одного из продуктивных способов глаголообразования и характеризуются производящие основы глаголообразующих суффиксов с точки зрения их структуры.

Приступая к анализу суффиксального образования глаголов, автор подразделяет глаголообразующие суффиксы на структурно расчленимые — живые и нерасчленимые — мертвые. Живые суффиксы, в свою очередь, подразделяются им на производительные и непроизводительные. Под термином «производительные» автор понимает суффиксы, образующие новые слова и в настоящее время. «Непроизводительными» он называет суффиксы, в настоящее время уже не образующие новых слов и встречающиеся лишь в ранее образованных производных словах¹.

На наш взгляд, при конкретной реализации автором классификации глаголообразующих суффиксов возникает ряд спорных моментов. Так, например, недостаточно мотивировано отнесение некоторых из них к той или иной группе: очень спорно отнесение к производительным суффиксов *-ыр/-ер-, -р-; -ыш/-еш-, -и-,* к непроизводительным — *-дыр/-дер-, -тыр/-тер-* и некоторых других.

Рассматривая около шести десятков производительных и непроизводительных глаголообразующих суффиксов, автор каждый из них анализирует по следующей схеме:

устанавливает, отмечался ли данный суффикс тюркологами и татарскими языковедами до него или же впервые выделяется им самим; исследует его этимологию (анализируются мнения ученых о происхождении этого суффикса, излагается точка зрения самого Ф. А. Ганиева); далее определяет производящие основы и дает сводные таблицы, иллюстрирующие процентное соотношение производящих основ, а иногда (например, при анализе суффикса *-ла-*) и некоторых производящих основ по тематическим группам; приводит характеристику производящих основ по языку-источнику и сводную таблицу, отражающую процентное соотношение основ по их происхождению. При этом Ф. А. Ганиевым обнаруживаются весьма интересные факты: в качестве производящей основы большинства глаголообразующих суффиксов могут выступать заимствования из любого языка. Так, например, суффикс *-ла-* присоединяется и к исконно татарским словам, и к заимствованиям из западно-европейских, русского, арабского, персидского, монгольского, китайского и других языков. В заключение анализируются значения этого суффикса, строго определяемые в системной связи с производящими основами, в зависимости от их значений. Эти значения обосновываются доказательным языковым материалом.

В результате проведения столь кропотливой работы исследователем выявлено более четырех десятков живых глаголообразующих суффиксов, не отмеченных в татарских грамматиках; составлен список нерасчленимых суффиксов; дана четкая количественная характеристика образований с каждым из живых глаголообразующих суффиксов и производящих основ по их лексико-грамматическому характеру и языку-источнику. Впервые в татарском языкознании значения словообразовательных суффиксов раскрываются в системной связи со значениями производящих основ. Автор устанавливает, что, в отличие от некоторых других тюркских языков, в татарском производные глаголы с тем или иным суффиксом образуются, как правило, лишь от одного и очень редко от двух и более значений полисемантических основ.

Достоинством книги является то, что она базируется на богатом фактическом языковом материале двуязычных и терминологических словарей современного татарского языка. При раскрытии этимологии ряда суффиксов, а также структуры и функций некоторых словообразовательных типов использованы и материалы диалектологических словарей и этимологического словаря тюркских языков Э. В. Севортяна.

Работа Ф. А. Ганиева является значительным достижением в изучении структуры татарского слова. Она имеет и большое практическое значение: исследование вопросов словообразования в татарском языке на основе научных принципов, утвердившихся в современном языкознании, актуально как

¹ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 58.

для создания научно-описательных и школьных грамматик, так и для составления словарей и сравнительного изучения языков.

Как в любой большой работе, в книге имеются отдельные недочеты и спорные моменты. В нее не включены отмеченные в специальных исследованиях некоторые словообразовательные значения так называемых залоговых аффиксов. Трудно согласиться и с интерпретацией значений некоторых суффиксов, в частности, суффикса *-лаш/-лаш-*. (Так, например, на стр. 36 значение

производного глагола *кристаллашу* 'кристаллизоваться' толкуется как выражение действия, происходящего между двумя объектами — кристаллом и некристаллом, тогда как семантика этого слова предполагает превращение в состояние, выраженное производящей основой).

Однако указанные погрешности не умаляют общего значения книги. Работа, бесспорно, с интересом будет встречена тюркологами.

К. З. Зиннатуллина

«TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES»

TOME VIII (1—2), PARIS — STRASBOURG 1975

Вышел VIII том (части 1 и 2) международного тюркологического ежегодника «Turcica». Первая часть тома включает десять статей, два научных сообщения и тринадцать рецензий на книги и монографии по проблемам тюркологии, изданные в последние годы.

В статье В. Дримбы «Косвенная речь в турецком языке» (*Le style indirect libre en turc de Turquie*) дается анализ лингвистических аспектов данной проблемы, которой до сих пор была специально посвящена лишь статья А. Титце «*Erlebte Rede im Türkischen*» («Oriens», XV, 1962).

Автор статьи «Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII—XII веков» (*Les sources syriaques sur les croyances et les mœurs des Oghuz du VIIe au XIIe siècle*) Р. А. Гусейнов рассматривает два важных для изучения истории огузов VII—XII веков сирийских источника — «Хронику» Миханла Сирийца и «Всеобщую историю» Григория Бар-Эбрея. Р. А. Гусейнов приводит ряд интересных исторических свидетельств упомянутых авторов о религиозных верованиях огузов, их обычаях.

В статье Ж.-П. Ру и М.-М. Массэ «Нуминативные объекты у турков и монголов. II. Перья» (*Quelques objets numineux des Turcs et des Mongols. II. Les plumes*) на основе изучения миниатюр и обширного этнографического материала (костюм) исследуется значение элементов украшений из перьев в социальной и сакральной символике тюркоязычных и монгольских народов.

Статья М. Николя «Мусульманская община в Греции (Родос и Кос)» [*Une communauté musulmane de Grèce (Rhodos et Kos)*] посвящена культурно-историческим проблемам, связанным с изучением истории

двух островов Додеканеса — Родоса и Коса, в османский и послеосманский периоды. Статья дополнена библиографией.

Статья К. Озбайры и Э. Закоса-Папазариу «Материалы об устной традиции турок критского происхождения. Документы, касающиеся ислама на о. Крит» (*Documents de tradition orale des Turcs d'origine crétoise. Documents relatif à l'Islam crétois, I*) содержит обзор проблем, связанных с религиозной и демографической ситуацией на острове Крит в период османского господства. К статье приложена библиография.

В работе Р. Дора «Фольклор жителей северо-восточного Афганистана. I. Киргизы Памира» (*Orature du Nord-Est Afghan, I. Les Kirghiz du Pamir*) рассматриваются вопросы устной поэтической традиции киргизов афганского Бадахшана. Автор приводит текст и перевод на французский язык одной из народных песен киргизов Афганистана — «Абдул Сатар».

Статья М. Лезюра «Записи и документы, относящиеся к венециано-османским связям 1570—1573 (II)» [*Notes et documents sur les relations vénéto-ottomanes 1570—1573 (II)*] посвящена изучению внешней политики Османской империи, в частности, ее отношениям с Венецией; работа построена на материалах венецианских архивов. Автор широко использует донесения венецианского посла Марка Антонио Барбаро, приводит текст одного из них.

Статья У. Хаармана «Сообщения Эвлия Челеби о древностях Гизы» (*Evliya Celebis Bericht über die Altertümer von Gize*) посвящена критическому разбору текста Эвлия Челеби, известного турецкого путешественника XVII века. Этот текст содержит интересные сведения о Египте и его древних памятниках.

В статье З. Абрахамовича «Османская тугра русского императора» (*La tughra ottomane de l'empereur de Russie*) освещаются вопросы русской политики в отношении Крыма после его присоединения к России. В частности, автор анализирует факт использования Николаем I тугры по образцу тугры османских султанов.

Авторы статьи «Арабский источник XIX в., посвященный османской династии» (*A nineteenth-century arabic survey of the Ottoman dynasty*) Р. Эбид и М. Янг предлагают текст и перевод на английский язык документа анонимного арабского автора середины XIX века. Документ представляет собой хронологический и кратко аннотированный перечень султанов османской династии.

В первую часть VIII тома «*Turcica*» включены рецензия Н. Белдичану на книгу — Н. Hadžibegić, A. Handžić. *Oblast Brankovića opširni katastarski popis iz 1455 godine*, 2t., Sarajevo, 1972; краткое научное сообщение И. Белдичану-Штајнер, М. Беринден и Ж. Вайнштейн «Тимар в провинции Трабзон (конец XV в.)» [*Attribution de timâr dans la province de Trébizonde (fin du XVe siècle)*], построенное на анализе ряда турецких документов; рецензия А. фон Габен на исследование — Albert von Le Coq, *Die buddhistische Spätantike in Mittelasien*; III: *Die Wandmaleien*; *Ergebnisse der Kgl. preussischen Turfan Expeditionen*, Graz, 1974; Л. Амбина на книгу — A. von Gabain, *Das Leben im uigurischen königreich von Qoço (850—1250)*, Wiesbaden, 1973; Л. Базена на — B. Atsız, H.-J. Kissling, *Sammlung türkischer Redensarten*, Wiesbaden, 1974; Н. Белдичану на книгу — B. Cămpina, *Serieri istorice*, t. I, 1 vol., Bucarest, 1973; его же на книгу — M. Guboglu, *Cronici turcești privind țările române*, 1 vol., Bucarest, 1974; его же на — B. Stolz, S. Soucek, *Memoirs of a janissary* Konstantin Mihailovic, 1 vol., Ann Arbor-Michigan, 1975; Р. Мантрана на — J. Matuz, *Das Kanzleiwesen Sultan Süleymâns des Prächtigen*, Wiesbaden, 1974; Ж. Обэна на книгу — K. H. Karpat, ed., *The Ottoman state and its place in world history*, Leyde, 1974; его же на книгу — A. P. Vella, *An Elizabethan-Ottoman conspiracy*, Malte, 1972; М.-Т. Дени-Комбе на — B. G. Spiridonakis, *Empire Ottomane*, Thessaloniki, 1973; Ж.-Л. Бакэ-Граммона на книгу — A. Tietze, «*Turkologischer Anzeiger*», *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands*, 67, 1975.

Во второй части VIII тома «*Turcica*» помещены статья Н. Тодорова, посвященная памяти известного болгарского турколога проф. Б. Недкова, скончавшегося в 1975 году, восемь статей и научных сообщений, а также двенадцать рецензий на вышедшие в последние годы работы по основным вопросам тюркологической науки.

В статье С. О. Хашима «Точная титулатура одного из ханов Междуречья» (*Les titres exacts d'un Khan de la Transoxiane*) анализу подвергнуты титулы Тамгач-хана Ибрахима ибн Насра (1052/3—1068) — одного из ханов Маверраанхра периода господства тюркских ханов.

В статье Ж. Обэна «Чагатайский улус и Хорасан (1334—1380)» [*Le Khanat de Sagatai et le Khorassan (1334—1380)*] исследуется военная и политическая экспансия Чагатайского улуса во второй половине XIV века.

Автор статьи «Суверен в тимуридском государстве (XIV—XV вв.)» [*The sovereign in the Timurid state (XIVth—XVth centuries)*] М. Хайдер основное внимание уделяет исследованию понятия и практики верховной власти в Средней Азии в XIV—XV веках.

В статье «Надмогильные стелы Айасолука. III. Две погребальные колонны, датируемые 1439 г.» (*Les stèles funéraires d'Ayasoluk. III. Deux colonnes funéraires de l'an 1439*) автор — А. С. Меликян-Ширвани продолжает изучение истоков османского искусства, привлекая, как и в серии своих предыдущих статей, материалы эпитафий, обнаруженных близ Айасолука.

Н. Белдичану в статье «Тимар Муслих эд-Дина, воспитателя шаха Селима» (*Le timar de Muşlih ed-Din, précepteur de Selim Şah*) анализирует несколько тимарских регистров из Архива Президентского совета в Стамбуле периода с 1496/1497 по 1500/1501 год и на их основании исследует характер, структуру и доходы тимара Муслих эд-Дина. В статье приводятся текст и перевод одного из документов.

Статья М. Беринден и Ж. Вайнштейна «Тана-Азов в период от итальянского присутствия в нем до османского владычества» (*Le Tana-Azaq de la présence italienne à l'empire ottomane (fin XIIIe — milieu XVIe siècle)*) посвящена вопросам экономической истории Азова со времени его интенсивных торговых связей с итальянскими городами-республиками до периода османского владычества. К статье приложены документы из итальянских и турецких архивов.

Авторы статьи «Великая ногайская орда и проблемы связей Османской империи со Средней Азией в 1552—1556 гг.» (*La grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552—1556*) А. Бергинсен и Ш. Лемерсье-Келкежей исследуют отношения между Османской империей и Ногайской ордой, используя материалы турецких архивов, в частности, коллекцию документов, известную под названием «*Mühimme Defterleri*» и хранящуюся в Архиве Президентского совета в Стамбуле. Авторами использованы также материалы русских исследований, базирующихся на архивных документах периода Московской Руси.

Ж.-Л. Бакэ-Граммон в сообщении «Заметки касательно наложения ареста на иранские шелка в 1518 г.» (Notes sur une saisie des soies d'Iran en 1518) продолжает изучение проблем, связанных с нарушением торговых связей между Турцией и Ираном во время войны между этими странами в период царствования турецкого султана Селима I, привлекая для этого ряд документов из Архива Президентского совета в Стамбуле. К сообщению приложены тексты нескольких документов и их переводы.

Вторая часть VIII тома «Turcica» завершается разделом рецензий. В нем помещены рецензии Р. Дора на книгу — Е. К. Еу-үбоғлу, *On üçüncü yüzyıldan günümüze kadar, Şiirde ve Halk Dilinde, Atasözleri ve Deyimler*, 2 vol., Istanbul, 1973—1975; М. Николя на исследование — F. Türkmen, *Aşık Garip hikâyesi üzerinde mukayeseli bir araştırma*, 1 vol., Ankara, 1974; Ж.-П. Ру на — R. Dor, *Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir afghan*, Paris, 1975; А. Поповича на монографию — P. N. Boga-

tav, *Türkische Volkserzählungen und die Erzählerkunst*, 2 vol., Taiwan (Formose), 1975; еро же на сборник — B. A. Cvetkova (édit.), *Frenski pâtepisî za Balkanite XV—XVIII v.*, Sofia (?), 1975; Н. Белдичану на труд — M. Ç. Varlık, *Germiyan-ogulları tarihi (1300—1429)*, Ankara, 1974; К. Виллэн-Гандосси на книгу — P. Preto, *Venezia ei Turchi*, Florence, 1975; ее же на исследование — A. Gallotta, *«Le Gazavât di Hayreddîn Barbarossa»*, *Studia Magrebini*, III, Naples, 1970; Ж. Обэна на монографию — Káldy-Nagy Gyula, *Szulejman*, Budapest, 1974; еро же на исследование — Káthona Géza, *Fejezetek a török hódoltsági reformáció történetéből*, Budapest, 1974; еро же на книгу — Tardy Lajos, *Régi magyar követjárások Keleten*, Budapest, 1971; П. Дюмона на труд — M. Gökmen, *Atatürk ve devrimleri bibliografyası*, vol. II, Istanbul, 1974.

И. Е. Фадеева

ХРОНИКА

СЕМИНАР ПО ТЮРКСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

С 8 по 17 февраля 1977 года в Ленинграде при Географическом обществе СССР (при Академии наук СССР) состоялся Семинар по тюркской лингвистической географии для составителей «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ) и атласов по отдельным тюркским языкам. Семинар был организован в соответствии с планом работы Советского Комитета тюркологов, по рекомендации Всесоюзной тюркологической конференции (Алма-Ата, 27—29 сентября 1976 года). Проведен Лингвогеографической группой Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР под руководством профессора М. А. Бородин.

Семинар открыл председатель Советского Комитета тюркологов академик А. Н. Кононов, отметивший, что в исследовании тюркских языков достигнуты крупные успехи, в республиках имеются национальные кадры, способные решать серьезные научные проблемы. На данном этапе развития тюркского языкознания особую актуальность приобретает прежде всего составление диалектологического атласа тюркских языков СССР и диалектологических атласов по отдельным тюркским языкам. Подготовка атласов в конечном итоге поможет воссоздать развернутую картину истории формирования тюркских языков и будет способствовать правильному решению вопросов этнического происхождения их носителей. Далее А. Н. Кононов остановился на целях и задачах Семинара, пожелал его участникам успешной работы. Он сердечно поблагодарил М. А. Бородину, взявшую на себя труд по организации и проведению Семинара и подготовке исключительно интересной и весьма полезной его программы, а также Географическое общество при Академии наук СССР в лице К. А. Звонарева — председателя Отделения математической географии и картографии, оказавшего содействие в организации Семинара и способствовавшего его успешной работе.

М. А. Бородина в докладе «Пространственные закономерности и лингвистическое

картографирование», прочитанном на первом заседании Семинара, выявила связь лингвистической географии с общими вопросами картографирования и теоретическими проблемами географии, а также остановилась на возможностях использования карты для реконструкции прошлых состояний языка.

На Семинаре, носившем учебно-организационный характер, собрались исполнители четырех зон ДАТЯ, представляющие практически почти все тюркские языки Советского Союза, а также руководители зоны А. М. И. Исламов (Баку) и зоны В. Л. Т. Махмутова (Казань). Активное участие в работе Семинара приняли специалисты по диалектологии и лингвистической географии романских, германских, славянских и финноугорских языков, тюркологи Ленинграда и Москвы, сотрудники Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, Ленинградского государственного университета.

В соответствии с заранее подготовленной программой и намеченными задачами работа Семинара строилась следующим образом. В утренние часы читался курс лекций, включавший обзор развития лингвистической географии в разных странах от Ж. Жильерона до наших дней. В послеобеденное время происходили практические занятия по составлению карты-основы, опросной сетки, по переводу собранного материала на международную транскрипцию, по выработке условных обозначений и составлению пробных карт и т. д.

В лекционном курсе были освещены воззрения школы Ж. Жильерона (М. А. Бородина) и германской диалектологической школы (С. В. Смирницкая, Ленинград), история возникновения русской лингвистической географии и диалектологии (И. А. Попов, Ленинград; И. А. Корнев, Ленинград), достижения венгерской диалектологической и лингвогеографической школ (А. А. Мокань, Ленинград; К. А. Мокань, Ленинград).

С. В. Смирницкая, проанализировавшая методические принципы, характерные для немецкой лингвогеографической школы, на примере ряда фонетических явлений показала возможность интерпретации материалов Немецкого лингвистического атласа («*Deutscher Sprachatlas*», Marburg, 1926), с одной стороны, и региональных атласов Люксембурга и немецких поселений в Трансильвании, с другой. На материале романских атласов было продемонстрировано, как следует производить картографирование отдельных явлений, например, связанных с палатализацией (С. П. Николаева, Ленинград); были показаны некоторые особенности атласов дакороманского массива (Р. Я. Удлер, Кишинев). Для большей наглядности и поучительности Отдел картографии Библиотеки Академии наук СССР предоставил в распоряжение Семинара более сорока лингвистических и этнографических атласов разных языков, которыми представлены важнейшие направления картографирования в языкознании и этнографии; эти атласы анализировались в лекционной части Семинара и были доступны в течение всего Семинара для индивидуального их изучения.

Ознакомление с достижениями предшествующих лингвогеографических школ помогло составителям атласа в выборе приемов и методов нанесения на карты собранных материалов, облегчило систематизацию материала, выделение дифференциальных признаков, выработку системы условных обозначений.

В лекционной части Семинара важное место занимали вопросы определения карты, особенностей ее формы (система знаков, степень нагрузки) и содержания, анализ метода и приемов картографирования, сопоставительная характеристика карт с разными объектами исследования — как лингвистическими, так и нелингвистическими. Этой тематике была посвящена серия лекций, прочитанных специалистом по вопросам теоретической географии и картографии Г. Н. Озеровой (Ленинград) «Методы картографического изображения объектов, явлений и процессов реальной действительности», а также А. А. Кручинной (Ленинград) «Лингвистическое картографирование» и Н. Н. Мильман (Пермь) «Из опыта реконструкции лингвогеографической карты (на материале старофранцузских текстов XII—XIII веков)».

С учетом того, что большинство составителей ДАТЯ одновременно работает над региональными и диалектными словарями, в помощь им были организованы две экскурсии: в Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина при Ленинградском государственном университете и в Кабинет диалектологии Ленинградского педагогического института (ЛГПИ) им. А. И. Герцена. В Межкафедральном словарном кабинете профессор А. И. Иванова познакомила участников Семинара с разными типами слова-

рей, со специально разработанными списками возможных тем для собрания лексикографического материала (составители — В. С. Орлова и А. И. Лебедева). Демонстрированная методика собрания диалектной лексики заинтересовала участников Семинара, они признали возможным использовать ее для разрабатываемой в республиках работы над тюркскими диалектными словарями.

В Кабинете диалектологии ЛГПИ профессор А. И. Чагишева подробно рассказала о ходе работы над «Словарем брянских говоров», о методике собрания материалов и подготовки их к изданию.

Одно из заседаний Семинара было посвящено обмену информацией о ходе работы над ДАТЯ, национальными диалектологическими атласами и диалектными словарями по зонам. Из соображений удобства Кавказская зона и Молдавская ССР были обозначены как зона А; Поволжье — как зона В; Средняя Азия и Казахстан — как зона С; Сибирь — как зона Д.

Руководитель зоны А М. И. Исламов (Баку) сообщил, что в Азербайджанской ССР сбор материала по ДАТЯ закончен; в 1975 году завершено составление диалектологического атласа и трехтомного диалектологического словаря азербайджанского языка, при работе над которым лексикографы опирались на однотомный диалектологический словарь этого языка, изданный в 1964 г. Е. К. Колца (Кишинев) сообщила, что по гагаузскому языку материал для ДАТЯ собран в пяти пунктах. Решено выбрать из них два пункта для нанесения на карту.

Завершен сбор материалов для ДАТЯ по карачаево-балкарскому (Ш. Х. Акбаев, Карачаевск) и ногайскому (С. А. Калмыкова, Черкесск), а по кумыкскому языку — собрание только начинается в 1977 году и охватит шесть опорных пунктов (Д. М. Хангисhev, Махачкала).

Руководитель зоны В Л. Т. Махмутова (Казань) информировала о подготовке для ДАТЯ материала поволжских тюркских языков, собранного в 18 населенных пунктах. Она отметила также, что завершен сбор материала для Диалектологического атласа татарского языка (собран по 843 населенным пунктам) и подготовлен I том этого атласа (квадрат от Рязанской области на западе до реки Вятки на востоке и от Кировской области на севере до Саратовской области на юге). По II тому (квадрат от реки Вятки на западе до Курганской области на востоке, от Пермской области на севере до Оренбургской области на юге) завершен сбор материалов. С 1977 года начнется составление атласа в целом. Заканчивается сбор материала и для дополнительного тома Диалектологического атласа татарского языка (Астраханская, Волгоградская области, Ставропольский край; исполнитель — кандидат филологических наук Л. Ш. Арсланов). На основе трех выпусков в 1969 году был издан Диалектологический

словарь татарского языка (объемом 52 а.л.) с толкованиями на татарском литературном и русском языках.

Л. П. Сергеев (Чебоксары) рассказал о работе над Диалектологическим атласом чувашского языка, I том которого составлен, а для II тома (в нем отражен чувашский ареал Поволжья и Приуралья, за исключением Чувашской АССР) собран материал. Изданы первые диалектологические словари чувашского языка (1968 год и 1971 год, автор — Л. П. Сергеев).

Н. Х. Максютлова (Уфа) проинформировала о ходе работы над «Лингвистическим атласом башкирского языка», начавшейся в 1970 году и охватившей 200 опорных пунктов. Двухтомный «Диалектологический словарь башкирских говоров» издавался в 1967 и 1970 годах (II том дан с переводом диалектных слов на русский язык).

С. Омарбеков (Алма-Ата) рассказал о подготовке материалов для ДАТЯ по казахскому языку, собиравшихся с 1971 года в восьми населенных пунктах. В 1975—1976 годах диалектологи Казахстана работали над составлением пробного атласа южной группы говоров казахского языка. Картографированием охвачено 203 населенных пункта, расположенных между озером Зайсан и Аральским морем на территории Алма-Атинской, Талды-Курганской, Джамбульской, Чимкентской и части Кызыл-Ординской и Семипалатинской областей, а также на территориях Узбекской ССР с казахским населением; составлено 254 лингвистические карты, из которых 132 отражают фонетические, 100 — лексические и 22 — грамматические явления. В следующем пятилетии предполагается продолжить работу над четырехтомным Диалектологическим атласом казахского языка (I — южные области Казахстана, II — западные, III — центрально-северные, IV — восточные). «Казахский диалектологический словарь» издан в 1969 году.

На территории Киргизии, по словам Г. Б. Бакиновой (Фрунзе), материал для ДАТЯ собран в шести населенных пунктах, произведена его систематизация. Составлен «Диалектологический атлас киргизского языка»: более 200 карт охватывают территорию трех союзных республик (Киргизии, Узбекистана, Таджикистана), где проживают носители киргизского языка. I том «Диалектологического словаря киргизского языка» (1972 год) был переиздан с исправлениями в 1976 году.

Ш. Насыров (Ташкент) сообщил, что в Узбекистане собран материал для ДАТЯ по десяти населенным пунктам. Параллельно ведется картографирование говоров отдельных территориальных групп: узбекских говоров Ташкентской, Бухарской и Наманганской областей, а также узбекских говоров верховья Кашкадары.

По каракалпакскому языку в 1976 году были собраны и систематизированы для ДАТЯ материалы по трем пунктам, в 1977 году, как заявил У. Доспанов (Нукус), ра-

бота по сбору будет завершена в двух оставшихся пунктах. В 1975 году закончено составление «Диалектологического атласа каракалпакского языка», охватывающего 49 пунктов. В «Программе атласа» 151 вопрос: 44 — по фонетике, 47 — по грамматике, 69 — по лексике и 20 — по семантике. «Диалектологический атлас каракалпакского языка» предполагается издать в 1979 году. Находится в печати «Диалектологический словарь каракалпакского языка».

Как отметила Г. Саларова (Ашхабад), туркменский материал для ДАТЯ собран по девяти пунктам. По региональному атласу материалы собирались как на территории Туркмении, так и за ее пределами, в частности, на территории Узбекской ССР, Таджикской ССР, Астраханской области и Ставропольского края. В настоящее время заканчивается обработка материалов, составление карт, а с июня 1977 года начнется работа над составлением к ним комментариев.

О состоянии работы в зоне Д сообщила Н. Н. Широбокова (Новосибирск). По языкам Сибири, охват которых был предусмотрен ДАТЯ (якутскому, хакасскому, тувинскому, алтайскому, диалектам сибирских татар), завершено обследование, предусмотренное для ДАТЯ (29 пунктов), материал собран и подвергнут первичной обработке. В 1976 году издан «Диалектологический словарь якутского языка». По мнению руководства зоны Д, необходимо дополнить этот материал в ДАТЯ сведениями по ряду следующих языков, без учета которых карта будет неполной: долганскому (2 пункта, отражающих язык западных и восточных долган, пос. Хета и Усть-Авам); тофскому (1 пункт); шорскому (2 пункта, так как существуют 2 основных диалекта — мрасский и кондомский); чулымско-тюркскому (2 пункта, отражающие особенности нижнечулымского и среднечулымского диалектов); бачатских телеутов (1 пункт на выбор — с. Верховское или с. Челухоево Беловского района Кемеровской области). Желательно увеличить число обследуемых пунктов на территории Якутии: добавить с. Оленек Оленекского района, г. Верхоянск Верхоянского района и некоторые другие.

Представители зоны С полагают, что в ДАТЯ должны быть отражены материалы уйгурского языка; предложено внести в «Сеть опорных пунктов ДАТЯ» два соответствующих пункта.

Целесообразно дополнить атлас материалами, собранными в пунктах распространения узбекского языка на территории других республик¹ (в Турткульском и Ходжейлийском районах Каракалпакской АССР, в том числе нижняя часть г. Узгена, и ряде поселков Киргизской ССР).

Для зоны А были высказаны предложения о необходимости включения карани-

¹ Аналогичные замечания были сделаны и относительно других языков, расположенных вне территории основного расселения их носителей.

ского языка, а также добавления в качестве пункта обследования г. Дербента.

Практические занятия Семинара по тематике были чрезвычайно многообразны и насыщены. Важнейшим вопросом, без решения которого невозможно было бы перейти к созданию карты-основы ДАТЯ, было составление «Сети опорных пунктов ДАТЯ». Основой сетки послужили пункты анкетирования, заявленные диалектологами на Семинаре² в соответствии с ранее принятыми рекомендациями. Была осуществлена сквозная нумерация пунктов по зонам. Список пунктов, включенных в сетку в данной форме, составлен и публикуется впервые (см. Приложение № 1). Была изготовлена карта-основа с нанесением на нее пунктов и их нумерации. В дальнейшем карта-основа и ее сетка должны быть улучшены. Тем не менее подготовленный первичный вариант карты-основы позволил начать работу по картографированию.

Участниками Семинара обсуждался ряд вопросов, касающихся состава карт ДАТЯ, а также способов изображения языковых явлений на картах разного типа. По первому вопросу было признано целесообразным вынести необходимые экстралингвистические сведения на вводные карты (ими должны быть: 1) физико-географическая, 2) политико-административная; 3) историческая карта, показывающая расселение тюрков); часть их желательно опубликовать на кальках для удобства наложения их на лингвистические карты. В ряде современных лингвистических атласов способ изображения языковых явлений находится в зависимости от характера картографируемого материала (условные знаки для фонетических и морфологических явлений, транскрипционная запись лексем при каждом из обследуемых пунктов с тем, чтобы запечатлеть фонетический облик слова). Поэтому возникает необходимость в увеличении масштаба лексических карт, и каждую из четырех зон целесообразно представлять на отдельном листе.

Диалектологи четырех зон совместными усилиями произвели выборку тех языковых явлений из числа обследованных по программе «Вопросника „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“», (М., 1969), которые могли оказаться наиболее показа-

тельными для пробного картографирования. Были отобраны и рассмотрены следующие пункты «Вопросника»: I. Фонетика — первичные долгие гласные а: ~ а, №№ 42—46; начальные й ~ ж ~ ж ~ д' ~ ч ~ с, №№ 57—64; именно эти фонетические явления затем были нанесены на карту. Были также рассмотрены, но не картографированы фонетические вопросы №№ 30—32, №№ 124—128; II. Морфология — № 6: Инфинитивы, имена действия (-ма., -мак., -ырба). В этом же разделе обращалось внимание на вопрос № 3, входящий в подраздел «Словоизменение», § 4 «Времена и наклонения глагола», а именно, — прошедшее перфективное время. Из раздела «III. Лексика» в качестве наиболее подходящих для пробного картографирования были названы следующие слова: № 5 — «корова», № 7 — «муравей», № 9 — «олово», № 15 — «высокий»; из них на карту было нанесено явление № 5.

При обсуждении языковых явлений, отбираемых для картографирования, прежде всего были высказаны предложения о внесении в «Вопросник» необходимых дополнений. По мнению Л. Т. Махмутовой, должно быть увеличено число таких вопросов, по которым различные группы тюркских языков противопоставляются; картографирование подобных явлений классификационного характера могло бы способствовать решению вопросов этногенеза тюркских народов. Х. Шарипов (Сырдарья) настаивал на добавлении в раздел «III. Лексика» вопросов, касающихся терминов родства; Д. Ф. Патачакова (Абакан) предложила пополнить перечень глаголов лексемой «запрятать», дающей специфические изоглоссы в алтайском регионе. По мнению участников Семинара, в дополнениях нуждается и раздел «II. Морфология»: Г. Ф. Благова (Москва) предложила включить вопросы, касающиеся склонения имен с аффиксами принадлежности, поскольку дифференциация именного и посессивно-именного склонения составляет один из классификационных признаков тюркских языков; Г. Б. Бакинова (Фрунзе) высказалась за отражение в «Вопроснике» также и местоименного склонения.

Семинар ознаменовал собой новый этап в работе над ДАТЯ — начало координированной обработки собранных материалов. В связи с этим с особой остротой встал уже обсуждавшийся и прежде вопрос о переводе ДАТЯ на МФА (при сохранении кириллицы в национальных атласах).

По мнению А. Н. Кононова, применение МФА в ДАТЯ позволит отразить многообразие фонетических вариантов, существующих в тюркских языках СССР, даст возможность проводить сопоставление материала с достаточной степенью точности и облегчит использование показаний атласа для тюркологов других стран. Необходимо учесть также и то, что ДАТЯ составит первый этап в подготовке Общетюркского ат-

² Следует особо отметить, что даже выборочная проверка, произведенная при подготовке материалов Семинара к печати, показала, насколько неточно в ряде случаев сообщались составителями ДАТЯ сведения об обследованных ими населенных пунктах.

Помимо неточностей в написаниях (см., например, по зоне А: 9, 12, 16, 18; по зоне С: 5, 6, 7, 29, 34, 36—38), типичной явилась ошибка, заключавшаяся в неадекватном указании статуса населенных пунктов: в ряде случаев городу приписан статус поселка (С: 34, 37, 38) или даже села (А: 9).

ласа, которому предстоит охватить и тюркские языки зарубежных территорий.

Принципы построения МФА (в переработке Л. В. Щербы) были изложены В. М. Наделяевым (Новосибирск), предложившим уточненный и расширенный вариант транскрипции. Эта транскрипция была отработана им на экспериментальном материале целого ряда языков Сибири и позволяет с большой точностью определить типы звуков. Ниже приводится таблица основных типов гласных и их транскрипция (Приложение № 2). В рамках практических занятий Семинара В. М. Наделяевым была проведена большая работа по переводу на эту транскрипцию материалов по языкам всех четырех зон. Перевод материалов на МФА требует дополнительных полевых исследований и специальной работы по определению типов звуков с участием специалиста; в связи с этим В. М. Наделяев согласился в будущем провести ряд консультаций в каждой из четырех зон. Значительная часть работы была проделана им во время Семинара.

Участниками Семинара была выработана система языка карты (система условных знаков) для картографирования двух явлений из раздела «Г. Фонетика», а именно «Первичные долгие гласные: а: ~ а» — №№ 42—46 и «Согласные: начальные й ~ ж ~ ж ~ д' ~ г ~ с...» — №№ 57—64. При нанесении этих явлений на карту были получены нижеследующие результаты. По рас-

пределению а: ~ а первичные долгие гласные отмечены в гагаузском, узбекском, туркменском языках. В казахском долгота зафиксирована в одном из слов «Вопросника». В зоне Д долгие гласные отмечаются в якутском, долганском и двух диалектах алтайского языка: телеутском и туба. Последовательность употребления долгих гласных и их фонематичность требуют подробных комментариев. Некоторые расхождения в трактовке материалов могут быть объяснены скорее различными точками зрения авторов, нежели различием в материалах.

При картографировании вопросов №№ 57—64 было получено 19 вариантов анлаутного j- (3' ~ 3 — ž ~ z...), уточнены границы распространения ранее известных явлений, отчетливо выделены переходные зоны и зоны смешения языков. Рефлексы четко разделились на переднеязычные и среднеязычные варианты; определились неизвестные ранее варианты аффрикат.

Данная карта, языковая нагрузка которой оказалась показательной, публикуется ниже (см. Приложение № 3).

Участники Семинара приняли резолюцию.

*М. А. Бородина, Г. Ф. Благова,
З. П. Демьяненко, А. А. Кручинина,
Л. Т. Махмутова, М. Ч. Чумакаева,
Н. Н. Широкова*

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕМИНАРА ПО ТЮРКСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

1. Семинар по тюркской лингвистической географии, организованный в соответствии с планом работы Советского Комитета тюркологов по рекомендации Всесоюзной тюркологической конференции 1976 года (Алма-Ата) и проведенный Лингвогеографической группой Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР под руководством доктора филологических наук М. А. Бородиной при содействии Географического общества СССР (при Академии наук СССР) в лице председателя Отделения математической географии и картографии К. А. Звонарева (Ленинград, 8—17 февраля 1977 года), по признанию участников, был успешным как в подборе учебно-лекционной программы, так и в проведении практических занятий по картографированию.

В ходе ознакомления с теоретическими основами общей картографии и лингвистического картографирования, совместной практической работы по обобщению картотек по всем зонам и при нанесении собранных материалов на карту неоднократно возникали дискуссии, касающиеся общих теоретических проблем тюркологии.

2. Опыт совместной работы с картографами и привлечение специалистов по теоретической географии к обсуждению лингвогеографического материала показал, что и в дальнейшем целесообразно проводить работу по созданию пробного ДАТЯ СССР с участием Отделения математической географии и картографии Географического общества СССР (при Академии наук СССР).

3. Семинар проводился по заранее подготовленной программе учебно-лекционного характера, в которой были предусмотрены и практические занятия по картографированию. Участники семинара были обеспечены шаблоном пробной карты-основы (разных масштабов), что предоставляет возможность картографирования собранных материалов по ДАТЯ. Ряд учебно-практических занятий был посвящен отбору и обобщению конкретных материалов, проведению пробного картографирования, выработке условных обозначений, составлению карт по двум фонетическим явлениям («Вопросник», №№ 42—46, 57—64).

4. В результате учебно-практических занятий стала очевидной целесообразность продолжения картографирования по каждому конкретному языку на местах, так как в процессе картографирования носителями языка еще раз проверяется уже собранный материал, появляется возможность осмыслить как ожидаемые, так и непредвиденные факты в широком сопоставительном аспекте при охвате всего тюркоязычного ареала СССР, решить вновь возникающие вопросы, подтвердить или отвергнуть существующие гипотезы.

Для картографирования на местах участники семинара выделили в первую очередь двенадцать вопросов по фонетике (№№ 114, 115, 141—144, 148, 80—83, 129), три по морфологии (№№ 1—3; в № 1 внесены добавления, см. пункт «б» «Резолюции»), пять по лексике (№№ 3, 14, 17, 18, 21, последний — № 21 «мать» из числа добавленных при обсуждении «Вопросника», см. пункт «б» «Резолюции»). При этом рекомендовалось соблюдать следующую последовательность в работе.

Исполнители ДАТЯ, собирающие материал по конкретному языку, делают подборку сведений по соответствующему вопросу, составляют обобщающие таблицы, вырабатывают систему условных обозначений в пределах заданных для этого вопроса фигур, картографируют явления своего языка на той части шаблона, которая относится к их региону. Участникам семинара рекомендуется подготовиться к февралю 1978 года материал по пяти лексическим вопросам (№№ 3, 14, 17, 18, 21) для каждого из языков.

Было решено просить Л. Т. Махмудову проконтролировать согласование таблиц по каждому конкретному языку; В. М. Наделеева — проверить транскрипцию. Объединение материала по зонам, выработка согласованных условных обозначений для картографируемого явления и нанесение его на карту-шаблон производится в тюркологических центрах — Казани, Ташкенте, Новосибирске, Томске, Фрунзе и др.

Совместную работу исполнителей ДАТЯ по составлению названных пробных карт на первых порах рекомендуется приурочивать к следующим событиям: IV Конференция по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии (Ленинград, февраль 1978 года); Чтения памяти В. М. Жирмунского, которые предполагается посвятить ДАТЯ (Ленинград, февраль 1979 года).

5. Учитывая то, что пробный ДАТЯ СССР составляется впервые, представляется целесообразным оставить в целом без изменений сетку и вопросник атласа, приняв к сведению лишь отдельные предложения участников семинара. Замечания, высказанные в ходе обсуждений, могут быть использованы при выработке программы следующего атласа.

6. Принять следующие добавления к «Вопроснику ДАТЯ» (проект; М., 1969).

В раздел «II. Морфология. Словоизменение. 1. Склонение имен» (стр. 27—28) включены вопросы, касающиеся склонения имен с аффиксами принадлежности всех трех лиц единственного и множественного числа: 1) родительный падеж -ip, -iq... ~ -ipñ, -iqñ...; 2) винительный падеж -i... ~ -pi..., -p (для 3-го лица); 3) дательный падеж -a... ~ -qa, -ya... ~ -pqa...; 4) наличие ~ отсутствие интерфикса -p- между аффиксом принадлежности 3-го лица и формативами дательного, местного и исходного падежей.

В раздел «III. Лексика. Перечень лексических явлений. Имена. Глаголы» (стр. 33, 34), помимо ранее добавленных вопросов (18. «дерево», 19. «перепел», 20. «небо», 25. «пахать»), включен еще один: 21. «мать».

7. С целью организации широкого обсуждения насущных вопросов составления ДАТЯ целесообразно наладить издание периодических выпусков, содержащих хронику, библиографию, отдельные наблюдения и т. д. (роtopsprint в гг. Томске, Ашхабаде, Казани), или просить руководство журнала создать соответствующий раздел в журнале «Советская тюркология».

8. В связи с необходимостью охватить в ДАТЯ малоизученные тюркские языки Сибири и увеличить число обследуемых пунктов следует ходатайствовать перед Сибирским отделением Академии наук СССР о выделении дополнительных средств для полевых экспедиций, обработки и издания собранного материала.

9. Ввести в учебную программу пединститутов и университетов (там, где они не читаются) курсы по диалектологии национальных языков. Рекомендовать в качестве дипломных и диссертационных тем разработку актуальных вопросов лингвистической географии и диалектологии тюркских языков.

10. Учитывая, что работа над ДАТЯ не включена в индивидуальный план ряда исполнителей по отдельным языкам, просить Советский Комитет тюркологов обратиться с соответствующим ходатайством в республиканские институты.

[Работа над ДАТЯ не включена в индивидуальные планы сотрудников сектора татарского ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, сектора узбекской диалектологии Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН Узбекской ССР, сектора якутской диалектологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (П. П. Барашков, якутский язык), Бурятского института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (В. И. Рассадин, тофский язык), Института языка и литературы АН Киргизской ССР (Ж. Джумалиев, киргизский язык), Института языка и литературы АН Туркменской ССР (Г. Сапарова, туркменский язык), Института языка и литературы АН Молдавской ССР (Е. К. Колца,

гагаузский язык), сектора тувинского языка и письменности Тувинского НИИ (З. Б. Чадамба, тувинский язык), НИИ при Совете Министров Чувашской АССР (Л. П. Сергеев, чувашский язык), Карачаево-Черкесского НИИ (С. А. Калмыкова, ногайский язык), филологического факультета Дагестанского университета им. В. И. Ленина (Д. М. Хангишев, кумыкский язык), историко-филологического факультета Казанского университета им. В. И. Ульянова (Ленина) (Д. Г. Тумашева, диалекты западносибирских татар), Кемеровского университета (Г. Г. Фисакова, телеутский язык), кафедры татарской филологии Елабужского пединститута (Л. Ш. Арсланов, татарский язык), Новокузнецкого пединститута (Э. Ф. Чиспияков, шорский язык), кафедр иностранных языков Саратовского (Р. М. Бирюкович, язык чувлымских тюрков) и Томского (З. П. Демьяненко, язык долган) пединститутов, Карачаево-Черкесского пединститута (Ш. Х. Акбаев, карачаево-балкарский язык)].

11. Составителям ДАТЯ к февралю 1978 года подготовить материал по 12 фонетическим вопросам, обобщив его в соответствующих таблицах по каждому из языков, нанести полученные сведения на карту. Для обсуждения этой совместной работы использовать заседания IV Конференции по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии (февраль 1978 года).

Приложение I

СЕТЬ ОПОРНЫХ ПУНКТОВ (ПУНКТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ) «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР»

Зона А

1. Город Комрат, Комратский район, Молдавская ССР.
2. Город Вулканешты, Вулканештский район, Молдавская ССР.
3. Аул Учкулан, Карачаевский район, Карачаево-Черкесская АО.
4. Село Терезе, Малокарачаевский район, Карачаево-Черкесская АО.
5. Аул Нижний Чегем, Чегемский район, Кабардино-Балкарская АССР.
6. Аул Бабугент, Советский район, Кабардино-Балкарская АССР.
7. Аул Икон-Халк, Адыге-Хабльский район, Карачаево-Черкесская АО.
8. Аул Кара-Тюбе, Нефтекумский район, Ставропольский край.
9. Город Терекли-Мектеб, Ногайский район, Дагестанская АССР.
10. Село Н. Кизляр, Моздокский район, Северо-Осетинская АССР.
11. Село Брагуны, Гудермесский район, Чечено-Ингушская АССР.
12. Село Аксай, Хасавюртский район, Дагестанская АССР.
13. Село Эрпели, Буйнакский район, Дагестанская АССР.
14. Село Какашура, Ленинский район, Дагестанская АССР.
15. Село Башлыкент, Каякентский район, Дагестанская АССР.
16. Село Илису, Хаский район, Азербайджанская ССР.
17. Село Орта Зейзид, Шекинский район, Азербайджанская ССР.
18. Село Дейирмандаг, Кедабекский район, Азербайджанская ССР.
19. Село Гюлаблы, Агдамский район, Азербайджанская ССР.
20. Село Нехрам, Нахичеванский район, Азербайджанская ССР.
21. Село Даста, Ордубадский район, Азербайджанская ССР.
22. Село Гараджаллы, Джебраильский район, Азербайджанская ССР.
23. Село Гарадаглы, Уджарский район, Азербайджанская ССР.
24. Село Испик, Кубинский район, Азербайджанская ССР.
25. Село Кушчу, Шемахинский район, Азербайджанская ССР.
26. Село Новханы, Апшеронский район, Азербайджанская ССР.
27. Село Ханаях, Джалилабадский район, Азербайджанская ССР.

Зона Б

1. Село Мунтово, Касимовский район, Рязанская область.
2. Село Митрялово, Темниковский район, Мордовская АССР.
3. Село Лямбирь, Лямбирский район, Мордовская АССР.
4. Село Андреевка, Сергачский район, Горьковская область.
5. Село Красные Четаи, Красночетайский район, Чувашская АССР.
6. Село Малое Карачкино, Ядринский район, Чувашская АССР.
7. Село Маргауши, Маргаушский район, Чувашская АССР.
8. Село Индирка, Кузнецкий район, Пензенская область.
9. Село Алманчиково, Батыревский район, Чувашская АССР.
10. Село Ст. Мостяк, Старо-Кулаткинский район, Ульяновская область.
11. Село Шняево, Базарно-Карабулакский район, Саратовская область.
12. Село Ст. Тябердино, Апастовский район, Татарская АССР.

13. Село Б. Болгаяры, Апастовский район, Татарская АССР.
14. Село Старая Тюрлема, Козловский район, Чувашская АССР.
15. Село Кубян, Арский район, Татарская АССР.
16. Село Альвидино, Пестречинский район, Татарская АССР.
17. Село Ст. Алпарово, Альшеевский район, Татарская АССР.
18. Село Якушкино, Октябрьский район, Татарская АССР.
19. Село Шахмайкино, Чистопольский район, Татарская АССР.
20. Село Албаево, Мамадышский район, Татарская АССР.
21. Село Кестым, Белезинский район, Удмуртская АССР.
22. Село Чалпы, Азнакаевский район, Татарская АССР.
23. Село Кош-Елга, Белебеевский район, Башкирская АССР.
24. Село Старо-Балгазино, Альшеевский район, Башкирская АССР.
25. Село Старо-Кулево, Нуримановский район, Башкирская АССР.
26. Село Кугарчино, Калтасинский район, Башкирская АССР.
27. Село Казаево, Кунгурский район, Пермская область.
28. Село Лемезтаманово, Мечетлинский район, Башкирская АССР.
29. Село Сайраново, Ишимбаевский район, Башкирская АССР.
30. Село Ижбуляково, Федоровский район, Башкирская АССР.
31. Село Байдавлетово, Зиянчуринский район, Башкирская АССР.
32. Село Байназарово, Бурзянский район, Башкирская АССР.
33. Село Ясын-Соқан, Красноярский район, Астраханская область.
34. Село Тат. Башмаковка, Наримановский район, Астраханская область.

Зона С

1. Село Геркез, Кара-Калинский район, Ашхабадская область Туркменской ССР.
2. Село Гоктепе, Гоктепинский район, Ашхабадская область Туркменской ССР.
3. Село Каушут, Каахкинский район, Ашхабадская область Туркменской ССР.
4. Село Ходжа-Куммет, Тахтинский район, Ташаузская область Туркменской ССР.
5. Село Барагыз, Дейнауский район, Чарджоуская область Туркменской ССР.
6. Село Гадыр, Тахта-Базарский район, Марыйская область Туркменской ССР.
7. Село Гызыздукан, Карабекаульский район, Чарджоуская область Туркменской ССР.
8. Село Шеге, Муйнакский район, Каракалпакская АССР.
9. Село Кыят аул, Шуманайский район, Каракалпакская АССР.
10. Село Камысарык, Чимбайский район, Каракалпакская АССР.
11. Село Батпакоткел, Тахтакупырский район, Каракалпакская АССР.
12. Село Амирабад, Турткульский район, Каракалпакская АССР.
13. Село Балыкчи, Балыкчинский район, Андижанская область Узбекской ССР.
14. Село Бешкент, Каршинский район, Кашкадарьинская область Узбекской ССР.
15. Село Вуадиль, Ферганский район, Ферганская область Узбекской ССР.
16. Село Гурлен, Гурленский район, Хорезмская область Узбекской ССР.
17. Город Джизак — центр Джизакского района Джизакской области Узбекской ССР.
18. Село Каракуль, Каракульский район, Бухарская область Узбекской ССР.
19. Город Назарбек, Калининский район, Ташкентская область Узбекской ССР.
20. Город Пскент — центр Пскентского района Ташкентской области Узбекской ССР.
21. Село Уйчи, Уйчинский район, Наманганская область Узбекской ССР.
22. Село Фариш, Фаришский район, Джизакская область Узбекской ССР.
23. Село Хазарасп, Хазараспский район, Хорезмская область Узбекской ССР.
24. Село Шафиркан, Шафирканский район, Бухарская область Узбекской ССР.
25. Город Шахрисабз — центр Шахрисабзского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР.
26. Город Шерабад — центр Шерабадского района Сурхандарьинской области Узбекской ССР.
27. Село Афлатун, Джанги-Джолский район, Ошская область Киргизской ССР.
28. Село Кайырма, Джумголский район, Нарынская область Киргизской ССР.
29. Село Талды-Суу, Топский район, Иссык-Кульская область Киргизской ССР.
30. Село Заргер, Узгенский район, Ошская область Киргизской ССР.
31. Село Ак-Талаа, Ат-Башинский район, Нарынская область Киргизской ССР.
32. Село Самаркандек, Баткенский район, Ошская область Киргизской ССР.
33. Село Анхаты, Чапаевский район, Уральская область Казахской ССР.
34. Город Доссор, Махамбетский район, Гурьевская область Казахской ССР.
35. Совхоз «Кызбел», Джангельдинский район, Тургайская область Казахской ССР.
36. Поселок Степняк, Кзылтуский район, Кокчетавская область Казахской ССР.
37. Город Абай, Карагандинская область Казахской ССР.
38. Город Аягуз, Аягузский район, Семипалатинская область Казахской ССР.
39. Село Шарайхана, Ленинский район, Чимкентская область Казахской ССР.
40. Совхоз «Казахстан», Чиликский район, Алма-Атинская область Казахской ССР.

Зона Д

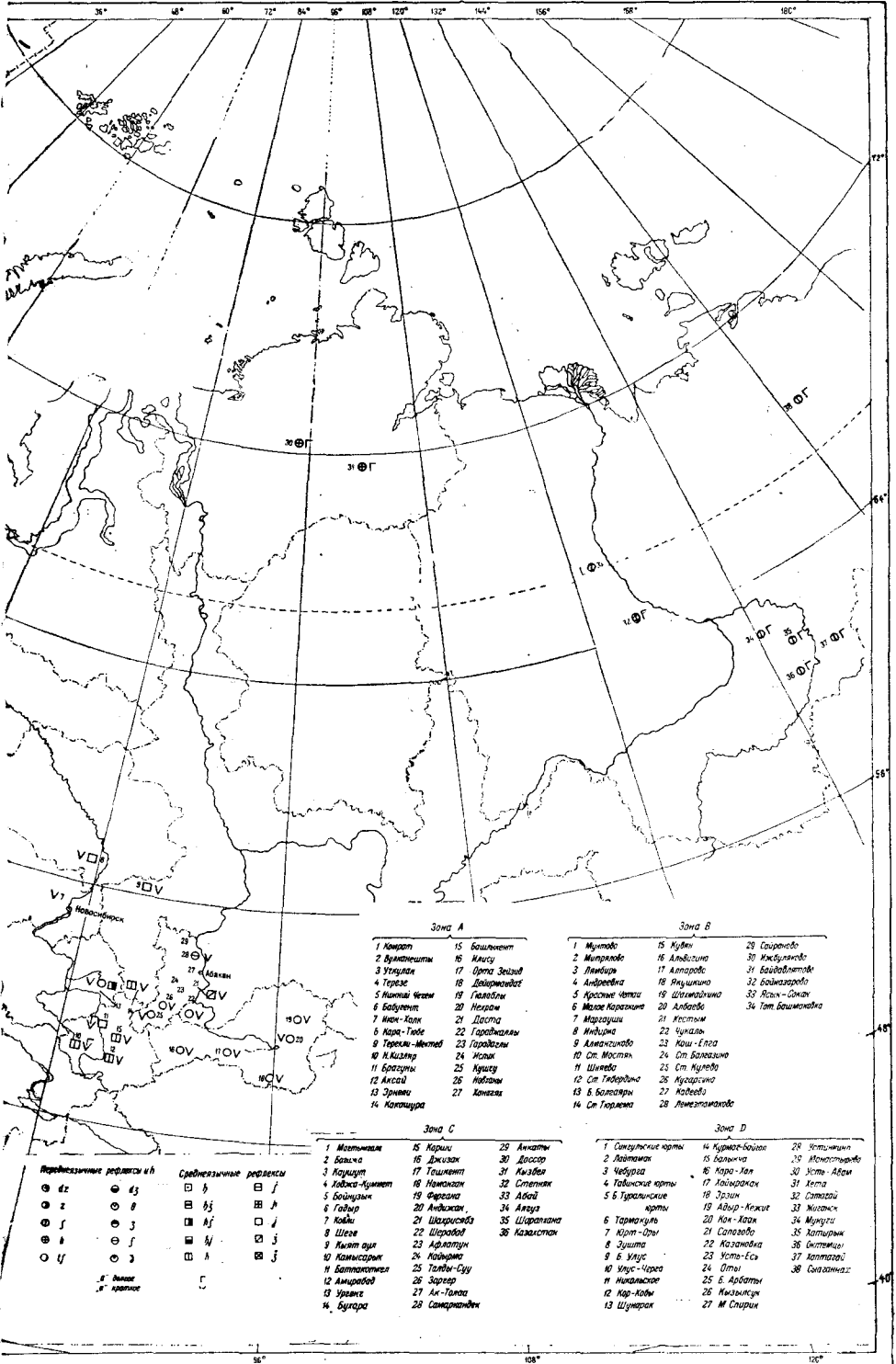
1. Село Сингульский юрты, Ялуторовский район, Тюменская область.
2. Село Лайтамак, Тобольский район, Тюменская область.
3. Село Чебурга, Вагайский район, Тюменская область.
4. Село Тавинские юрты, Тевризский район, Омская область.
5. Село Большие Туралинские юрты, Тарский район Омская область.
6. Село Тармакуль, Чановский район, Новосибирская область.
7. Село Юрт Оры (на Оби), Колыванский район, Новосибирская область.
8. Село Эушта, Томский район, Томская область.
9. Село Большой Улус, Юргинский район, Кемеровская область.
10. Село Улус-Черга, Шебалинский район, Горно-Алтайская АО.
11. Село Никольское, Майминский район, Горно-Алтайская АО.
12. Село Кор-Кобы, Онгудайский район, Горно-Алтайская АО.
13. Село Шунарак, Турочакский район, Горно-Алтайская АО.
14. Село Курмач-Байгол, Турачакский район, Горно-Алтайская АО.
15. Село Балычка, Улаганский район, Горно-Алтайская АО.
16. Село Кара-Хол, Бай-Тайгинский район, Тувинская АССР.
17. Село Хайырган, Улуг-Хемский район, Тувинская АССР.
18. Село Эрзин, Эрзинский район, Тувинская АССР.
19. Село Адыр-Кежиг, Тоджинский район, Тувинская АССР.
20. Село Көк-Хаак, Каа-Хемский район, Тувинская АССР.
21. Село Сапогово, Усть-Абаканский район, Хакасская АО.
22. Село Казановка, Аскизский район, Хакасская АО.
23. Село Усть-Есь, Аскизский район, Хакасская АО.
24. Село Оты, Аскизский район, Хакасская АО.
25. Село Большие Арбаты, Таштыпский район, Хакасская АО.
26. Село Кызылсук, Таштыпский район, Хакасская АО.
27. Село Малый Спирин, Ширинский район, Хакасская АО.
28. Село Устишкино, Орджоникидзевский район, Хакасская АО.
29. Село Монастырево, Орджоникидзевский район, Хакасская АО.
30. Село Усть-Авам, Усть-Авамский сельсовет, подчиненный Дудинскому городскому Совету, Таймырский НО.
31. Село Хета, Хатангский район, Таймырский НО.
32. Село Сатагай, Вилюйский район, Якутская АССР.
33. Село Жиганск, Жиганский район, Якутская АССР.
34. Село Мукучи, Кобяйский район, Якутская АССР.
35. Село Хатырык, Намский район, Якутская АССР.
36. Село Октёмцы, Орджоникидзевский район, Якутская АССР.
37. Село Хаптагай, Мегино-Кангаласский район, Якутская АССР.
38. Село Сяганнах, Абыйский район, Якутская АССР.

Приложение 2

ряды ступени	переднерядные индекс-7	смешаннорядные индекс-69		центрально- заднерядные индекс-9	заднерядные индекс-10
		переднерядные индекс-7	центрально- заднерядные индекс-69	центрально- заднерядные индекс-9	заднерядные индекс-10
1	і у	Ы ы	Ш ш	Ш ш	ш и
2	і у	Ь ь	Ъ ъ	Ъ ъ	Ъ ъ
3	е ө	Э э	Ё ё	Ё ё	ё о
4	ε œ	З з	Л л	Л л	л э
5	æ æ	Ә ә	Ӧ ӧ	Ӑ ӑ	Ӑ ӑ
6	а ао	Е е	Д д	А а	а в

Таблица основных типов гласных и их транскрипция

Приложение 3

ТРЕТЬЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

4 марта 1977 года в Москве состоялось третье пленарное заседание Советского Комитета тюркологов.

Открывая заседание, председатель Комитета академик А. Н. Кононов сказал, что в юбилейном 1977 году должны быть продолжены разработкой и начаты новые фундаментальные исследования по тюркологии. На это нацеливает и состоявшаяся в 1976 году Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Конференция явилась подлинным смотром советской тюркологии. Она подвела итоги, выявила достижения советской тюркологии за минувшие полвека, наметила основные задачи и наиболее важные направления дальнейшего развития тюркологии.

С отчетным докладом о работе Советского Комитета тюркологов за 1976 год выступил заместитель председателя Комитета Э. Р. Тенишев. Главным событием отчетного года в тюркологии была Всесоюзная тюркологическая конференция, подготовке, организации и проведению которой много сил отдали члены оргкомитета Конференции, Советского Комитета тюркологов, сотрудники Академии наук Казахской ССР (прежде всего Института языкознания Академии наук Казахской ССР), Сектора тюрко-монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. В работе конференции, проходившей в трех секциях — лингвистической, литературоведческой, исторической, приняло участие около пятисот ученых Советского Союза, а также зарубежные тюркологи¹. Конференция обратилась к научно-исследовательским учреждениям, учебным заведениям, ученым-тюркологам страны с детально разработанными рекомендациями, среди которых особое место занимают вопросы методологии и методики применительно к исследованиям по тюркским языкам, литературам и фольклору, истории и этнографии тюркоязычных народов СССР.

Ряд членов Советского Комитета тюркологов, а также ученые из Туркмении и Каракалпакии участвовали в обсуждении проблематики, выдвинутой на XIX сессии ПИАК (Хельсинки, июнь 1976 года). Активная роль представителей советской тюркологии в работе ПИАК была отмечена присуждением Золотой медали ПИАК академику А. Н. Кононову.

5—8 октября 1976 года по инициативе Института востоковедения Академии наук СССР и Советского Комитета тюркологов

в Москве состоялась научная сессия на тему «История и филология Турции», посвященная 100-летию со дня рождения академика В. А. Гордлевского².

В истекшем году произошли важные изменения в составе Советского Комитета тюркологов: специальным постановлением Президиума Академии наук СССР он был пополнен семнадцатью представителями научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, главным образом союзных и автономных республик, автономных областей.

Координация ведущихся в стране научно-исследовательских работ по тюркологии по-прежнему остается одной из важных задач, стоящих перед Советским Комитетом тюркологов. В Секторе тюрко-монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР продолжается составление картотеки лингвистических тем, разрабатываемых в различных тюркологических центрах Советского Союза в десятой пятилетке, которая показывает, насколько еще невелик удельный вес общетюркологической проблематики по языкознанию в сравнении с разработкой узко-конкретных тем. Формулировку целого ряда тем, заявленных Советскому Комитету тюркологов, нельзя признать удачной, ибо они не дают четкого представления ни о проблеме исследования, ни о применяемой методике, а иногда — даже и об объекте исследования. Не могут считаться окончательно сформулированными, например, следующие из присланных тем: «Взаимобогащения и взаимосвязь языков и литератур», «Вопросы языковых контактов», «Некоторые особенности синтаксического строя каракалпакского языка», «Язык художественных произведений (прозы)» (тема эта заявлена одним и тем же исполнителем дважды и оба раза по-разному, ср.: «Язык и стиль художественной прозы»), «Вопросы перевода с русского на татарский язык», «Следы ареальных схождения и расхождения (?) в лексике общенародного киргизского языка с южносибирскими тюркскими языками», «Вопросы терминологии общественных наук и ономастики», «Некоторые особенности фразеологизмов в современном киргизском языке», «Практические и этнографические вопросы киргизских антропонимов», «Семантико-синтаксические особенности сложных предложений», «Исследования поэмы Мухамедъара (XVI век) «Нуры Сыдур» и др. Ясно, что подобные формулировки заявленных тем требуют как чисто фактических, так и принципиальных — уточнений.

¹ Отчет о работе Всесоюзной тюркологической конференции помещен в журнале «Советская тюркология», № 6 за 1976 год.

² Информацию об этой научной сессии смотрите в журнале «Советская тюркология», № 5 за 1976 год.

Вместе с тем ведущийся учет позволяет говорить, например, о растущем интересе тюркологов союзных и автономных республик, а также Москвы и Ленинграда к изучению истории тюркских языков, с одной стороны, и истории литературных языков — как старописьменных, так и младописьменных, — с другой. Смотрите, например: «Историческая грамматика азербайджанского языка» и «История азербайджанского языка», «История развития народно-разговорного и письменно-литературного вариантов татарского языка», «Формирование и развитие киргизского литературного языка». Вместе с тем такие исследования еще не всегда достаточно дифференцируются (например: «История киргизского языка»). Изучение памятников старотюркской письменности ведется в Казахстане, Узбекистане, Каракалпакии, Башкирии и Татарии, однако в заявленных темах не нашли отражения методические установки, с позиций которых ведутся соответствующие исследования, в результате темы такого рода представлены довольно однообразно: «Памятники тюркской письменности XIV—XVII веков и их отношение к казахскому литературному языку», «Изучение письменных памятников XI—XIII веков», «Письменные памятники каракалпакского языка XVIII — начала XX века», «Язык старотюркских письменных памятников Башкирии», «Язык памятников деловой письменности XVII—XVIII веков» и др.

С учетом ведущихся исследований по названной тематике в план Советского Комитета тюркологов на 1977 год внесен пункт, рекомендующий заинтересованным тюркологам — сотрудникам республиканских лингвистических институтов в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков и изучения соотношения устно-литературных форм языка и письменно-литературных языков, принять участие в налаживании совместной работы группы «Язык фольклора» при Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР (руководитель — член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Десницкая) и проблемной группы «Теория и история литературных языков» (руководитель — профессор М. М. Гухман).

Последующее критическое обобщение всех заявленных тем по тюркскому языкознанию позволит преодолеть существующие недочеты в планировании научной проблематики по тюркским языкам, устранив дублирование тем, разрабатываемых на материале различных тюркских языков. Подобную работу предстоит развернуть также по литературоведению и истории тюркоязычных народов (Сектор фольклора Института мировой литературы им. М. Горького Академии наук СССР, Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР).

Ведущееся при Секторе тюрко-монгольских языков Института языкознания Акаде-

мии наук СССР анкетирование тюркологов-языковедов отвечает практическим нуждам Советского Комитета тюркологов. Материалы анкетирования, которые будут с годами накапливаться, предполагается использовать также для «Биобиблиографического словаря советских тюркологов-лингвистов», составление которого предусматривается перспективным планом работ Сектора.

В центре внимания диалектологов-тюркологов продолжает оставаться «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» (ДАТЯ); сбор материала на базе «Вопросника» закончен по южносибирской зоне и близится к завершению по остальным зонам. Работа над ДАТЯ вступила в фазу картографирования; помощь составителям ДАТЯ в этом ответственном и важном деле предусматривается планом на 1977 год, предложенным Советским Комитетом тюркологов.

В настоящее время завершены и будут обсуждаться в течение 1977 года примерные методические руководства по описанию тюркских диалектов (Л. Т. Махмутова, Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР) и по лексико-грамматическому и фонетико-палеографическому описанию памятников средневековой тюркской письменности (Н. З. Гаджиева, Институт языкознания Академии наук СССР; В. Г. Гузев, С. Н. Иванов, восточный факультет Ленинградского государственного университета; Э. И. Фазылов, Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР). Последующая публикация этих методических руководств на страницах журнала «Советская тюркология» призвана служить повышению уровня научно-исследовательской работы в республиках.

По инициативе Советского Комитета тюркологов Н. А. Баскаков и Э. В. Севортян составили и опубликовали в журнале «Советская тюркология» (1976, № 1) «Программу требований по тюркскому языкознанию для поступающих в аспирантуру АН СССР».

В заключение Э. Р. Тенишев рассказал о развернувшейся в настоящее время работе над Лингвистическим атласом Европы (ЛАЕ). В составлении ЛАЕ участвуют языковеды европейских стран; от нашей страны в редакционный комитет ЛАЕ вошли представители славянского, финно-угорского, кавказского, тюркского и монгольского языкознания.

В 1976 году в Страсбурге обсуждался второй вопросник. В 1977 году в Варшаве намечено изучение пробных карт по первому вопроснику и утверждение текста второго вопросника. Вся работа над ЛАЕ рассчитана на десятилетие. По мнению Э. Р. Тенишева, в ежегодных планах Советского Комитета тюркологов необходимо учитывать соответствующий участок работы ЛАЕ для контроля и оказания помощи в случае надобности.

О планах работы Советского Комитета тюркологов на 1977 год доложила ученый секретарь Комитета Г. Ф. Благова. В числе мероприятий, в подготовке и проведении которых в 1977 году Комитет примет активное участие, — Всесоюзное совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка (сентябрь 1977 года, г. Нальчик), организуемое Научным советом по истории и диалектологии; конференция на тему «Советский опыт в разработке и усовершенствовании алфавитов и орфографий народов СССР» (сентябрь 1977 года, г. Карачаевск), созываемая совместно с Научно-исследовательским институтом языка и литературы Карачаево-Черкесской автономной области. При участии Советского Комитета тюркологов начнется подготовка регионального совещания по эпосу тюркоязычных народов (1978 год, Ташкент) и уйгуроведческой конференции (1978 год, Алма-Ата).

Продолжается коллективная работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР». Всесоюзная тюркологическая конференция, на которой обсуждались вопросы, возникающие при составлении ДАТЯ, рекомендовала в целях кооперации усилий региональных исполнителей в рамках единой методики провести Семинар по тюркской лингвогеографии на базе Лингвогеографической группы Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР (руководитель — профессор М. А. Бородин) и Отделения математической географии и картографии Географического общества при Академии наук СССР.

Этот пункт плана Комитета уже выполнен: 8—17 февраля 1977 года названный семинар прошел в Ленинграде по глубоко продуманной научно-лекционной и учебно-практической программе³. В результате впервые подготовлена сеть опорных пунктов ДАТЯ, разработана карта-основа разных масштабов для ДАТЯ, причем ее шаблонами обеспечены все составители ДАТЯ как для пробного картографирования, так и для последующего развертывания работы по картографированию на местах; составлена пробная карта ДАТЯ (по двум фонетическим явлениям в области вокализма и консонантизма); намечены конкретные контрольно-проверочные мероприятия для координирования последующей работы над Атласом.

По предложению Э. Р. Тенишева, в планы Советского Комитета тюркологов, начиная с 1977 года, включается работа над тюркоязычной частью Лингвистического атласа Европы.

В 1977 году должна быть завершена подготовка к изданию «Корпуса древнетюрк-

ских (рунических) памятников» (С. Г. Кляшторный, Д. Д. Васильев); начата работа по составлению «Корпуса эпиграфических (булгарских) памятников Поволжья» (Ф. Хакимзянов), которая по предложению М. К. Мухарьямова включена в планы Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР на 1978—1982 гг.

В обсуждении отчета Советского Комитета тюркологов за 1976 год и плана работы на 1977 год приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, Казахстана, Башкирии, Киргизии, Алтая.

Н. З. Гаджиева (Москва) отметила, что необходимо уже сейчас подумать о проблематике предстоящей Всесоюзной тюркологической конференции 1980 года с тем, чтобы она была действительно целенаправленной. Одним из прогрессирующих направлений тюркологических исследований является изучение развития тюркских литературных языков. В целях подготовки к Конференции 1980 года следует созывать проблемные симпозиумы. А. Н. Кононов сообщил, что в конце 1977 года планируется создать Оргкомитет Конференции 1980 года, одной из задач которого будет опрос ведущих тюркологических центров страны и последующее обсуждение предложенной для Конференции тематики.

После установления тематики Конференции 1980 года Оргкомитету предстоит со всей строгостью подойти к отбору заявок, предлагаемых ее участниками, принимая только те из них, которые находятся в точном соответствии с объявленной проблематикой, ибо, как показывает практика, не все тюркологи затрудняют себя необходимостью увязывать предлагаемые ими темы с объявленной проблемой конференции.

Э. В. Севортян (Москва) выразил удовлетворение тем, что группа историков языка занята разработкой методического руководства по всестороннему описанию языка средневековых памятников. Необходимо создать действенную комиссию, которая в этом же плане занялась бы техникой издания старописьменных памятников вообще, и, в частности, активизировала бы работу по изданию в Москве, Ленинграде или Баку южнотюркских памятников. Подлинно научное издание текстов этих памятников, всестороннее их изучение могло бы способствовать их языковой атрибуции. Подобную же комиссию желательно создать для углубления работы в области этимологии, поскольку развертывающиеся этимологические исследования не всегда ведутся на должном уровне. Настало время обобщить и синтезировать все, что было прежде написано о грамматическом строе тюркских языков. Сектором тюрко-монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР намечается в будущем создание «Основ тюркской грамматики». К написанию этого труда целесообразно привлечь более широкий круг ученых.

³ Отчет о работе Семинара по тюркской лингвогеографии публикуется в настоящем номере журнала «Советская тюркология».

По предложению А. Н. Кононова Э. И. Фазылов (Ташкент) информировал собравшихся о состоянии работы над методическим руководством по лексико-грамматическому и фонетико-палеографическому описанию языка средневеково-тюркских памятников.

Х. Г. Короглы (Москва) говорил о необходимости координации ведущихся в стране тюркологических работ по литературоведческой и фольклористической тематике.

С. Н. Иванов (Ленинград) полагает, что организационные вопросы заслуживают особого внимания. Поскольку бюро Комитета не может своим контролем охватить все области тюркологической деятельности в стране, следует создавать для этой цели тематические комиссии.

Член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А.-А. Т. Кайдаров назвал грандиозной работу, о которой говорилось в отчете Советского Комитета тюркологов за 1976 год, а также планируемую на 1977 год. Он рассказал об откликах зарубежных и советских тюркологов о Всесоюзной тюркологической конференции, которые продолжают поступать в ее оргкомитет. В настоящее время ведется обработка архива Конференции. Предлагается согласовать издание материалов Конференции с Советским Комитетом тюркологов. А.-А. Т. Кайдаров проинформировал о планируемой в 1978 году уйгуроведческой конференции, которую предполагается приурочить к 30-летию со времени создания научного центра уйгуроведения в Казахстане. Цель конференции — подведение результатов уйгуроведческих исследований за истекший период и определение задач на будущее. В соответствии с постановлением ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР в настоящее время приняты меры по организации Отдела востоковедения в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР. В задачи Отдела войдет комплексное изучение проблем языка и литературы, истории и культуры казахов, проживающих за рубежом (в МНР, КНР и Афганистане). В целях установления и развития культурных связей с ними в настоящее время в Казахстане создано общество «Родина», выпускающее газету «Наша родина» на казахском языке. Предстоит также окончательное решение вопроса о создании Отдела — в ведении Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике.

А.-А. Т. Кайдаров выразил надежду, что Академия наук Казахской ССР, в Президиум которой академик А. Н. Кононов обратился с просьбой об издании ценного труда Э. Н. Наджиба «Сравнительно-исторический словарь тюркоязычных памятников средневековья», изыщет для этого необходимые возможности.

Т. М. Гарипов (Уфа) затронул такой серьезный вопрос организации вузовского образования, как подготовка тюркологов широкого профиля. Он обосновал необходимость создания с этой целью кафедры тюрк-

ских языков в Башкирском государственном университете. Другое его предложение касалось регулярного освещения в прессе событий советской тюркологии, а также наиболее значимых по содержанию и своему историческому резонансу фактов, характеризующих как современное состояние тюркологии, так и ее прошлое. Было признано целесообразным создать в журнале «Советская тюркология» постоянную рубрику «Летопись памятных и знаменательных дат отечественной тюркологии». В качестве первого опыта таких публикаций Т. М. Гарипов ознакомил собравшихся с вышедшим из печати «Кратким календарем тюркология на 1977 год» (Уфа, 1977).

С. С. Цельникер (Москва) говорил о необходимости систематического монографического освещения жизни и деятельности виднейших отечественных тюркологов как новейшего времени, так и дооктябрьского периода. Если это удастся осуществить, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» учредит соответствующую серию биографических очерков.

Ф. Д. Ашнин (Москва) поддержал предложения Т. М. Гарипова о создании в журнале «Советская тюркология» постоянной рубрики «Летопись памятных и знаменательных дат отечественной тюркологии» и об издании «Календаря тюрколога», подчеркнув при этом настоятельную необходимость углубленного изучения истории тюркологии, всестороннего и объективного освещения деятельности видных тюркологов. Об этом приходится говорить, заявил он, уже потому, что многие тюркологи прошлого оказались незаслуженно забытыми, а также и потому, что работы ряда ученых получили недостаточно объективную оценку. В изучении трудов и популяризации тюркологов прежних поколений важную роль может сыграть журнал «Советская тюркология». Деятельность наиболее выдающихся тюркологов должна быть освещена в серии биографических очерков, о которой говорил С. С. Цельникер.

А. Н. Кононов предлагает просить С. С. Цельникера и Ф. Д. Ашнина составить список тюркологов, о которых в первую очередь следует создать монографии.

Д. Д. Васильев (Москва) рассказал о работе над подготовкой к печати своей части «Корпуса древнетюркских (рунических) памятников», которая должна быть завершена в текущем году. Уже сняты почти все памятники и выполнены факсимильные графические реконструкции, составлен каталог всей древнетюркской рунической эпиграфики. На основании провиденных графических реконструкций предпринято переиздание ранее известных текстов, с уточнениями и дополнениями; публикуются также новые находки. Факсимильные воспроизведения текстов позволили начать исследование палеографии всего фонда руники.

Начаты Институтом востоковедения Академии наук СССР (в Ленинграде и Москве)

обследования памятников древнетюркской руники и составление их корпуса продолжают теперь Тувинский НИИЯЛИ, Хакасский НИИЯЛИ, Саяно-Тувинская экспедиция Института археологии Академии наук СССР при участии Саяно-Шушенской ГЭС. В настоящее время полевыми исследованиями в Монголии руководит С. Г. Кляшторный, а в бассейне реки Енисей — Д. Д. Васильев. В 1977 году будет предпринята экспедиция по описанию и эвакуации рунических памятников из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

Член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР Б. О. Орузбаева (Фрунзе) сообщила, что в Киргизии предпринимается посмертное издание трудов Б. М. Юнусалиева, И. А. Батманова, на очереди — публикация трудов К. К. Юдахина. Она обратилась к присутствующим с просьбой присылать в Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР фотокопии писем этих ученых.

А. А. Тыбыкова (Горно-Алтайск) подняла вопрос о подготовке кадров тюркологов, монголистов для Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы через аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР.

По признанию С. А. Соколова (Москва), Советский Комитет тюркологов — организация очень жизненная, во многом способствующая развитию не только тюркологии, но и живых контактов между ее представителями. Он поставил вопрос о необходимости создания в Москве централизованного специализированного Ученого совета на базе нескольких научных учреждений для защиты кандидатских диссертаций по тюркскому языкознанию. А. Н. Кононов поручил С. А. Соколову и П. И. Кузнецову выяснить в соответствующих инстанциях возможность организации подобного Совета.

К. М. Мусаев (Москва) напомнил, что в текущем 1977 году предстоит отметить два юбилея — 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 40-летие с момента перехода тюркских языков на новый алфавит. В связи с этим он информировал собравшихся о подготовке конференции на тему «Советский опыт в разработке и усовершенствовании алфавитов и орфографий народов СССР», которая состоится в сентябре 1977 года в г. Карачаевске.

Подводя итоги обсуждения, А. Н. Кононов резюмировал высказывания его участников: отчет Советского Комитета тюркологов о работе 1976 года принят, проект плана работы Комитета на 1977 год утвержден.

На пленарном заседании Советского Комитета тюркологов с докладом о деятельности журнала «Советская тюркология» выступил его главный редактор академик Академии наук Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, отметивший, что за семь лет своего существования журнал достиг определенных успехов и, несомненно, внес

заметное оживление в область тюркологических исследований. Благодаря журналу улучшилась взаимная осведомленность тюркологов о проводимых исследованиях, результаты которых стали оперативнее вводиться в научный обиход. Тем самым журнал стимулирует дальнейшие изыскания и играет заметную роль в деле координации и кооперации осуществляемых тюркологических разработок.

Постоянными рубриками журнала являются: «История и структура языков», «Языковые связи», «Вопросы литературоведения», «Ономастика», «Дискуссии и обсуждения», «История отечественной тюркологии», «Персоналии», «Хроника». На страницах журнала выступают видные советские и зарубежные ученые, много места отводится и статьям молодых научных работников.

К настоящему времени вышло из печати сорок номеров, два номера с прошлого года сейчас находятся в производстве. Вышедшие в свет номера журнала свидетельствуют о постепенном улучшении литературного уровня и полиграфического оформления публикуемых статей, что потребовало неустанной напряженной работы редакции. Журнал «Советская тюркология» является первым всесоюзным научным органом, издающимся в Азербайджанской ССР. Опыта издания журнала подобного уровня до сих пор в республике не было. Большие трудности приходится преодолевать при подборе кадров редакторов и литературных сотрудников (этот вопрос все еще не решен до конца), в приспособлении существующей полиграфической базы к требованиям и особенностям специфического лингвистического журнала. Немало предстоит сделать в области подготовки нужного числа высококвалифицированных наборщиков, а также в оснащении типографии необходимыми техническими средствами (шрифтами, знаками и т. д.), отсутствие или недостаточность которых сильно затягивает производственный процесс.

Очень много времени уходит на правку и набор текста, на выяснение различных вопросов с авторами, разбросанными по всей стране.

Не всегда редакция встречает должное понимание со стороны местных организаций и учреждений. Фактически все трудности редакции приходится преодолевать самой, без какой бы то ни было помощи со стороны. В настоящее время редакция прилагает большие усилия для преодоления стоящих перед ней трудностей.

1977 год является годом шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Это важнейшее событие должно найти соответствующее отражение и в нашем журнале. Предстоит ярко и убедительно показать успехи советской тюркологии. Одной из важнейших задач журнала является убедительный показ качественно нового этапа в развитии советской тюркологии, связанный с формированием

многочисленных кадров высококвалифицированных ученых-тюркологов в тюркоязычных республиках, краях, областях.

Редакция обратилась с письмами в академические тюркологические центры соответствующих республик и областей с просьбой прислать в апреле—мае обзорные статьи о развитии и достижениях тюркской филологии: языкознания и литературоведения. М. Ш. Ширалиев обращается к членам Советского Комитета тюркологов с просьбой оказать содействие в деле своевременного направления такого рода статей в редакцию. С аналогичными статьями на страницах журнала должны выступить также тюркологи Москвы и Ленинграда. Желательно, чтобы Советский Комитет тюркологов представил общую юбилейную статью.

М. Ш. Ширалиев указывает, что портфель редакции недостаточно обеспечен статьями общетюркологического и теоретического плана, которыми можно было бы открывать журнал. Рецензированием все еще не охвачены многие вышедшие издания, тогда как на страницах журнала «Советская тюркология» должны рецензироваться все сколько-нибудь значительные в научном отношении тюркологические работы.

Заметно ослабел приток в редакцию материалов по отделу «Научная жизнь», а ведь журнал имеет читателей и за рубежом. Ученые тюркоязычных республик и областей, в первую очередь филологических учреждений академий союзных республик должны организовывать на местах и регулярно присылать в редакцию такого рода информационные материалы.

Достижения и успехи журнала «Советская тюркология» находятся в прямой и непосредственной зависимости от наших общих усилий. Научный уровень журнала определяется качеством публикуемых на его страницах статей. Для того, чтобы иметь возможность широкого выбора и перспективного планирования, редакция должна располагать большим числом статей, отражающих новейшие поиски в различных областях тюркологии. От имени редакции М. Ш. Ширалиев обратился к членам Комитета с просьбой содействовать поступлению в журнал содержательных и интересных научных статей, сообщений, обзоров, рецензий, информации, хроникальных материалов.

Выступивший в заключение А. Н. Кононов предложил М. Ш. Ширалиеву созвать расширенное заседание редколлегии журнала «Советская тюркология» с тем, чтобы ознакомить тюркологов с планами журнала и обсудить проблемы тиража. Для этого следует представить сведения о подписке на журнал по республикам. По мнению А. Н. Кононова, необходимо шире внедрять практику заказа проблемных статей, рецензий, обзоров, а также научной информации. А. Н. Кононов одобрительно отзывался о системе заказов статей зарубежным ученым, благодаря чему устанавливаются и развиваются научные контакты между советской и зарубежной тюркологией. Номера журнала должны издаваться в установленные сроки — это верный способ привлечения подписчиков.

Г. Ф. Благова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. Сибагатов (Уфа). Проблема предикативности: различные подходы к ее решению	3
Б. Ч. Чарьяров (Ашхабад). Особенности употребления определенного будущего времени в тюркских языках	15
С. А. Соколов (Москва). Конъюнкционализация в турецком языке	24

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. Гукасян (Баку). Тюркизмы в албанских источниках	30
---	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л. Я. Медведева (Ленинград). Литературное наследие караимского поэта И. И. Эрака	42
--	----

ОНОМАСТИКА

Э. М. Мурзаев (Москва). Два топонимических сюжета	47
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. Баскаков (Москва). Проект единой унифицированной фонетической транскрипции для тюркских языков на латинской и русской основах	52
---	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Т. Ахматов (Фрунзе). Редукция гласных в киргизском языке	55
М. М. Костяков (Новосибирск). Некоторые тюркско-кетские параллели в области гипотаксиса	62
Ш. Ш. Абилов (Казань). О новонайденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис»	69
И. Л. Кызласов (Москва). Средневековая эпитафия из Малиновки (Тува)	74
Д. Д. Васильев (Москва). Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея	79

РЕЦЕНЗИИ

З. А. Ахметов (Алма-Ата). К. Ш. Кереева-Канафиева. Русско-казахские литературные отношения (вторая половина XIX — первое десятилетие XX в.)	82
Р. Г. Азнагулов (Уфа). М. В. Зэйнуллин. Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияны	83

М. З. Закиев (Казань). С. М. Ибрагимов. Татар телендә синтаксик синонимнар	86
К. З. Зиннатуллина (Казань). Ф. А. Ганиев. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке	88
И. Е. Фадеева (Ленинград). «Turcica. Revue d'études turques» tome VIII (1—2)	90

ХРОНИКА

М. А. Бородина (Ленинград), Г. Ф. Благова (Москва), З. П. Демьяненко, А. А. Кручинина (Ленинград), Л. Т. Махмутова (Казань), М. Ч. Чумакаева, Н. Н. Широбокова (Новосибирск). Семинар по тюркской лингвистической географии	93
Г. Ф. Благова (Москва). Третье пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	104

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

R. G. Sibagatov (Ufa). Problem of predicativity: different approaches towards its decision	3
B. Ch. Chariyarov (Askhabad). Peculiarities of usage of future definite tense in the Turkic languages	15
S. A. Sokolov (Moscow). Konjunctionalization in the turkish language	24

LANGUAGES IN CONTACT

V. L. Gukasyan (Baku). Turkisms in the Alban records	30
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

L. Ua. Medvedeva (Leningrad). Literary heritage of the kharaim poet I. I. Erak	42
--	----

ONOMASTICS

E. M. Murzayev (Moscow). Two toponimic plots	47
--	----

DISCUSSIONS

N. A. Baskakov (Moscow). Project of the unified transcription for the Turkic languages on the Latin and Russian bases	52
---	----

REPORTS, SURVEYS

T. Akhmatov (Frunze). Reduction of vowels in the Kirghiz language	55
M. M. Kostyakov (Novosibirsk). Some Turkish-Kettic parallels in the sphere of hypotaxis	62
Sh. Sh. Abilov (Kazan). On the newfound copy of the written record of the XIV-th century «Nahdj al-Faradis»	69
I. L. Kyzlasov (Moscow). Medieval epitaph from Malinovka (Tuva)	74
D. D. Vasiljev (Moscow). Once again on the oldturkic epigraphy from Tepscey	79

REVIEWS

Z. A. Akhmetov (Alma-Ata). К. Ш. Кереева-Канафиева. Русско-казахские литературные отношения (вторая половина XIX—первое десятилетие XX в.)	82
R. G. Aznagulov (Ufa). М. В. Зейнуллин. Хәзерге башкорт телендә модаллек категорияһы	83
М. З. Закиев (Казань). С. М. Ибрагимов. Татар телендә синтаксик синонимнар	86

<i>K. Z. Zinnatullina</i> (Kazan) <i>Ф. А. Ганиев. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке</i>	88
<i>I. Ye. Fadeyeva</i> (Leningrad). « <i>Turcica. Revue d'études turques</i> », tome VIII (1—2)	90

CHRONICLE

<i>M. A. Borodina</i> (Leningrad), <i>G. F. Blagova</i> (Moscow), <i>Z. P. Demyanenko</i> , <i>A. A. Krucinina</i> (Leningrad), <i>L. T. Makhmutova</i> (Kazan), <i>M. C. Chumacayeva</i> , <i>N. N. Shirobocova</i> (Novosibirsk). Seminar on Turkic linguistic geography	93
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). Third plenary session of the Soviet Committee of turkologists	104

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова*.

Сдано в набор 6/VII-1977 г. Подписано к печати 28/IX-1977 г. ФГ 03481.
 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 4453. Тираж 3010. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал